ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михаиломъ Каченовскимъ.

Стоять — и правду говорить.

Державинъ.

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

1830.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, 1830 года Іюля 9 дня. *Цензоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 13.

ІЮЛЬ 1830.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Метафvзика Платонова.

Отъ идей Платонъ непосредственно долженствовалъ низойти къ тѣмъ существамъ, для коихъ идеи служатъ токмо изображеніями. И ето составляетъ у него особенную часть Философіи, которую можно назвать непреходною (immanens), и которая въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ Метафvзика. Ежели всѣ разбросанныя въ его сочиненіяхъ мысли и положенія возвести къ единству; то не трудно будетъ усмотрѣть и четыре главные вида сея обширныя науки, въ коихъ повсюду видно строжайшее различеніе между идеальнымъ и реальнымъ, а именно:

α) Онтологію, β) Боговѣдѣніе, γ) Космологію и δ) Психологію.

α) Онтологія.

Кажется, что Платонъ не имѣлъ намѣренія составить особенную часть изъ Онтологіи, поелику она представляется у него вездѣ какъ введеніе въ Философію. Существенный предметъ ея состоитъ въ томъ, чтобы изложить и привести въ систематическій порядокъ общія понятія. Почему онъ здѣсь допускаетъ различіе во первыхъ между понятіемъ о томъ, что̀ есть (*ον*), и о томъ, что̀ не есть (*μη ον*); потомъ излагаетъ то, изъ чего должно состоять сущее, что̀ есть цѣлое и части, что̀ субстанція и случайное, что̀ измѣненіе и законъ, что̀ причина и дѣйствіе. Но особенно замѣчательны его понятія о вещи самой въ себѣ и явленіи, которыя собственно принадлежатъ ему, также понятія о формахъ пространства и времени, которыя обработаны у него особеннымъ характеристическимъ образомъ. И во первыхъ онъ полагаетъ весьма строгое различіе между вещію въ самой себѣ (*νοουμενον*) и явленіемъ (*φαινομενον*), подобно

какъ между умственными и чувственными представленіями. Вещамъ въ самихъ себѣ приличествуетъ неизмѣняемость; явленіямъ — измѣняемость: тѣ подлежатъ токмо созерцаніямъ ума, сіи — чувственнымъ воззрѣніямъ. Отсюда первыя онъ называетъ *νοητα*, послѣднія — *αισθητα*. Такимъ образомъ вещи сами въ себѣ возвышены надъ кругомъ чувственныхъ представленій: онѣ неразрушимы, нетлѣнны, несложны, единичны, цѣлостны; заключаютъ въ себѣ бытіе отрѣшенное, никогда неоскудѣваютъ и не приращаются, но всегда полны и самимъ себѣ равны; напротивъ того явленіямъ не принадлежитъ ни одно изъ сихъ свойствъ. Отсюда явствуетъ, что вещи сами въ себѣ суть тоже, что и идеи. Онѣ не суть посему существа срасленныя (конкретныя), существующія въ семъ мірѣ или внѣ міра; а такимъ образомъ совершенно различны отъ субстанцій какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ, ибо существуютъ прежде вещей; между тѣмъ какъ субстанціи, содержа въ себѣ основаніе всѣхъ случайныхъ измѣненій вещей, заключены въ вещахъ и имъ совершенно равновременны. Такъ напр. возмемъ какое нибудь животное, и

ежели мы будемъ разсматривать оное какъ вещь въ самой себѣ, тогда произойдетъ идея о животномъ, полная, совершенная, вседовлительная; ежели — какъ субстанцію, то ето будетъ душа животнаго, которая въ немъ заключается, держитъ его и пребываетъ сама въ себѣ неизмѣнна; ежели же наконецъ — какъ феноменъ, то ето будетъ самый предметъ чувственнаго представленія, дѣйствительное, тѣлесное существо. И такъ вещи сами въ себѣ составляютъ умственный міръ первообразовъ для міра дѣйствительнаго, существующій впрочемъ не упостатически, а чисто идеально въ умѣ Божественномъ. Дабы уяснить отношеніе ихъ къ субстанціямъ и явленіямъ, Платонъ сравниваетъ часто премудрое устроеніе міра съ художническимъ дѣйствованіемъ. Истинный художникъ, не механически, но свободно и творчески дѣйствующій, прежде дѣйствительнаго изображенія вещи въ какихъ-либо чертахъ, имѣетъ уже въ себѣ болѣе или менѣе раскрытую идею, по которой образуетъ свое произведеніе. Въ ходѣ дѣятельности его, въ отношеніи къ сей идеѣ можно примѣчать различныя степени. Сначала увлекаетъ его общая родовая идея

фузическихъ явленій, естественныхъ силъ или нравственныхъ добродѣтелей и страстей: она объемлетъ его во всей своей цѣлости, дѣйствуетъ на него со всею силою и потрясаетъ его душу. Потомъ уже онъ старается осуществить ее, разрѣшить цѣлость ея на частныя черты, и придумать планъ изобразить ее въ недѣлимой формѣ. Етотъ планъ будетъ тогда нѣчто среднее между идеею и недѣлимымъ произведеніемъ. Точно такъ происходитъ и въ Божественномъ Разумѣ, такъ что *τοπος νοητος*, или міръ идей есть не что иное, какъ полный всеобъемлющій чертежъ будущаго устроенія міра съ его законами и рядами существъ: и ето-то есть совокупность вещей въ самихъ себѣ. Міръ явленій есть отпечатокъ идей или самое произведеніе Всемогущаго Художника. Субстанціи составляютъ нѣчто среднее между идеями и явленіями, такъ что при посредствѣ ихъ идеи отпечатлѣваются въ видимыхъ явленіяхъ. Чтожъ касается до формъ пространства и времени; то о первомъ ни откуда не видно, чтобы Платонъ отдѣлялъ оное отъ матеріи и представлялъ формою. Время же, по

его мнѣнію, есть движущійся образъ вѣчности (*το αιων*), или того чистаго, непреходящаго времени, которое принадлежитъ вещамъ въ самихъ себѣ, и къ которому оно относится такъ, какъ явленіе къ идеѣ.

β) Боговѣдѣніе.

Ученіе о верховномъ всезиждительномъ Художникѣ, силою Коего устроена по вѣчнымъ и безпредѣльнымъ идеямъ вся совокупность видимыхъ явленій, составляло верхъ Метаѳѵзики, или, лучше сказать, всея Философіи Платоновой. Здѣсь онъ первоначально заботился о томъ, чтобы доказать бытіе сего премудраго Художника, и для того преимущественно употреблялъ доводъ ѳѵзико-ѳеологическій. Разсматривая цѣло-сообразность и гармонію, открывающуюся въ устроеніи всея вселенныя, преимущественно же къ организмѣ существа человѣческаго и душѣ его, онъ почиталъ ее за вѣрнѣйшее и непреложное доказательство бытія Божія и даже не могъ представить себѣ того, чтобы человѣкъ, взирая на необозримую

громаду міра, могъ когда-либо въ томъ усумниться. Самое даже кругообращеніе міра, по его мнѣнію, ясно выраженному въ Тімеѣ, есть свидѣтельство Божественнаго его происхожденія: поелику міръ чрезъ оное уподобляется существу Божественному, которое, вѣчно обращаясь окрестъ себя, служитъ средоточіемъ для всѣхъ существъ мыслящихъ. Вторый доводъ бытія Божія онъ основываетъ на необходимости предположенія безусловной причины для непрестанно измѣняющихся явленій міра. Въ Природѣ примѣчаются покой и движеніе, постоянство и измѣняемость: онѣ предполагаютъ причины, или условныя или безусловныя, или физическія или свободныя. Что касается до первыхъ, то онѣ сами на себѣ остановиться не могутъ, но всегда будутъ требовать для себя опять безусловной причины: поелику иначе должно будетъ допустить, что рядъ ихъ держится на ничемъ. Свободныя же существа, каковы суть души человѣческія, хотя и дѣйствуютъ безусловно; но между тѣмъ сами сознаютъ свою ограниченность и потому требуютъ опять для себя другой высшей вины, существующей внѣ міра. А сто долженъ быть не

иной кто, какъ Богъ. Находится еще новый доводъ бытія Божія у Платона, состоящій къ раскрытіи понятія о предѣлахъ и о безпредѣльности. Во всѣхъ вещахъ, входящихъ въ составъ вселенныя, опредѣленное сочетано съ безпредѣльнымъ. То, почему существо не содержитъ никакихъ признаковъ, есть неопредѣленное; а то, почему получаетъ признаки, есть опредѣленное. Неопредѣленное есть матерія; опредѣленное — форма: онѣ соединены въ каждомъ существѣ; и сіе соединеніе предполагаетъ силу, произведшую оное. Такъ напр. въ человѣкѣ соединено опредѣленное съ неопредѣленнымъ, душа съ тѣломъ: самъ онъ не могъ произвесть сего соединенія; слѣдовательно должна быть высшая причина онаго. Доказательство болѣе тонкое, нежели сильное! Сія верховная причина, или Богъ, есть, по мнѣнію Платона, Существо высочайшее, приступное токмо для умственнаго созерцанія, вѣчное, единое, начало всякаго блага и совершенства въ мірѣ, а посему умъ совершеннѣйшій, обладающій разумомъ и свободою въ высшей степени, первообразъ и законодатель существъ разумно-свободныхъ, судія нравственныхъ

дѣяній и идеалъ святости. Человѣкообразныя понятія о Немъ стихотворцевъ не заслуживаютъ никакого вѣроятія. Не унижая впрочемъ Его величія, можно представлять Его себѣ подъ образомъ солнца; ибо какъ солнце вещественное есть источникъ свѣта и спѣянія, не токмо для тѣхъ, кои видятъ его сіяніе, но и для всѣхъ существъ безжизненныхъ, коимъ вливаетъ оно силу постепеннаго раскрытія и преспѣянія; такъ и Богъ есть источникъ свѣта для существъ разумныхъ и источникъ жизни для неразумныхъ, есть духовное солнце. Сіе духовное солнце есть единое и единственное существо; и ежели Платонъ говоритъ иногда о многихъ богахъ, то ето было частію безнамѣреннымъ выраженіемъ общепринятаго языка, частію же слѣдствіемъ понятій его о благихъ духахъ, коимъ было ввѣрено отъ единаго Бога устроеніе міра. Сей единый Богъ именуется у него *Πατηρ του παντος*, *Ποιητης*, *Δημιουργος*, *Αριϛτος των αιτιων*, *Αγαϑον*, *Αιτιος του ζειν*, *Αρχων και Βαϛιλευς παντον*, *Πατηρ των Θεων* (благихъ духовъ), *Νους Βαϛιλευς* и просто *Θεος*. Платонъ любитъ все возводить къ Нему и все изводитъ отъ Него, а посему

и самъ начинаетъ свои Разговоры испрашиваніемъ отъ Него озаренія. По его мнѣнію, Богъ бесѣдуетъ непосредственно съ человѣками, и сія бесѣда совершается чрезъ благаго духа. Все, что̀ ни имѣетъ человѣкъ лучшаго и совершеннѣйшаго какъ въ познаніи, такъ и въ нравственности, происходитъ отъ Бога: Онъ одинъ сообщаетъ мудрость и добродѣтель и къ Нему единому должны прибѣгать всѣ, ищущіе истины и святости: почему бѣдствія человѣческія дотолѣ не исчезнутъ, доколѣ Богу не благоугодно будетъ послать къ нимъ кого нибудь съ неба для ихъ исправленія. Въ разговорѣ: Алкивіадъ — Платонъ вводитъ Сократа, говорящаго Алкивіаду такимъ образомъ: »Когда Богу угодно будетъ повести насъ по степенямъ добродѣтели; тогда только мы успѣемъ.« Причины, побудившія сіе премудрое и преблагое Существо произвести вселенную, заключаются собственно въ Его благости: »Θεως αγαθος,« говоритъ онъ въ Тимеѣ „будучи чуждъ зависти, не желаетъ одинъ наслаждаться блаженствомъ, но хочетъ сообщить оное другимъ существамъ.« Особенную же цѣль для Его благости составляютъ существа разумныя, какъ способ-

ныя ко вмѣщенію въ себѣ бо́льшаго удѣла совершенствъ Его. Такъ какъ Богъ устроилъ вселенную по совершеннѣйшимъ идеямъ: то отсюда очевидно, что все сотворенное отъ Него совершенно. »Не говорю я того, что Богъ есть виновникъ всего: Онъ есть виновникъ только блага (Ἀιτιος του ʒειν),« говоритъ онъ въ Республикѣ. Откуда же теперь зло? Вопросъ сей разрѣшается тѣмъ, что зло не отъ Бога происходитъ; оно или имѣетъ совсѣмъ другое отдѣльное начало, или не есть дѣйствительное зло. Такъ Платонъ пишетъ о семъ во II письмѣ къ Діонvсію: »Ты вопрошалъ меня, сынъ Діонvсіевъ! какой источникъ зла? Но я самъ стократъ бы благословилъ того, кто бы мнѣ прежде открылъ оный: по долгомъ изслѣдованіи я узналъ сіе, и скажу тебѣ теперь только то, что тотъ, кто не исторгнулъ изъ самаго себя жала грѣха, не можетъ узнать сего: итакъ зло не должно принадлежать природѣ человѣческой.« Метафvзическое зло не есть зло, равно какъ и фvзическое; истинное же зло есть зло нравственное, которое есть источникъ всякаго зла. Почему Богъ, не будучи виною зла нравственнаго, не есть вмѣстѣ

виновникъ и никакого зла. Теперь Богъ, будучи Творцемъ вселенныя, есть вмѣстѣ и промыслитель оныя. Сіе послѣднее Его дѣйствіе именуется у Платона *προνοια*: оно простирается какъ на цѣлый міръ, такъ и на его части, и не ослабляется ни мало тѣмъ, что въ сvстемѣ Платоновой поручается какъ бы благимъ духамъ: поелику это происходитъ не по нуждѣ, но по единому благоволенію Божію. Цѣль всего міроправленія находится къ царствѣ нравственномъ: поелику оно направлено къ тому, чтобы зло было побѣждено и преодолѣно, а добро восприяло полную державу, и такимъ образомъ водворилось бы повсюду единое совершенство, что̀ и должно будетъ произойти при кончинѣ міра. Таковое гаданіе было слѣдствіемъ очищеннаго прозрѣнія Платонова въ міръ идей. И изъ сего-то идеальнаго образа воззрѣнія проистекаетъ та лучезарная свѣтлость, которая озаряетъ всѣ возвышенныя его понятія о Богѣ. У всѣхъ доселѣ бывшихъ философовъ сіи понятія были большею частію односторонни. Такъ у Пvѳагора Божество сливалось съ Природою; Анаксагоръ наполнилъ Божествомъ пространство; да и самъ Со-

кратъ весьма мало обращалъ вниманіе на очищеніе ѳеоретическаго о Немъ понятія. Но Платоново Боговѣдѣніе, будучи отдѣлено отъ древняго vлозоизма, изъясняетъ вмѣстѣ достаточнымъ образомъ и существованіе міра чрезъ посредство Божественнаго ума или слова, а чрезъ то упрочиваетъ основанія для истиннаго ученія о мірѣ или для Космологіи.

γ) Космологія.

Космологія Платонова, будучи вѣрна главнымъ началамъ его Философіи, предполагающимъ вездѣ строгое различіе между истиннымъ бытіемъ (*τὸ εἶναι, οὐσία*) и являемостію (*γίγνεσθαι, γένεσις*), разсматриваетъ Природу съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, именно: въ ея преходящемъ существованіи и въ ея непреходящей сущности. Подъ первымъ образомъ воззрѣнія онъ обращаетъ вниманіе на внѣшнюю ея сторону, разсматриваетъ огромный составъ видимаго тѣлеснаго міра, на матерію, изъ которой онъ составленъ и на форму, которая сообщаетъ ему гармоническую цѣло-сообразность; подъ вторымъ — беретъ въ разсмотрѣніе тѣ

предѣлы, гдѣ міръ сотворенныхъ вещей граничитъ съ существомъ высочайшимъ или отношеніе міра къ Богу. Обращая вниманіе на Природу въ первомъ отношеніи, т. е. на всецѣлую совокупность видимыхъ явленій, Платонъ усматриваетъ, что все видимое сложено изъ частей: но сіе сложеніе не иначе могло произойти, какъ токмо при предположеніи съ одной стороны непроницаемаго вещества, наполняющаго пустое пространство, а съ другой приведенія его въ извѣстный видъ: откуда необходимо долженствовало слѣдовать заключеніе, что составныя начала тѣлеснаго міра суть матерія и форма. Понятіе матеріи Платонъ производитъ чрезъ отвлеченіе отъ всѣхъ качествъ видимаго міра: и потому представляетъ ее себѣ „какъ нѣчто многочастное, разнообразное, не сочетанное въ одинъ какой-либо видъ, не окачествованное, не опредѣленное, не подлежащее никакой мѣрѣ, не содержащее никакого количества, могущее въ безконечность умножаться и уменьшаться, безпредѣльное, безобличное, не имѣющее постояннаго направленія и движенія, а токмо бродящее и хаотическое; почему она и на-

зываешся у него *απειρον.* Въ отношенiи къ пространству она не есть нѣчто ничтожное, поелику наполняетъ пространство; а посему есть нѣкая толща или масса, имѣющая способность дѣйствовать на существа реальныя: въ отношенiи же ко времени, большая часть изъяснителей Платоновыхъ полагаютъ, что онъ приписывалъ ей вѣчность, и основываются здѣсь на томъ, что Платонъ въ Тiмеѣ поставляетъ именно три начала для мiра, кои суть: Богъ, идеи и матерiя. И дѣйствительно! Всѣ мѣста Тiмея таковы, что въ нихъ повсюду предполагается предсуществованiе матерiи, которая оставалась безобразною дотолѣ, доколѣ не излiялся на нее свѣтъ идей и не окачествилъ ее: но между тѣмъ нѣтъ тамъ ни одного мѣста, которое бы прямо утверждало, что матерiя совѣчна Богу какъ по началу, такъ и по концу. Нео-Платоники Iероклъ и Проклъ явно утверждаютъ, что Платонъ, именуя Бога *εμφανους δημιουργον κοσμηθεως* не иное что хотѣлъ тѣмъ выразить, какъ токмо то, что Богъ изъ ничего произвелъ Природу, субстратъ вселенныя, такъ какъ единой воли Его было для того достаточно; но

нѣкоторые изъ послѣдующихъ учениковъ его извратили возвышенныя понятія его о многохудожномъ сотвореніи міра. Да и въ самомъ дѣлѣ весьма трудно съ духомъ системы Платоновой согласить понятіе о вѣчной матеріи, такъ какъ онъ положительное бытіе приписываетъ одному духу, а міру тѣлесному бытіе токмо преходящее и феноменальное. Сверхъ того у Платона находится догматъ, что душа міра или олицетворная сила движенія, которая по первоначальной своей безпредѣльности всегда стремится къ хаотическому состоянію, будучи такимъ образомъ злою, не вѣчна, а разрушится и исчезнетъ; но ежели душа міра есть преходяща и должна исчезнуть, то не паче ли то же долженствуетъ произойти съ матеріею? Въ противномъ случаѣ остается развѣ прибѣгнуть къ предположенію нео-Платониковъ, что и самая матерія наконецъ просвѣтлится и прославится; но на ето нѣтъ никакого даже намѣка у Платона. Такимъ образомъ ему ни какъ не льзя было говорить о безначальной и равновѣчной Богу матеріи; справедливѣе и сообразнѣе съ истиннымъ ученіемъ Платона, что матерія, какъ составное

начало міра, дѣйствительно долженствовала существовать прежде устроенія вселенныя, но не отъ вѣчности, а бывъ сотворена по волѣ превѣчнаго Димiурга. Сія первоначальная матерія, предваряющая всякое цѣло-сообразное устроеніе, подчинена строгимъ законамъ желѣзной необходимости, которая къ Тімеѣ именуется *Αναγκη* и повинуется слѣпому механизму. И она-то есть первое составное начало тѣлеснаго міра, субстратъ будущихъ тѣлъ и вмѣстилище формы! Форма есть не что иное, какъ приведеніе неопредѣленнаго и безкачественнаго въ опредѣленность и качественность; а посему она есть второе составное начало видимыя вселенныя. Всякое тѣло состоитъ изъ сочетанія формы съ матеріею. Первоначальную форму стихій составляютъ Геометрическія фигуры, пропорціонально другъ къ другу относящіяся: такъ, на примѣръ, огонь состоитъ изъ маленькихъ тріугольниковъ и потому образуетъ собою пирамиду; земля слагается изъ правильныхъ четвероугольниковъ и такимъ образомъ представляетъ кубъ; воздухъ состоитъ изъ осміугольниковъ и т. п. Теперь откуда же происходитъ тотъ

порядокъ, та гармонія и то цѣло-сообразное благоустроеніе, которое примѣчается въ формѣ міра? Разрѣшеніе сего вопроса составляетъ предметъ высшей части Космологіи, разсматривающей Природу подъ идеальнымъ образомъ воззрѣнія. Вселенная есть отпечатокъ Божественныхъ идей, а посему и зерцало безконечныхъ совершенствъ Божіихъ. Главныя совершенства ея суть: а) полнота, по которой все въ ней заключается и она чужда всякихъ недостатковъ и промежутковъ; б) неразрушимость, по силѣ коея она, будучи преходяща въ явленіяхъ, никогда не измѣняется въ существѣ своемъ и наконецъ должна обновиться и просвѣтиться, какъ составъ существъ чистыхъ, свѣтлыхъ и приближенныхъ къ Богу; в) неизмѣняемость, по отношенію къ ея цѣлости; г) сферическая фигура, и наконецъ д) кругообразное движеніе. Толь совершенный міръ, устроенный по совершеннѣйшимъ идеямъ силою всемощнаго Диміурга, сохраняется и управляется его же вседѣйственнымъ промысломъ, при посредствѣ благихъ духовъ. Впрочемъ толь правильнаго и цѣло-сообразнаго движенія и благоустроенія міра не льзя совершенно

и вполнѣ изъяснить, не предположивши еще въ средоточіи міра единаго начала, единой силы движенія, которую Платонъ именуетъ душею міра, конечно по недостатку въ Греческомъ языкѣ другаго, болѣе точнаго выраженія и по обширности знаменованія, принадлежащаго слову: *ψυχη*. Такимъ образомъ міръ есть какъ бы нѣкое живое существо: видимыя существа составляютъ тѣло его; а внутренняя невидимая сила — душу. Доколѣ сія первоначальная и коренная сила не подлежитъ опредѣленнымъ законамъ, дотолѣ она на языкѣ Платоновомъ была злою душею; по устроеніи міра она подчинена извѣстной формѣ и посему содѣлалась благою душею. Подобно какъ одушевленъ цѣлый составъ міра, одушевлены также и превосходнѣйшія части его, какъ то: стихіи и свѣтила, которыя суть образы Боговъ и коихъ теченіе впрочемъ зависитъ также отъ Боговъ, подчиненныхъ единому истинному Богу. Такимъ образомъ весь чинъ вселенныя есть произведеніе премудраго Міроправителя, великаго Диміурга и Творца вселенныя; особенную же цѣль сего міроправленія составляетъ человѣкъ, уче-

ніе о коемъ принадлежитъ Псvхологіи или Анѳропологіи.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

О достоинствѣ Божественной Поезіи.

(Отрывокъ.)

Доказывать достоинство Божественной Поезіи доводами, заимствованными изъ какихъ-либо человѣческихъ писаній, а не изъ нея самой извлеченными, или вымышлять собственныя, значило бы то же самое, что разсматривать свѣтъ солнечный при помощи малаго свѣтильника, или судить о пространствѣ и величинѣ вселенной по ограниченному объему зрѣнія. Свѣтъ солнечный каждому бываетъ ощутителенъ безъ постороннихъ пособій, кто только откроетъ глаза и посмотритъ на окружающіе его предметы: такъ точно о достоинствѣ Божественной Поезіи можетъ каждый легко удостовѣриться, не прибѣгая ко внѣшнимъ доказательствамъ, если только обратитъ на оную

внимательность ума. Правда, стихотворныя произведенія человѣческія могутъ иногда служить къ доказательству достоинства Божественной Поэзіи, но только отрицательно, т. е. въ томъ отношеніи, что, смотря вмѣстѣ на сію и на другія, можно удобнѣе и скорѣе видѣть превосходство Божественной Поэзіи предъ всѣми твореніями человѣческими. Какъ свѣтъ солнечный, отражаясь отъ видимыхъ предметовъ, болѣе разливается и болѣе дѣлается ощутительнымъ: такъ и достоинство Божественной Поэзіи чрезъ сравненіе ея съ произведеніями ума человѣческаго, какъ бы чрезъ нѣкоторое отраженіе, явственнѣе открывается и удобнѣе познается. Впрочемъ Божественная Поэзія, и безъ таковыхъ постороннихъ пособій, сама въ себѣ заключаетъ много весьма важныхъ доказательствъ о своемъ достоинствѣ. Одно ея имя показываетъ уже такое ея достоинство, каковаго ни одно человѣческое произведеніе имѣть не можетъ; и сіе одно доказательство сильнѣе всѣхъ прочихъ, какія только можно выводить изъ собственныхъ умозаключеній. Сіе наименованіе показываетъ ея происхожденіе, начало въ ней дѣйствующее, предметъ и

цѣль — четыре главнѣйшія черты, изъ обозрѣнія которыхъ яснѣйшимъ образомъ можно видѣть всецѣлое ея достоинство.

Начало Божественной Поэзіи предшествовало началу существованія самаго человѣка, посредствомъ котораго она въ послѣдствіи времени облечена во внѣшнее слово. Прежде нежели персть, составляющая внѣшняго человѣка, получила опредѣленный видъ и была оживотворена всесильнымъ дуновеніемъ Мироздателя, Божественная Поэзія уже́ существовала; прежде нежели сотворенъ органъ слова, уже́ воспѣтъ былъ стройный гимнъ хоромъ Духовъ во славу Премудраго и Всемогущаго Творца міровъ безчисленныхъ: ибо *кто положилъ красугольный камень міру при ликованіи утреннихъ звѣздъ, при торжествѣ всѣхъ сыновъ Божіихъ?* ... Такъ! не человѣкъ былъ творцемъ Божественной Поэзіи; но Творецъ человѣка есть первый виновникъ ея существованія. Человѣкъ былъ только, такъ сказать, подражателемъ. Онъ, по двоякому естеству своему, какъ сокращеніе природы, духовной и вещественной, стоя на предѣлахъ міра небожителей, могъ удобно созерцать все въ немъ происходившее; а

посему, имѣя тончайшіе органы, съ помощію коихъ и самомалѣйшее движеніе въ видимомъ мірѣ быстро замѣчалъ, когда въ первыя минуты своего существованія услышалъ гармонію небеснаго пѣнія и увидѣлъ порядокъ и красоту всего творенія: то въ восторгѣ и благоговѣйномъ удивленіи и самъ присоединился духомъ своимъ къ пѣнію словословящихъ Духовъ, и такимъ образомъ заимствовалъ и усвоилъ себѣ Божественную Поэзію во всей ея чистотѣ и совершенствѣ. Человѣкъ вполнѣ сохранялъ оную, доколѣ находился въ состояніи чистоты и невинности; но съ поврежденіемъ воли, съ потерею первобытнаго совершенства умственныхъ способностей сдѣлавшись неспособнымъ къ Божественной Поэзіи, онъ утратилъ сей драгоцѣнный даръ Неба.

Когда такимъ образомъ весь родъ человѣческій чрезъ паденіе перваго человѣка впалъ въ состояніе отчужденія отъ славословія имени Божія, въ которомъ состоитъ величайшее блаженство человѣка; тогда Богъ, по благости своей, милосердуя о превосходнѣйшемъ твореніи рукъ Своихъ, не восхотѣлъ оставить его навсегда въ семъ

бѣдственномъ положеніи, и посылалъ мужамъ, содѣлавшимъ себя святостію своей жизни и чистотою сердца достойными къ воспріятію Божественнаго вдохновенія, духа Своего, которымъ воодушевляясь и возносясь къ созерцанію тайнъ міра духовнаго, они посредствомъ слова открывали ихъ для внѣшняго міра. Изъ сего явствуетъ, что начало, дѣйствующее въ Божественной Поэзіи, есть сверхъестественное непосредственное вдохновеніе, проистекающее отъ духа Божія: и сіе начало исключительно принадлежитъ одной токмо Божественной Поэзіи. Хотя въ Поэзіи человѣческой равномѣрно полагается дѣйствующимъ началомъ вдохновеніе или воодушевленіе; но сіе воодушевленіе есть не что иное, какъ возвышеніе всѣхъ умственныхъ силъ и способностей человѣка, происходящее отъ созерцанія величія и красоты предмета, избираемаго поэтомъ для своего пѣснопѣнія. А посему начало, полагаемое въ Поэзіи человѣческой, не должно быть почитаемо за одно съ началомъ, дѣйствующимъ въ Поэзіи Божественной: между ними почти такое же есть различіе, какъ между Религіею, при всей необъятной возвышенности чистою и мирною, и фа-

натизмомъ, лже-выспреннимъ въ изступленіи ума и сердца.

Главный предметъ пѣснопѣній вдохновенныхъ свыше пѣснопѣвцевъ состоитъ въ прославленіи Бога и вмѣстѣ возвѣщеніи Его законовъ и открытіи судебъ, непостижимыхъ для ума человѣческаго, по природѣ своей весьма ограниченнаго, но ясныхъ для свыше просвѣщенныхъ Пророковъ-Поетовъ. Они, бывъ возбуждаемы и руководимы Духомъ Божіимъ, предъ Которымъ нѣтъ ничего сокровеннаго и тайнаго, иногда посредствомъ мистическихъ созерцаній, а иногда посредствомъ видимыхъ образовъ и явленій, обнимали однимъ взоромъ весь кругъ временъ прошедшихъ и грядущихъ, зрѣли предъ собою открытую вѣчность и постигали неисповѣдимыя судьбы Божіи, которыя чрезъ внѣшнее или членовное слово открывали въ такихъ чертахъ, изъ коихъ и прочіе люди могли и естественнымъ умомъ познавать неограниченность совѣта Божія, по крайней мѣрѣ *гадательно*, *какъ сквозъ тусклое стекло.* Правда, иногда предметомъ Божественной Поезіи было прославленіе мужей, бывшихъ посредниками ме-

жду Богомъ и человѣками, и орудіемъ благодѣяній Божіихъ, изливаемыхъ на родъ человѣческій; впрочемъ сіе прославленіе направлено было всегда къ главнѣйшей и существенной цѣли — къ прославленію Бога и къ познанію всего въ Богѣ.

Въ сей высокой и единственной цѣли Божественной Поэзіи сосредоточиваются всѣ прочія, открывающіяся при разсматриваніи въ частности какого-либо Пророческаго пѣснопѣнія, какъ лучи солнца соединяются въ центрѣ сего свѣтила, гдѣ заключается начало свѣта и начало теплоты. Часто, смотря по состоянію лицъ, которымъ возвѣщаемы были Божественныя истины, и по духу времени, въ которое предлагались, предполагаема была цѣль, сообразная симъ обстоятельствамъ. Иногда цѣлію Божественныхъ Пѣснопѣвцевъ было то, чтобы посредствомъ высокихъ и сильныхъ наставленій извлечь людей изъ заблужденій, которымъ они въ слѣпотѣ своей подвергались и чрезъ то болѣе и болѣе удалялись отъ Бога; иногда — научить ихъ, дабы они, очищая свое сердце отъ всѣхъ пристрастій и пороковъ и отвлекая умъ отъ мірскихъ

суетъ, всѣ свои мысли и желанія устремляли къ возстановленію въ себѣ первобытнаго образа Божія; а иногда — чтобы, представивъ въ разительнѣйшихъ чертахъ благость Божію и милосердіе, никогда не оставляющія добродѣтельныхъ и избранныхъ своихъ безъ помощи и защиты, утѣшить чрезъ то скорбящихъ и подкрѣпить вѣру уповающихъ на грядущія обѣтованія.

И такъ, судя по происхожденію, началу дѣйствующему, предмету и цѣли Божественной Поэзіи, должно заключить, что она имѣетъ величайшее достоинство, котораго не имѣло и не можетъ имѣть ни одно піитическое произведеніе ума человѣческаго. Что̀ можетъ быть чище ея происхожденія, дѣйствительнѣе начала, возвышеннѣе предмета, благороднѣе цѣли? — Пророки-Поэты, описывая предметы важнѣйшіе, были только орудіями Духа Божія, излагавшаго Божественныя истины посредствомъ ихъ и внушавшаго имъ мысли, достойныя столь высокихъ предметовъ. Отъ сего-то писанія Пророковъ-Поэтовъ навсегда пребудутъ неподражаемыми образцами піити-

ческихъ твореній. Хотя нѣкоторые поэты, одаренные творческимъ умомъ, и старались въ полетѣ своемъ достигнуть высоты Божественной Поэзіи; однако успѣхи ихъ никогда не простирались далѣе предѣловъ возможности человѣческой. Величайшіе геніи, каковы Мильтонъ, Клопштокъ, Державинъ — успѣли ль, во всѣхъ отношеніяхъ, ознаменовать свои пѣсни печатію Божественной Поэзіи? . . .

Александръ Хиждеу.

Харьковъ.
1829.

Примѣчаніе.

Отрывокъ изъ сочиненія: *Опытъ Аналитики Божественной Поэзіи.* Расположеніе онаго слѣдующее:

Введеніе. I. Развитіе идеи о Божественной Поэзіи. Опытъ ея опредѣленія. Достоинство. II. Невозможность ея Ѳеоріи. Аналитика Божественной Поэзіи. Условіе, начало и предѣлы сей науки. III. Виды Божественной Поэзіи. Раздѣленіе Аналитики оной. Порядокъ изложенія.

Часть первая. I. Прототипъ Божественной Поэзіи. II. Разборъ употезы о словѣ духовномъ.

III. Внутренняя форма или духъ Божественной Поэзіи. IV. Есѳетика оной.

Часть вторая. I. Внѣшній видъ Божественной Поэзіи. Языкъ, Метрика, Риѳмика. II. Періоды Божественной Поэзіи, во внѣшнемъ ея образованіи. III. Остатки Священныхъ пѣсней допотопныхъ. IV. Аналутика пѣсней послѣпотопныхъ. V. Моисей, Давидъ, Исаія, какъ главные представители Божественной Поэзіи.

Сочиненіе сіе будетъ вполнѣ издано.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Усладовы гусли.

Баллада.

Младой пѣвецъ, Усладъ, цвѣтущій красотою,
На бѣгъ Днѣпра глядѣлъ,
И по струнамъ гуслей порхалъ своей рукою;
Любовь и славу пѣлъ.

*

Усталый селянинъ, ходившій за сохою;
Воловъ остановлялъ;
Веселый пастырь стадъ съ пастушкой молодою
Задумавшись внималъ.

*

Стада траву щипать въ лугахъ позабывали,
Дивясь его гуслямъ;
Доселѣ рѣзвыя, теперь онѣ стояли
Смиренно по лугамъ.

*

Пѣлъ нѣжный юноша: »О вы, которымъ поле
Въ удѣлъ дано судьбой!
О! какъ вы счастливы въ своей безвѣстной долѣ,
Въ невинности святой!

*

Подруги вашихъ дней не блещутъ жемчугами;
Но хуже ли другихъ?
Онѣ плѣняютъ васъ природными красами
И безъ парчей злашыхъ!

*

О какъ прелестны ихъ цвѣточные наряды,
Когда въ простыхъ вѣнкахъ
Идутъ, потупя взоръ, на шумный праздникъ Лады,
Плясать и пѣть въ лѣсахъ!

*

Какъ роза, ихъ уста, лице алѣй денницы!
Ихъ грудь бѣла, какъ снѣгъ!
Какъ мягкій, темный шелкъ ихъ тонкія рѣсницы
Плѣняютъ сердце всѣхъ!

*

И кудри падаютъ волнами къ нимъ на плечи;
О какъ ихъ нѣженъ взоръ!
О какъ ихъ сладостны привѣтливыя рѣчи —
Сердечный разговоръ!«

*

Невольно грудь пѣвца восторгомъ колебалась,
Когда любовь онъ пѣлъ!
Пастушка пастуху нѣжнѣе улыбалась,
Пастухъ горѣлъ и млѣлъ!

*

Но вотъ другая пѣснь! Красавецъ вдохновенный
Поетъ богатырей,
И Дворъ Владиміровъ и ужасы военны
И стукъ и трескъ мечей:

*

»О, славенъ Русскій Князь! живетъ въ дворцѣ богатомъ,
И ходитъ по коврамъ.
Роскошный столъ его блеститъ сребромъ и златомъ,
Веселіе гостямъ.

*

Когда съ двѣнадцатью сидитъ богатырями
При лакомыхъ столахъ;
Вино заморское сверкаетъ янтарями,
Медъ блещетъ въ хрусталяхъ.

*

Запышутъ ли костры отъ вражескаго пламя
Среди его полей:
Владиміръ Князь беретъ копье и мечь и знамя,
Зоветъ богатырей:

*

О чада Сѣвера! о вы, питомцы брани!
Въ васъ кровь кипитъ Славянъ

Скорѣе на коней, скорѣе копья въ длани,
Летите вихремъ въ станъ!

*

Вотъ Печенѣги къ намъ нахлынули, какъ тучи!
Разсѣйте ихъ, какъ прахъ!
Чу! топотъ, слышитель? вотъ кони ихъ летучи!
Вотъ скачутъ на поляхъ! —

*

По гласу Князя вдругъ летятъ на бой дружины;
Пошли мечи свистать;
И трупами враговъ покрылися равнины
И вся побита рать.

*

И мирный селянинъ, внимая пѣснямъ славы,
Бросалъ далеко взоръ. . . .
И промѣнять хотѣлъ смиренныя дубравы
На боевой шатеръ.

*

Какъ великаны съ горъ, скатилися угрюмы
Ряды ночныхъ тѣней:
Усладъ все изливалъ души высокой думы
Въ живой игрѣ гуслей.

*

Какъ бы предчувствуя конецъ мятежной жизни,
Возвелъ онъ взоръ къ звѣздамъ!
И вдохновенный пѣлъ: »О тихій край отчизны!
Лечу къ твоимъ брегамъ.

*

Когда мой легкій челнъ промчится черезъ море
Въ родимую страну?
И долго ли носить я буду въ сердцѣ горе?
Когда, когда засну?

*

О! скороль я скажу: простите рощи, горы,
Я въ міръ лечу иной!
Уже въ послѣдній разъ къ вамъ обращаю взоры!
Умолкнетъ голосъ мой!

*

И ты, и ты прости, предметъ очарованья!
Тебя покинуть жаль!
Прими любовь мою, прими мои стенанья!
Послѣднюю печаль!

*

О другъ души моей! закроешь ли ты очи
Умершаго пѣвца?
О милая моя! небудешь ли въ часъ ночи
Пугаться мертвеца?

*

О свѣтъ очей моихъ! прольешь ли теплы слезы
На мой могильный холмъ?
О милая моя! разсыплешь ли ты розы
На камнѣ гробовомъ?«

*

Такъ пѣлъ младый Усладъ! лишъ только за горами
Баянъ лѣсовъ и скалъ,

Прелестный соловей, съ волшебными гуслями
Свой гласъ соединялъ!

*

Волнуясь мыслями, онъ устремляетъ очи
На величавый Днѣпръ;
Какъ тихо! зыбь воды чуть чуть во мракѣ ночи
Колышетъ легкій вѣтръ!

*

Вдругъ видитъ: двѣ руки, какъ будто двѣ лилеи,
Мелькаютъ надъ водой;
Вотъ кудри, вотъ чело, вотъ мраморъ нѣжной шеи
Дѣвицы молодой!

*

Пѣвецъ въ волненьи чувствъ зритъ прелести нагія!
Она рукой своей
Бьетъ волны: то струи вверхъ брызжетъ голубыя,
То ловитъ тѣнь кудрей!

*

То вдругъ скрывается подъ сонною водою,
То вдругъ, какъ въ серебрѣ,
Вся въ пѣнѣ, выплывши съ распущенной косою,
Играетъ на Днѣпрѣ.

*

То гребнемъ костянымъ расчесываетъ косу,
То плещется водой;
То изъ кудрей своихъ серебряную росу
Жметъ нѣжною рукой.

*

То плачетъ какъ печаль; то рѣзвится какъ радость;
Рукой пѣвца манитъ;
И дѣвственныхъ грудей показывая младость,
Усладу говоритъ:

*

»Ко мнѣ! Усладъ, ко мнѣ! намъ воды неопасны!
Прекраснѣйшій пѣвецъ!
Приди! тебя зовутъ сестры мои прекрасны
Въ хрустальный свой дворецъ!«

*

И очарованный, любовью ослѣпленный
Пѣвецъ молча идетъ!
Русалка же къ нему на берегъ опѣненный,
И руку подаетъ....

*

Пустъ берегъ! нѣтъ пѣвца! лишь въ рощѣ отдаленной
Полночный вѣтръ шумитъ;
И сѣтующій Днѣпръ обрызгиваетъ пѣной
Береговой гранитъ.

*

Съ тѣхъ поръ уже на Днѣпръ, какъ мѣсяцъ появлялся,
Никто не приходилъ!
Лишь въ полночь звукъ гуслей протяжно раздавался,
И хохотъ слышенъ былъ...

И. Алякринскій.

Кострома.
1 Іюня
1830 года.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Выписка изъ рѣчи о состояніи Польскаго Царства, произнесённой, въ первомъ засѣданіи обѣихъ Палатъ, Министромъ Внутреннихъ дѣлъ и Полиціи, г-мъ Мостовскимъ, 28 Мая 1830 года.

(Продолженіе.)

c) Юстиція.

Ускореніе законнаго возмездія со стороны Юстиціи въ разныхъ судилищахъ было непреложною цѣлію стараній и заботливости Правительствующей Коммиссіи, сколько дозволяли то предѣлы ея власти. Въ продолженіе минувшихъ лѣтъ (*) до 1829 года въ Мирныхъ Судахъ прекращено дѣлъ 13,493. Въ Судахъ Гражданскихъ и Коммерческихъ подписано вообще 82,340 окончательныхъ опредѣленій. Судъ

(*) См. примѣчаніе на 280й страницѣ предъидущей книжки.

Апелляціонный рѣшилъ 9336 дѣлъ. Судъ Высшей Инстанціи по 1046 тяжебнымъ дѣламъ далъ свои окончательные приговоры, и отказалъ въ 846 прошеніяхъ. Постановленіемъ Царскимъ отъ 6го Іюля 1826 года въ упомянутомъ Судѣ вновь учреждено второе Отдѣленіе для успѣшнѣйшаго хода его дѣйствій. Въ Судахъ Полицейскихъ рѣшено 101,321 дѣло, и 70,031 въ Судахъ Исправительной Полиціи. Уголовныя судилища обнародовали 14,142 приговора, а Судъ Апелляціонный, распоряжаясь на правѣ Кассаціоннаго, по дѣламъ полицейскимъ, исправительнымъ и уголовнымъ подписалъ 2873 приговора.

Трудно было бы скрыть, что число преступленій, хотя меньшее относительно къ прочимъ краямъ Европы, у насъ увеличилось въ послѣдніе годы. Главнѣйшія тому причины замѣчаются въ возрастающемъ народонаселеніи, въ недостаточности ученія первоначальнаго и въ неотвратимомъ приумноженіи дѣлъ, возникающихъ отъ обмановъ. Чтобы дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, Департаментъ Юстиціи желалъ бы приумноженія средствъ и слѣдственно при-

бавки суммъ, на сей предметъ назначенныхъ.

Дѣлъ о мѣрахъ наказаній противъ чиновниковъ, которые нарушали свои обязанности или во зло употребляли власть свою, рѣшено 267. Изъ числа 29 прошеній о помилованіи, представленныхъ къ самому ГОСУДАРЮ, по 24мъ даровано облегченіе въ карахъ. Фамильныхъ совѣщаній произведено было 8319.

Учрежденіе ссудъ подъ недвижимыя имѣнія во всемъ Царствѣ приведено къ концу, сообразно закону, и оно послужило основаніемъ для дѣйствій Общества кредита всенароднаго, установленнаго на послѣднемъ Сеймѣ, — Общества, коего работы имѣли рѣшительное вліяніе на уменьшеніе числа тяжебъ. Отъ Правительствующей Коммиссіи Юстиціи сдѣлано было представленіе о средствахъ, Царскимъ Намѣстникомъ утвержденное: въ слѣдствіе чего дѣла̀ по конкурсамъ и ликвидаціямъ, продолжавшіяся еще со времени Правительствъ Австрійскаго и Прусскаго, большею частію рѣшены. Изъ нихъ осталось неконченными только 18.

Кассы сохранныя при Судахъ гражданскихъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ до 1829 года, выдали владѣльцамъ, по мѣрѣ представленія ими свидѣтельствъ, около 19 милліоновъ злотыхъ, какъ наличною монетою, такъ и цѣнностями, которыми представляется монета. Рѣшительное распредѣленіе вкладовъ зависитъ отъ окончательнаго исполненія Конвенцій, заключенныхъ съ Дворами Австрійскимъ и Прусскимъ.

Изъ 4486 вкладовъ, или ввѣренныхъ массъ, по разнымъ причинамъ залежавшихся, 3983 за силою постановленія Намѣстника Царскаго выдано было просителямъ или же причислено къ суммамъ казны государственной. За тѣмъ 503 массы остаются до надлежащаго объ нихъ опредѣленія.

Старые архивы Царства Польскаго, заключающіе въ себѣ документы и акты касательно собственности людей частныхъ и происхожденія фамилій, требовали вниманія Правительства. Во исполненіе декрета Царскаго, изданнаго по сему предмету, Правительствующая Коммиссія

Юстиціи предписала собрать оные архивы, дотолѣ разбросанные, и перевезти ихъ въ мѣста удобныя. Воеводства Краковское, Люблинское и Плоцкое ужѐ пользуются выгодами отъ сего распоряженія; до другихъ Воеводствъ дойдетъ очередь въ свое время. За силою Высочайшаго повелѣнія, на Воеводскіе Совѣты возложенъ выборъ кандидатовъ къ должностямъ Судей мира. Симъ распоряженіемъ примирительная Юстиція пріобрѣла достойныхъ чиновниковъ, исполняющихъ обязанности свои къ удовольствію согражданъ.

Недостатокъ сообразности между разными книгами законовъ, имѣющихъ у насъ обязательную силу, развитіе частностей, государственнымъ уставомъ предписанныхъ, политическое положеніе наше, мѣстныя потребности, существованіе нѣкоторыхъ учрежденій — всѣ поводы сіи взятые вмѣстѣ, и также другіе, изложеніе коихъ было̀ бы или безполезнымъ здѣсь, или безвременнымъ, очевидно требовали различныхъ измѣненій въ кодексахъ нашихъ. Законодательная Депутація, составленная изъ Членовъ обѣихъ Палатъ по выбору, и изъ Государственнаго Совѣта, нынѣ

занимается симъ трудомъ, чрезвычайно важнымъ.

Проектъ первой книги Гражданскаго Уложенія на Сеймѣ 1825 года получилъ силу закона. Книга вторая кончена. Теперь однако же небудетъ она предложена Палатамъ: разсмотрѣть ее предоставлено Судамъ и Законовѣдцамъ, чтобы прежде собрать ихъ замѣчанія, а потомъ воспользоваться ими, когда книга будетъ разсматриваема въ общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта.

Юридическое Отдѣленіе Варшавскаго Университета уже образовало значительное число искусныхъ кандидатовъ, которые, бывъ сперва приготовлены теоретически, а потомъ пріобрѣтши и практическія свѣдѣнія при безмездномъ исполненіи порученій, представляютъ нынѣ почтенное сословіе чиновниковъ, способныхъ отправлять должности судебныя, даже начиная съ низшихъ степеней.

Въ слѣдствіе постановленія Царскаго, Правительствующая Коммиссія Юстиціи пріобрѣла въ Варшавѣ домъ для всегдашняго въ немъ помѣщенія своихъ Канцеллярій. Обширное зданіе, сооруженное въ Калишѣ, занимается нынѣ судилищами тамошняго Воеводства; еще другое, по-

строенное въ Кѣлцахъ, служитъ хранилищемъ актовъ по залогамъ и явкамъ (*) Краковскаго Воеводства.

Ежегодныя суммы, на Департаментъ Юстиціи назначенныя, простирались до 2,500,000 злотыхъ, отъ которыхъ ежегодно оставались излишки за расходомъ. Отчеты идутъ своимъ порядкомъ безостановочно.

d) Внутреннее управленіе.

Три года посредственныхъ урожаевъ, и слѣдовавшее за тѣмъ, болѣе или менѣе значительное возвышеніе цѣнъ, особенно же на хлѣбъ высшаго качества, способствовали сбыту зерна, накопившагося въ большомъ количествѣ; оживляя временно надежду земледѣльца, они убѣдили его по крайней мѣрѣ, что потовые труды его не всегда же должны служить ему виною печали, что постепенно увеличивающееся многолюдство будетъ требовать болѣе припасовъ для своего продовольствія, и что земледѣліе останется навсегда источникомъ, оживляющимъ всѣ роды промышленности.

(*) Т. е. запискамъ документовъ у Нотаріуса.

Притомъ же установленіе Кредита общественнаго и введеніе Закладныхъ Писемъ, освободивъ значительную часть имуществъ отъ тягостей, которыми обременялись оныя, давъ движеніе капиталамъ, съ давняго времени лежавшимъ безъ употребленія, послужили сильнымъ средствомъ къ быстрому оживленію всѣхъ отраслей хозяйства.

Однакожъ единственно классъ владѣльцевъ и наемщиковъ пожизненныхъ, которые читать и писать умѣютъ, пользовался столь спасительнымъ движеніемъ. Хотя же по справедливости и съ удовольствіемъ должно вспомнить, что многіе владѣльцы земель стараются улучшить быть поселянъ своихъ, обязанныхъ барщиною; но сіи, вообще бывъ лишены первоначальнаго образованія, остаются подверженными всякой нуждѣ и поползновеніямъ, которыя суть неизбѣжными слѣдствіями невѣжества.

Во всѣхъ прочихъ Воеводствахъ, хотя и въ неравномъ отношеніи, видъ полей воздѣланныхъ и зданій земледѣльческихъ годъ отъ году представляется въ луч-

шемъ порядкѣ и болѣе радуетъ наблюдателя. Размноженіе всякой скотины, особливо же овецъ лучшей породы, продолжается съ успѣхомъ. Число послѣднихъ почти удвоилось, и мало найдется имѣній, удобныхъ для содержанія овецъ, въ которыхъ не плодились бы въ соразмѣрномъ количествѣ или чистые мериносы или смѣсная порода. Отсюда происходитъ, что, не смотря на увеличивающееся количество суконныхъ фабрикъ, дешевизна шерсти ужѐ ощутительна. Но быстрое движеніе по сей части домоводства сколько же и содѣйствовало къ услажденію заботъ земледѣльца въ послѣдніе годы? Раздѣляя общую судьбу съ равными себѣ повсюду въ Европѣ̀, не разъ отказался бы онъ и отъ работы и отъ надежды на землю, еслибъ не увидѣлъ, что сбытъ шерсти его становится живѣе по причинѣ требованій на нее отъ разныхъ мануфактурныхъ заведеній, которыя, по данному примѣру отъ Правительства, возникая какъ бы силою чародѣйства, оживляли торговые обороты наши съ Россіею при посредствѣ купцевъ Государства сего, препровождающихъ наши сукна даже до Китая.

Такимъ образомъ успѣшной ходъ разныхъ заведеній промышленности, тщательно поддерживаемыхъ, усиливалъ города̀, оживлялъ отношенія въ обществѣ, приумножалъ народонаселеніе, творилъ капиталы и обращалъ къ срединѣ Государства стремленіе наличной монеты, которую прежде надлежало отдавать заграничнымъ для полученія отъ нихъ вещей, сдѣлавшихся необходимыми для насъ, но которыя теперь, будучи приготовляемы внутри края, даже въ значительномъ количествѣ отправляются за границу.

Край нашъ, въ 1815 году едва имѣвши сотню становъ для суконъ послѣднихъ сортовъ, нынѣ имѣетъ ихъ болѣе шести тысячь, приводимыхъ въ движеніе парами или водою, при помощи усовершенствованныхъ машинъ, которыя ни въ чемъ не уступятъ заграничнымъ заведеніямъ сего рода. Сукна̀ получается ежегодно болѣе 7 милліоновъ локтей всѣхъ сортовъ и всякаго цвѣта. Прочія шерстяныя издѣлія, какъ-то казимиры, дамскія сукна, фланели и другія мягкія ткани, ковры и проч., равнымъ образомъ составляютъ матеріалы коммерческаго движенія между двумя

народами, подвластными единому скипетру. Упомянутыя ткани изъ шерсти служатъ почти единственными предметами сбыта, которыя Царство можетъ давать въ замѣнъ многихъ товаровъ, получаемыхъ изъ Имперіи, каковы суть: издѣлія бумажныя и шелковыя, полотна изо льна и пеньки, парусина, пушной товаръ, писчая бумага, металлы, желѣзные листы и снаряды, фарфоровая и фаянсовая посуда, воскъ, свѣчи, масло изъ зеренъ, смола, смолка, рыба, дичина, рогатой скотъ, масло коровье, разные припасы, хмѣль, хлѣбъ и другіе предметы, уже нѣсколько лѣтъ во множествѣ привозимые къ намъ при удобствѣ новыхъ дорогъ нашихъ. Строгій надзоръ бдитъ надъ сими отношеніями торговыми, требующими однако же нѣкоторыхъ перемѣнъ, равныхъ для обѣихъ сторонъ и равно выгодныхъ для обоихъ народовъ.

Хотя же приготовленіе многихъ изъ упомянутыхъ выше предметовъ нѣкоторымъ образомъ уже введено и даже распространено въ Царствѣ; однакожъ ихъ частію недостаетъ для внутренняго потребленія, и большая часть оныхъ непере-

станетъ принадлежать къ числу привозимыхъ товаровъ, или постоянно необходимыхъ для насъ, или доставляемыхъ къ намъ въ бо̀льшемъ количествѣ и по цѣнамъ болѣе сходнымъ.

При всемъ томъ довольно значительное количество становъ уже и у насъ не мало производитъ издѣлій льняныхъ и бумажныхъ. Учреждается нѣсколько обширныхъ прядиленъ съ новѣйшими усовершенствованными способами дѣлопроизводства. Разныя мануфактуры, даже и на правомъ берегѣ Вислы, возрастаютъ, хотя съ трудностію и несмотря на многія препятства.

Послѣдняя выставка многочисленныхъ предметовъ народной промышленности достаточно уже свидѣтельствуетъ объ ея успѣхахъ. Ею доказывается распространеніе нуждъ общественныхъ, требующихъ того полезнаго трудолюбія, которое служитъ вѣрнѣйшей порукою порядка, спокойствія и выгодъ въ общежитіи.

Промышленность и торговля пріобрѣли сильное подкрѣпленіе отъ битыхъ дорогъ, въ непродолжительное время сдѣ-

ланныхъ и которыя простираются уже въ длину на 138 миль, считая 15 ихъ на одинъ градусъ. Успѣхъ столь значительный особенно приписать должно способамъ бережливости, для строенія дорогъ принятымъ за два передъ симъ года; посредствомъ ихъ въ теченіе минувшаго лѣта можно было открыть для всеобщаго употребленія всю дорогу отъ Варшавы до Нѣмена, не смотря на пески, трясины и недостатокъ въ матеріалахъ — трудности, слишкомъ часто представляющіяся на упомянутомъ протяженіи.

Дорога отъ Варшавы къ Познаню, уже конченная до самой границы Прусской, равнымъ образомъ требовала работъ многотрудныхъ, сопряженныхъ съ большими издержками; то же сказать должно и о мостахъ черезъ рѣку Варту при Колѣ и при Конинѣ.

Многія красивыя зданія, построенныя при тѣхъ же дорогахъ для помѣщенія въ нихъ служителей, окружены деревьями, плодовитыми и лѣсными.

Такимъ образомъ, скорѣе нежели ожидать было можно, приводится къ своему

концу столь важное улучшеніе, соединяющее торговлю западную съ восточною надъ рѣками Бугомъ и Нѣменомъ: вліяніе онаго на успѣхи нашей промышленности и внутренняго движенія свидѣтельствуется удивительнымъ измѣненіемъ на пространствахъ, перерѣзываемыхъ упомянутыми дорогами и въ послѣдніе годы столь внезапно украшенныхъ.

Небольшая пошлина, собираемая у заставъ на битыхъ дорогахъ, ни сколько необременительна для торговли; но сборы сіи донынѣ не покрываютъ издержекъ, употребляемыхъ на содержаніе дорогъ, которыя въ обыкновенный годъ все еще обходятся по 6,000 злотыхъ на милю.

Дороги поперечныя тщательно исправляются по Воеводствамъ, и онѣ очевидно приводятся въ лучшее состояніе.

Хотя работы по предмету чистки рѣкъ не были успѣшны за недостаточностію въ суммахъ, какія для того назначить было можно; однако же значительное количество плотинъ, насыпанныхъ надъ Вислою, при участіи смежныхъ владѣльцевъ, послужило къ обезпеченію береговъ и къ удобнѣйшему сплаву.

Статистическое показаніе о городахъ и селеніяхъ Царства съ исчисленіемъ домовъ, жителей, средствъ пропитанія и иныхъ подробностей, сюда же принадлежащихъ, составлено было 1828 года. По причинѣ мирнаго времени и сопряженныхъ съ нимъ неоцѣнимыхъ благодѣяній, все народонаселеніе въ началѣ 1829 года простиралось до 4,088,289 душъ, кромѣ войска; слѣдственно съ 1823 года прибыло 383,983 души. Отсюда произошло также и болѣе точности въ годовыхъ спискахъ для дополненія войска, и болѣе уравнительности въ раскладкѣ о сборѣ рекрутъ.

Расширеніе и преуспѣяніе городовъ Царства не останавливались послѣ бывшихъ засѣданій Сейма. Общественныя зданія, въ которыхъ помѣщаются правительствующія власти и ратуши, множество домовъ частныхъ, паровыя мѣльницы, Англійскія пивоварни, обширныя зданія, сооружаемыя для прядилень и для выработыванія сахара изъ свекловицы, прочные мосты, новыя улицы и мостовыя, уже доконченныя или же съ производящеюся на нихъ работою — служатъ свидѣтельствомъ о цвѣтущемъ оныхъ городовъ

состоянiи. Постоянно продолжается назначенiе особыхъ частей въ городахъ для жительства Еврейскаго народонаселенiя, число коего простирается въ краѣ нашемъ до 384,263 душъ.

Суммы Страховаго Общества отъ огня, постепенно увеличивающiяся, въ 1829 году доходили до 420,000,000 злотыхъ, и въ послѣднiе годы онѣ приумножились было 108,000,000 злотыхъ. Общество сiе въ продолженiе того же времени уплатило разнымъ погорѣвшимъ владѣльцамъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селенiяхъ, слишкомъ 10,000,000 злотыхъ. Счетная часть находится въ должномъ порядкѣ и дѣйствiя оной заслуживаютъ похвалу справедливую.

Народонаселенiе Варшавы состояло, въ 1829 году, изо 136,554 душъ, за исключенiемъ гарнизона, съ которымъ вмѣстѣ число жителей простирается до 150,000 душъ; слѣдственно послѣ засѣданiй послѣдняго Сейма прибыло 20,000. Въ томъ же числѣ полагать должно и Евреевъ, которыхъ оказалось на лицо 30,446 душъ. Доходы города болѣе и болѣе приводятся въ порядокъ и слѣдственно умно-

жаются; но и расходы увеличились въ томъ же отношеніи. Сооружено нѣсколько сотъ домовъ, въ числѣ которыхъ находятся большею частію значительныя зданія. Освѣщеніе улицъ постоянно совершенствуется. Для отвращенія неудобствъ отъ мостовой съ округленнымъ камнемъ, главныя улицы устланы ломанымъ гранитомъ по методѣ Макъ-Адама. Устроеніе набережной при Вислѣ изъ плитоваго камня и сооруженіе обширнаго театра, по воспослѣдовавшему повелѣнію ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на представленіе Намѣстника, продолжаются безостановочно; но поелику оба сіи предпріятія важныя требуютъ значительныхъ издержекъ, а годовые доходы города пополнить оныхъ не могутъ; то муниципальное начальство, по дозволенію отъ МОНАРХА, сдѣлало изъ Польскаго Банка заемъ, которой уплатится въ продолженіе 16 лѣтъ.

Увеличившееся многолюдство, также сношенія съ правымъ берегомъ Вислы, равно какъ и съ Имперіей Россійскою, заставили устроить другой мостъ плывучій въ мѣстѣ, гдѣ спускъ подъ гору и въѣздъ

представляются несравненно болѣе удобными, нежели каковыя находились у прежняго моста.

Институтъ Земледѣльческій, учрежденный въ Маримонтѣ, постоянно снабжалъ учениками разныя части Домоводства — людьми, не только свѣдущими въ общей наукѣ, но имѣющими надлежащее понятіе и о новыхъ открытіяхъ, объ усовершенствованіяхъ, которыя и преподаются въ Институтѣ и практически повѣряются. Наблюденія, подтверждаемыя опытами, собираются и печатаются въ Запискахъ Института, подъ заглавіемъ: *Церера*, издаваемыхъ безсрочно; вышедшія тетради сихъ Записокъ заслужили похвалу отъ знатоковъ дѣла. Кромѣ упомянутаго Института, еще и Школа для убогихъ дѣтей, состоящая изъ 30 учащихся, приготовляетъ питомцевъ весьма полезныхъ, съ нѣжнаго возраста приучая ихъ къ трудолюбію; преподаваемыя имъ практическія знанія въ свое время доставятъ имъ средства жить безбѣдно.

Школа пѣнія, въ Варшавѣ учрежденная, находясь подъ распоряженіемъ учителя искуснаго, уже на опытѣ доказала,

что могутъ сдѣлать наука и терпѣнiе даже и въ такихъ краяхъ, гдѣ голоса прекрасные бываютъ рѣдки по суровости климата.

Казенный заводъ конскiй, съ примѣрною тщательностiю содержимый въ Яновѣ, весьма значительно содѣйствуетъ улучшенiю породъ, ежегодно высылая отличныхъ жеребцовъ Арабскихъ и Англiйскихъ къ десяти сборнымъ мѣстамъ внутри Государства. Жители болѣе и болѣе прiобрѣтаютъ выгодъ отъ сихъ распоряженiй; а весь заводъ превосходныхъ коней, вообще почти выращенныхъ на мѣстѣ, состоитъ въ Яновѣ болѣе нежели изъ 600 головъ.

(Окончанiе слѣдуетъ.)

СМѢСЬ.

О первой Псалтыри, напечатанной Невѣжею Тимоѳеевымъ и Никифоромъ Тарасіевымъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

По мѣрѣ открытія таящихся въ неизвѣстности памятниковъ типографскаго искусства въ Россіи, время отъ времени объясняется и дополняется Исторія отечественнаго книгопечатанія, которая входитъ въ составъ ученой Исторіи нашей. Давно ли мы узнали имя перваго Славянскаго типографа Святополка Фіоля, увѣрились въ справедливости извѣстія Поссевина, что типографія была и въ Александровской слободѣ (что̀ нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи), гдѣ, по свидѣтельству Митрополита Евгенія (*), въ 1577 году издана Псал-

(*) Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духов. чина. 2 т. С. П. 1827 г. изд. *Карамзина* И. Г. Р. IX. т. 2 изд.

тырь мастеромъ Андроникомъ Тимоѳеевымъ по прозванію Невѣжею? Послѣ открытія Апостола, напечатаннаго при Самозванцѣ Димитріѣ, мы теперь болѣе не сумнѣваемся, что и въ сіи времена смутныя не прерывалось въ Россіи книгопечатаніе. Къ подобнымъ открытіямъ, столь важнымъ по своимъ отношеніямъ, не мало способствуетъ благородная и полезная охота частныхъ людей сбирать типографическія рѣдкости. Хотя книгохранилища Россійскія: Московской Духовной Типографіи, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Румянцева и Толстаго, теперь щедротами Государя присоединенное къ Императорской Публичной Библіотекѣ, содержатъ въ себѣ многія библіографическія рѣдкости; но и у частныхъ людей въ небольшихъ охотничьихъ библіотекахъ часто попадаются любопытные и мало извѣстные предметы, какіе находятся въ собраніяхъ Соревнователей Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ И. Н. Царскаго, у А. С. Ширяева и М. Н. Мясникова. У Г-на Царскаго есть Псалтырь, печатанная $\frac{1077}{1569}$ г., слѣдственно четыре года послѣ первой въ Москвѣ изданной книги

Апостолъ. Онá не замѣчена ни Гг. Сопиковымъ, ни Кеппеномъ, ни другими библіографами, сколько мнѣ извѣстно. Книга сія печатана четкими буквами на плотной бумагѣ, въ 4, съ приложеніемъ гравированнаго на деревѣ рисунка, изображающаго Пророка Давида; алфавитный счетъ листовъ поставленъ внизу страницъ, такъ какъ бываетъ въ старопечатныхъ книгахъ; екземпляръ сей попорченъ и, судя по заклейкамъ листовъ, нѣсколько разъ бывалъ въ переплетѣ. Въ послѣсловіи оной Псалтыри тѵпографщики наименованы *Никифоръ Тарасіевъ, да Невѣжа Тимоѳѣевъ*; послѣдній долженъ быть братомъ Петра Тимоѳѣева Мстиславца, которой вмѣстѣ съ Діакономъ Гостунскаго Собора въ Московскомъ Кремлѣ, Иваномъ Ѳедоровымъ и Датчаниномъ Гансомъ издалъ: въ Москвѣ Апостолъ, 1564 г., и одинъ въ Вильнѣ, Еѵангеліе напрестольное, 1575 г. (*). Тѵпографія названа въ одномъ мѣстѣ послѣсловія *штанба*, а въ другомъ по ошибкѣ *шганба*. *Штáнбу* изъясняетъ Памва Берында: печатня, друкарня, и Сербская пословица гласитъ, что „Тѵпикъ су Грцы

(*) *П. Кеппена* библіографическіе листы. С. П. 1825. No 26.

написали, Москали *наштампали*, а Србли држе.»

Печатавшій упоминаемую нами Псалтырь Андроникъ Тимоѳеевъ сынъ Невѣжа (прозвище его, или знакъ смиренія, какъ грѣшникъ, архигрѣшникъ, убогій, окаянный) выдалъ еще въ Москвѣ 1592 г. Трипѣснецъ св. великія Четыредесятницы и 1594 г. Октоихъ. По важности содержанія помѣщаемъ здѣсь слово въ слово *Послѣсловіе* онаго Псалтыря (*).

«Вседержителя Бога Отца благоволеніемъ, и щедротами иже к намъ единороднаго Сына его Господа Нашего Іисуса Христа, и содѣйствіемъ Пресвятаго и Животворящаго Духа. Сіе о Хрістѣ любомудріе восприимъ крестоносныи и Боговѣнчанныи и Богомудрыи надъ Царьми Царь. Вѣрныи Божіи слуга Великіи Князь Иванъ Василіевичь всея великія Росія Самодержецъ. и о іиныхъ странъ, иже просвѣтишася отъ его Царскаго Величества. и сподоблени осыношворити царствію Божію и

(*) Для большей удобности, *Послѣсловіе* печатается здѣсь безъ надстрочныхъ знаковъ, безъ сокращеній и гражданскими буквами, за неимѣніемъ церковныхъ. *Изд.*

нарещися чада свѣту. Бысть же наставляемъ отъ Божественыя благодати дабы царство его украшено и исполнилося словомъ Божіимъ божественныхъ догматъ. И повелѣ составити въ пресловущемъ своемъ градѣ Москвѣ штанбу сіи рѣчь дѣло печатныхъ книгъ. Ко очищенію и ко исправленію не наученыхъ и неискусныхъ в разумѣ книгописецъ къ почести и славѣ всѣхъ содѣтеля владыки Бога и Отца Господа Іисуса Хріста и повелѣніемъ Благочестиваго Царя и благословеніемъ Святѣйшаго Митрополита Афонасія всея Русіи составися штанба сія. в лѣто седмь тысящь семьдесятъ шестое. Марта въ и день, и первіе начаша печатати сію книгу пророческую часть, иже есть четвертая Вѣтхаго Завѣта глаголемую Псалтырь. Давида Пророка Богаотца и Царя пѣснопѣвца. бесѣдуетже в неи о Хрістовѣ Божествѣ и человѣчествѣ и страданіи; и о Воскресеніи, и о вознесеніи с пріятою его, нась ради съ пречистою плотію на небеса, и о пришествіи хотящему намъ быти суду, и о благотвореніи и хвалахъ его яже ему Давидъ воспѣтъ. имат же сто пятдесятъ псалмовъ, стиховъ же двѣ тысящи шесть сотъ. и пѣсни Пророчес-

кія со избранными псалмы на вся владычни праздники и прочихъ святыхъ съвершена же бысть в лѣто, семь тысящь семьдесятъ седмое. Декабря въ, к҃, день. на паметь святаго Священно мученика Игнатія Богоносца. и въ лд, лѣта Государьства Царя и Великаго Князя Ивана Василіевича всея Русіи и при его благородныхъ чадехъ Царевиче Иване и Царевиче Өеодоре, Святѣйшемъ нашемъ Митрополитѣ Кирилѣ всея Русіи. Правящему кормила велицѣи Сорнѣи и Апостольстеи церкви, и в первое лѣто Святительства его. Тщаніемъ же и труды, Никиөора Тарасіева, да Невѣжи Тимофѣева. къ хвалѣ и велелѣпотѣ Богу единому въ Тройцы славиму нынѣ и въ день вѣка. и пречистѣи Богородицы, всѣхъ Святыхъ, аминь.

И. Снгрвъ.

Іюля 12.

О Памятникѣ Императору АЛЕКСАНДРУ I, Царю Польскому (*).

Видимъ исполненіе надежды, что народъ Польскій, при сооруженіи памятника своему Воскресителю, непощадитъ великихъ иждивеній. Палата Нунціевъ постановленіемъ своимъ назначила капиталъ около 7,000,000, который можетъ быть увеличенъ еще половиною. Сеймъ единодушнымъ принятіемъ сего проекта далъ знать, что онъ умѣетъ цѣнить дарованныя преимущества народу и умѣетъ чтить память Возстановителя.

Но съ величайшимъ тщаніемъ слѣдуетъ позаботиться о предназначеніи столь огромной суммы; со всевозможною осторожностію разсмотрѣть надлежитъ: каковъ долженъ быть оный памятникъ, достойный народа, достойный Обладателя. Народъ, будемъ откровенны, сдѣлалъ усиліе; невзвѣсивъ средствъ своихъ, охотно приноситъ онъ жертву сердечную. Тягостнымъ, невознаградимымъ было бы приношеніе, если бъ сей порывъ благодарности не былъ направленъ къ цѣли наиболѣе благотворительной.

Моя мысль: соорудить незабвенному Александру такой памятникъ, которой стоялъ бы

(*) См. No 195 *Kurycra Polskiego* и No 109 Gaz. Warsz. 1830.

въ продолженіе вѣковъ, былъ бы виновникомъ величайшаго блага для края и осуществилъ бы чувства, нѣкогда изъявленныя Возстановителемъ.

Памятникомъ симъ да будетъ благополучіе людей, а не бронза, не мраморъ, не пышность зданій. Самъ Воскреситель нашъ постоянно имѣлъ въ отеческихъ мысляхъ своихъ благосостояніе низшихъ, наиболѣе нуждающихся сословій въ обществѣ. Тому свидѣтель дарованное право земледѣльцамъ разныхъ провинцій въ Имперіи владѣть недвижимою собственностію; для насъ краснорѣчивѣйшій тому свидѣтель — Его воля, когда, несоглашаясь на сооруженіе себѣ вратъ торжественныхъ, Онъ повелѣлъ купить недвижимую собственность для нѣсколькихъ земледѣльцевъ на память возстановленія Королевства.

Монархъ сей прешелъ въ вѣчность. Но мы, необязаны ли мы чтить его желаній благодѣтельныхъ, истинно вдохновенныхъ любовію къ человѣчеству? Не обязаны ли мы увѣковѣчить его мысль, засвидѣтельствованную о томъ, какого рода памятники желалъ Онъ видѣть себѣ воздвигнутыми? Онъ желалъ вселить отраду, добрый бытъ и домашнія добродѣтели въ столь почтенномъ сословіи общества, какимъ есть сословіе земледѣльцевъ. И можно ли изобрѣсти памятникъ возвышеннѣе, благотворительнѣе, тверже противъ бурь и перемѣнъ времени и народовъ? Мраморы, зданія ис-

чезнутъ; но благополучіе, однажды дарованное обществу, остается вѣковѣчнымъ — если только позволено называть вѣчными дѣла человѣческія.

И такъ я желаю, чтобы сей памятникъ осчастливилъ земледѣльцевъ, даруя имъ земельную собственность. Принадлежность земли производитъ какъ бы волшебную перемѣну въ человѣкѣ: возбуждаетъ въ немъ чувство достоинства природы человѣческой, прививаетъ добродѣтели общественныя и домашнія, научаетъ бережливости, приумножаетъ богатство края, убѣждаетъ любить законы. Живые симъ истинамъ свидѣтели суть народы, которые, отвергнувъ предубѣжденія, отрекшись отъ притязаній, рѣшились земледѣльцамъ своимъ усвоить земельную собственность.

Покупку недвижимой собственности для земледѣльцевъ разсматривать можно двумя способами, равно благодѣтельными: или купить землю однимъ разомъ за всю сумму, или же пріобрѣтать оную постепенно процентами отъ собраннаго капитала. Въ первомъ случаѣ можемъ дать краю 1600 владѣльцевъ. Памятникъ великій! благодѣяніе неоцѣнимое! На покупку одной земли для хозяина полагаю 3500, на зданія 1000 и на капиталъ земледѣльческій 1500 злотыхъ. Во второмъ случаѣ, 10,000,000 злотыхъ (ибо такова

должна быть складочная сумма, приумноженная добровольными приношеніями) дастъ болѣе 500,000 злотыхъ ежегодно. Считая равнымъ образомъ по 6,000 на одного земледѣльца, оказывается, что край ежегодно приобрѣтать будетъ 83 хозяина. Сія мысль, которая въ одинъ вѣкъ можетъ совершенно исполниться, неудовлетворяетъ нетерпимости и гордыни; но удовлетворяетъ она прямыхъ друзей человѣчества, которые любятъ основывать счастіе грядущихъ поколѣній и часто любятъ заботиться о благѣ потомства болѣе, нежели о своемъ собственномъ. Земледѣльцы наши, будучи свободными, не имѣютъ собственности, а свобода для земледѣльца, лишеннаго собственности, есть больше бѣдствіе, чѣмъ благодѣяніе, есть источникъ нужды и безнравственности, а не начало добраго быта, не начало любви къ законамъ и обычаямъ. Только при земельной собственности, при полномъ владѣніи оною, мы начинаемъ цѣнить блага жизни и начинаемъ быть истинными гражданами.

Какія выгоды вещественныя, выгоды важныя до чрезвычайности, обѣщаетъ краю дарованіе собственности земледѣльцу, на то доказательства не нужны. Въ мою пользу говорятъ опыты, говорятъ примѣры Англіи, Франціи, Германіи, Нидерландъ и Соединенныхъ Штатовъ Амери-

канскихъ. Ближайшими и непреложными выгодами суть приумноженіе многолюдства, успѣхи земледѣлія, приращеніе имущества и, что̀ всего больше, изумляющее распространеніе промышленности, ибо капиталы по необходимости должны будутъ обратиться ко всѣмъ и даже малѣйшимъ отраслямъ досужества, обратиться непринужденно, а по свободному, какъ бы произвольному стремленію. Исторія учитъ, какими бѣдствіями, какими несчастіями низшія сословія пріобрѣтали собственность землѝ и законы. Наши земледѣльцы уже имѣютъ законы, покровительствомъ коихъ пользуются наравнѣ со всѣми. Нынѣ Польша можетъ дать примѣръ, невѣдомый въ бытописаніяхъ народовъ: не оскорбляя нынѣшнихъ владѣльцевъ, непосягая ни на чье право собственности, можетъ земледѣльцамъ своимъ даровать недвижимость и имъ же даровать права гражданскія не на письмѣ только, а на самомъ дѣлѣ. Мы заслужили бы упреки отъ потомства, если бъ пренебрегли мысль, столь великую.

Такими-то выгодами обогатится край нашъ въ слѣдствіе столь благодѣтельныхъ упомянутою суммою распоряженій. Для меня довольно поднять завѣсу, чтобъ истинные друзья народа могли вполнѣ предусмотрѣть успѣхъ развитія мысли моей въ самыхъ отдаленнѣйшихъ ея послѣдствіяхъ.

И такъ приобрѣтеніе собственности для земледѣльцевъ будетъ незыблемымъ, живымъ памятникомъ. Каждый селянинъ на землѣ Польской будетъ благословлять память Воскресителя. Великъ и достославенъ подвигъ націи, которая столь превосходно увѣковѣчиваетъ память своего Благотворителя. Повторяю: *статуи, мраморы, зданія исчезаютъ. Счастіе милліоновъ, благодарность народа — вѣчны. Такіе-то памятники воздвигнемъ Уставодавцу нашему, Воскресителю Отечества.*

Графъ Романъ Сóлтыкъ.

Литтературныя привязки.

Прочитавши хорошую, умную піесу, плодъ *мыслящаго* писателя, всякой разъ чему нибудь научишься *новому* и вспомнишь *старое.* Такую пользу принесла мнѣ и статья г-на *Косцѣши* подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Россійскія Лѣтописи въ филологическомъ отношеніи* (*). Дѣйствительно, въ Лѣтописяхъ нашихъ и вообще въ древнихъ памятникахъ письменности скрывается множество

(*) В. Е. 1830, No 8, стр. 285 — 292.

словъ *старинныхъ*, давно вышедшихъ изъ употребленія, словъ, коихъ значеніе нужно было бы прояснить передъ взоромъ нашего ума, нестолько для того чтобы замѣнить ими принятыя иностранныя (чего вдругъ не можно и сдѣлать, ибо слова техническія, какъ на примѣръ *фуражиръ*, *лагерь*, *гарнизонъ*, укоренились въ памяти настоящаго поколѣнія и почти уже обрусѣли), сколько для уразумѣнія самаго смысла въ древнихъ харшіяхъ нашихъ. Неменѣе справедливо сказанное въ піесѣ, что при составленіи особенныхъ словарей на лѣтописи, предполагаемыхъ Авторомъ, *небезполезно прибѣгать и къ другимъ языкамъ*. Здѣсь однако же я позволилъ бы себѣ изъясниться рѣшительно; я сказалъ бы прямо, что языки и въ особенности родственныя нашему нарѣчія, *необходимо нужны* — conditio sine qua non — для изслѣдователя сколько нибудь боязливаго, которой считаетъ за грѣхъ впасть въ археологическое заблужденіе и повлечь за собою цѣлое стадо невинныхъ овечекъ. О словахъ послѣ; теперь обращаюсь къ другому.

Почтенный Авторъ, отъ имени любителей всего отечественнаго, желаетъ, чтобы *опредѣлены были нарѣчія, на которыхъ написаны извѣстныя лѣтописи*, принявъ за основаніе слѣдующій епиграфъ, взятый имъ изъ Шлецерова Нестора: »*Всякій писалъ, какъ говорили въ его время и въ его провинціи.*« Требованіе едва ль испол-

нимое! Рукописныхъ екземпляровъ старѣе XIV вѣка мы не имѣемъ. Каждой творецъ своего екземпляра, болѣе или менѣе придерживаясь языка церковнаго, при совершенномъ недостаткѣ въ правилахъ и учебныхъ пособіяхъ, повторялъ слова своего источника, вмѣшивалъ и свои областныя или же знакомыя слуху отъ частаго употребленія: потому съ удивленіемъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ слова́, принадлежащія разнымъ народамъ и разнымъ нарѣчіямъ. Одна уже Ніконовская лѣтопись представляетъ пестроту разительную. Но мы возмемъ въ примѣръ Новгородскій Лѣтописецъ, оканчивающійся 1352 годомъ (*). Здѣсь найдете *церковь* и *церкы*, *вѣче* и *вѣце*; найдете и разность въ нарѣчіяхъ. На страницѣ 27 й: »и Новътържцѣ всѣ выправи и гость весь цѣлъ, и посла съ цьстію Новугороду, нъ мира не дастъ« — а на страницѣ 20 й: »и яко услышано бысть се, яко . . . . и мятежъ бысть великъ Новѣгородѣ невсхотѣша людье Всеволода« или на стран. 22 й: »бысть знаменіе на небеси дивно вельми. . . . и стоя близь не весь день« и проч. Точно такъ и въ другихъ мѣстахъ часто церковное нарѣчіе выказывается среди текста языка мѣстнаго, природнаго писцу или сочинителю. Изъ сего видно, что, при составленіи особыхъ словарей на лѣтописи, въ означеніи, какому именно нарѣчію при

(*) М. 1781.

надлежатъ слова̀, по необходимости должна встрѣтиться немалая затруднительность. Прибавлю: слова̀, иногда невразумительныя для самаго Лѣтописца, простодушно были имъ повторяемы въ своей харатейной тетради. Кто въ состояніи угадать, какимъ образомъ попали въ ту же Новогородскую лѣтопись Римскія *календы* (стран. 19)?

Возвратимся теперь къ словамъ, и подтвердимъ примѣрами справедливую мысль г-на Косцѣши, сколь полезно при составленіи особенныхъ словарей прибѣгать къ другимъ нарѣчіямъ. Прежде всего да позволено мнѣ будетъ несогласиться съ нимъ въ производствѣ нашего *вѣче*, которое, по его мнѣнію, происходитъ будто бы отъ *вѣщать* и есть какъ бы *вѣще*. Скорѣе же слѣдовало бы породнить *вѣче* съ Богемскимъ *вѣцъ* (вещь, res), тѣмъ болѣе что отсюда легче можно выводить объясненіе словамъ однозначительнымъ, употребляемымъ у разныхъ племенъ Славянскихъ (*). Въ старинномъ законодательствѣ Польскомъ оно значило *общій съѣздъ Шляхетства* для рѣшенія дѣлъ *судныхъ*. Довольно, что *вѣче* не у насъ образовалось, а перешло уже съ готовымъ понятіемъ; но когда и по какому поводу? Толковать было бы здѣсь не у мѣста. Начавши писать *привязки*, я ужѐ не совѣщусь

(*) Slown. Linde. См. Wiec.

указать и на Нѣмецкое *Wette* (пѣня, платимая судьѣ), преизвѣстное въ Саксонскомъ Правѣ, о близкомъ или далекомъ родствѣ коего съ нашимъ *вѣге* старыхъ временъ распространяться здѣсь было бы то же излишнимъ. — Продолжаю. *Перевѣсище* значитъ будто бы мѣсто, на которомъ взвѣшиваются *сѣти* для ловли птицъ и т. под. Какъ для ловли птицъ? Я думалъ бы, что Княгиня Ольга, учреждая *перевѣсища по Днѣпру* и *по Деснѣ*, помышляла о запасахъ *рыбы*, а не птицъ (*), еслибъ въ лѣтописи не сказано было уже прежде, что *перевѣсище* находилось нѣкогда *внѣ града*, т. е. Кіева (**): но въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ, кажется, не о *сѣтяхъ*; ибо въ нашей Русской Правдѣ, подъ опасеніемъ пѣни (***), запрещается украсть изъ *перевѣси* пса, ястреба, сокола, а сихъ животныхъ, если только я неошибаюсь, держали не подъ сѣтями, развѣшенными для ловли птицъ. Ежели изъ перевѣси можно было украсть не только животное, но и сѣна и дровъ, какъ видно изъ упомянутой статьи Правды; то, принявъ въ соображеніе и любопытное мѣсто Литовскаго Статута *о перевѣсѣ* (****), и слова Духовной грамашы Князя Юрія Васильевича, въ которой завѣщатель отказываетъ Богоявленію на Голутвино между

(*) Кениг. Сп. 52.
(**) *Ibid.* 47.
(***) Руск. Пр. М. 1799 стр. 78. ст. 2.
(****) Stat. Lit. Rozd. X. art. 8, § 3.

прочимъ село Маливку »съ луги и съ лѣсы, и съ *перевѣсіи* и съ *ловищи*« (*), кажется, *перевѣсье* безошибочно признать можно будетъ за птичный дворъ со всѣми принадлежностями охоты, бывшей въ большомъ употребленіи въ средніе вѣки, но которой мы, при всемъ уваженіи нашемъ къ лѣтописямъ, никакъ не смѣемъ причислять къ любимымъ забавамъ Святыя Княгини Ольги. Егермейстерская часть даже и у современника ея, Оттона I, сына Генриха Птицелова, Короля Нѣмецкаго, была не въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Подтвердимъ ту же мысль еще другими примѣрами. Покойный Исторіографъ нашъ повѣствуетъ, яко бы Владиміръ возвратилъ городъ Царямъ Греческимъ въ *изъявленіе благодарности* за руку сестры ихъ (**); въ примѣчаніи къ сему тексту, напоминаетъ онъ слова лѣтописи »за вѣно« и показываетъ странность толкованія, внесеннаго въ Лѣтопись Архангелогородскую; но самъ не объясняетъ намъ значенія *вѣна*. Справившись со Словарями родственныхъ нашему языковъ, онъ увидѣлъ бы, что *вѣно*, *вяно* — есть приданое, иногда отъ жены мужу, иногда на оборотъ, согласно древнему обычаю Германцевъ, принятому отъ нихъ и Славянами. Впрочемъ одно другому не мѣшало: въ средніе вѣки мужъ, полу-

(*) Собр. Грам. I, 232.
(**) И. Г. Р. I. 217.

чая *приданое*, въ свою очередь назначалъ новобрачной *вѣно*, то есть дарилъ ее недвижимымъ имѣніемъ, деньгами или вещами. *Вѣно* и *вяно* отличаются отъ *привянка*, или утренняго дара на другой день свадьбы (*). Нужно ли было Владиміру, по Германскому обычаю, дарить *вѣномъ*, и притомъ не новобрачную, а ея братьевъ, и слѣдовало ли въ случаѣ семъ руководствоваться словами лѣтописи безъ всякаго соображенія епохъ, народовъ и обычаевъ — судить не мое дѣло. Я доказываю одно: справедливость мысли г-на *Коцѣши*, что при сочиненіи особенныхъ словарей на лѣтописи полезно было бы прибѣгать и къ другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(*) См. *Чацкаго* O Lit. i Pol. pr. II, 8.

Политическія и другія происшествія.

Франція.

Алжиръ сдался 5го Іюля (н. ст.) поутру. Въ 2 часа Королевскій флагъ уже развѣвался на дворцѣ Дея. Въ силу Конвенціи цитадель (крѣпостца Кассуба.), а равно всѣ принадлежащія къ Алжиру укрѣпленныя мѣста и гавань переданы Французскихъ войскамъ въ 10 часовъ пополуночи. Главнокомандующій Французскою арміею обѣщалъ свободу Алжирскому Дею, и сохраненіе всего, лично ему принадлежащаго имѣнія. Дею дозволено переѣхать съ его семействомъ и имуществомъ, куда заблагоразсудитъ; пока же пребываетъ въ Алжирѣ, онъ съ семействомъ своимъ состоять долженъ подъ покровительствомъ Главнокомандующаго. Для безопасности его особы и семейства обѣщано дать ему караулъ. Главнокомандующій обѣщалъ тѣ же выгоды и то же покровительство всѣмъ солдатамъ Турецкой милиціи въ Алжирѣ. Магометанское богослуженіе отправляемо будетъ безостановочно; личная свобода Алжирцевъ, ихъ вѣра, имущество, промыслы и жены останутся неприкосновенными.

— Въ Алжирѣ найдены огромные запасы пороха и военныхъ снарядовъ и болѣе 2000 большихъ пушекъ. Цѣнность оныхъ, равно какъ и

принадлежащаго Правительству желѣза и описываемыхъ сокровищъ, покроетъ военныя издержки.

— Въ Мониторѣ напечатано донесеніе Графа Бурмона, изъ Кассабы, отъ 8 Іюля: Дей объявилъ желаніе быть отправленнымъ въ Ливорну, куда уже и отбылъ на Французскомъ фрегатѣ. Ожидали, что Бей Константинскій и Оранскій послѣдуетъ примѣру Бея Титтерейскаго, который уже покорился и призналъ себя вассаломъ Короля Французскаго.

— Г. Боа-ле-Контъ, отправленный въ Алжиръ курьеромъ для врученія Графу Бурмону Маршальскаго жезла, повезъ съ собою также два креста Св. Лудовика для сыновей Главнокомандующаго. Сверхъ того всѣ офицеры и солдаты, находившіеся въ Алжирской експедиціи, получатъ вылитую изъ завоеванныхъ пушекъ бронзовую медаль съ надписью: Алжиръ, 5 го Іюля 1830. Ее будутъ носить на красной лентѣ съ голубыми полосами.

— Число людей, выбывшихъ изъ рядовъ съ 14 го Іюня, простирается до 2300, изъ коихъ 400 убитыхъ и 900 раненыхъ. Сынъ Главнокомандующаго, Графъ Амедей Бурмонъ, умеръ отъ жестокой раны.

— Во многихъ Парижскихъ Журналахъ объявляютъ, что слухи о разгласіяхъ между Англіею и Франціею (по поводу успѣха въ Алжирѣ) не имѣютъ никакого основанія.

— Наваринская цитадель, взлетѣвшая 18го Ноября прошлаго года на воздухъ, скоро будетъ возстановлена. Въ Наваринѣ получены уже деньги, отправленныя Французскимъ Правительствомъ для сей цѣли.

Великобританнія.

Тѣло покойнаго Короля предано землѣ 15го Іюля съ подобающею честію. Совершенное прекращеніе всѣхъ занятій и глубокое молчаніе, царствовавшее въ обширной столицѣ, служили вѣрною порукою, что Георгій IV унесъ съ собою во гробъ искреннее и всеобщее сожалѣніе своихъ подданныхъ.

— Изъ Рѣчи, произнесенной Королемъ при закрытіи засѣданій Парламента, 23 Іюля (н. с.) замѣчательно во первыхъ увѣреніе, что всѣ Державы участвуютъ въ желаніи сохранить общее спокойствіе; далѣе Монархъ поздравляетъ членовъ съ уменьшеніемъ государственныхъ расходовъ, съ облегченіемъ бремени государственнаго долга и съ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ налоговъ, народъ отягощавшихъ; наконецъ Е. В-во изъявилъ свое удовольствіе по случаю извѣстныхъ преобразованій, благоразумныхъ и хорошо обдуманныхъ.

— Боливаръ рѣшительно отказался отъ Президентства, и отправляется въ Англію. Вмѣсто

его избранъ Президентомъ Колумбійской республики Іоакимъ Моквера.

— Въ Мексикѣ приняты уже мѣры къ отраженію новаго предпріятія Испанцевъ, подобнаго тому, какое было сдѣлано въ прошломъ году.

Турція.

Въ 19 день Іюня получены въ Царьградѣ благопріятныя извѣстія изъ Албаніи. Махмудъ-Паша Тергалійскій разбилъ инсургентовъ, и многихъ взялъ въ плѣнъ, которые тотчасъ были казнены по его приказанію. Гадди-Ефенди, поступившій намѣсто нынѣшняго Рейсъ-Ефендія въ качествѣ Кіая-Бея въ лагерь Великаго Визиря, за недѣлю до сего прибылъ въ столицу. По слухамъ, онъ призванъ Правительствомъ для полученія отъ него вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Албаніи. Дня чрезъ четыре ожидали его въ Адріанополь. — Головы трехъ главныхъ предводителей Сейбековъ, именно Киль-Мегемеда, Турнали-Али и Ялабука-Оглу, присланы въ столицу отъ Аяна окрестностей Смирны, Кара-Османа-Оглу.

— Въ Сербіи все спокойно. Паша Бѣлградскій перемѣстилъ въ цитадель всѣ войска (которыя въ городѣ и въ окрестностяхъ расположены были), дабы не мѣшать Сербскимъ Начальствамъ привести къ окончанію свое преобразованіе.

Некрологія.

Въ 26 день сего Іюля въ 4^{мъ} часу по полудни скончался *Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ*, знаменитый нашъ Поетъ, Ораторъ, Крітикъ и Профессоръ. Потеря горестная для любителей просвѣщенія и талантовъ, невознаградимая для друзей незабвеннаго и для всѣхъ, которые, умѣя цѣнить достоинство души благороднѣйшей — чуждой даже поползновеній къ злонавѣтливости, коварству, любостяжанію, чуждой вообще низкихъ склонностей сердца — по связямъ общежитія имѣли случай наблюдать нравственный его характеръ. Проводя лѣтнее время въ Сокольникахъ близь заставы, тамъ сочинилъ онъ и послѣднее стихотвореніе *Юбилей*, ровно за мѣсяцъ передъ кончиной своею, произнесенное имъ на торжественномъ актѣ Университета. Уже обреченный могилѣ, доживая дни изочтенные, *Мерзляковъ* прочиталъ послѣднее твореніе свое съ чувствомъ, съ выразительною живостію; оно и принято было со знаками полнаго удовольствія отъ всѣхъ слушателей. Угасавшій зракъ Поета прояснился при столь лестномъ благоволеніи — но можно было замѣтить, что и напряженіе силъ изнемогшихъ ускорило для него разлуку со здѣшнимъ міромъ.

Литтературная жизнь *Мерзлякова* принадлежитъ Россійской Публикѣ и славѣ. Онъ

медлилъ издавать свои стихотворенія, изъ коихъ многія на изъустъ поются юношествомъ и читаются стариками. Я почти увѣренъ, что и не думалъ онъ собирать прозаическихъ своихъ сочиненій, изъ которыхъ можно составить книжки, драгоцѣнныя своимъ содержаніемъ. Благодѣтельный законъ ограждаетъ нынѣ отъ притязаній алчнаго корыстолюбія произведенія ума авторскаго, котораго собственность остается неприкосновенною. Мерзляковъ оставилъ семейство, оставилъ дѣтей: они да воспользуются плодами родительскихъ трудовъ, необходимыми при сиротствѣ и нѣжномъ возрастѣ.

Почій въ мирѣ, Товарищъ! Память твоя пребудетъ незабвенною между Русскими.

К — ій.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

№ 14.

ІЮЛЬ 1830.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Метафузика Платонова.

(Окончаніе.)

б) Психологія.

Человѣкъ есть сокращенный образъ міра. Существо его состоитъ какъ бы изъ двухъ душъ: одной Божественной, а другой, происходящей изъ души міра. При сотвореніи вселенныя Богъ сотворилъ изъ самаго себя *νοῦν* и вдохнулъ человѣку: отселѣ Божественная его душа; но предоставилъ низшимъ богамъ извлечь изъ души міра другую низшую силу, вмѣстилище страстей и пожеланій, и сочетать съ существомъ его: отселѣ въ немъ низшая душа. Доколѣ сія послѣдняя нахо-

дилась въ совершенномъ подчиненіи оной высшей Божественной силѣ; дотолѣ человѣкъ предсуществовалъ въ какихъ-то свѣтлыхъ обителяхъ, гдѣ блаженство его состояло въ созерцаніи вещей въ самихъ себѣ, въ общеніи съ идеями и Богомъ; но слѣдствіемъ подчиненія высшей силы низшей было низпаденіе духа человѣческаго изъ свѣтлыхъ обителей на мрачную землю и сопряженіе съ грубымъ тѣломъ. Впрочемъ, не смотря на двойственность началъ, составляющихъ душу человѣческую, единство ея, какъ субъекта нераздѣльнаго, остается невредимымъ. И такъ душа человѣческая есть единое подлежащее; между тѣмъ какъ дѣятельность ея открывается въ трехъ различныхъ образахъ дѣйствованія, кои суть: познаніе, ощущеніе и желаніе. Она содержитъ сама въ себѣ начало движенія (*άυτο έαυτό κινουν*): неизмѣняема, неразновидна, несложна, невидима, и посему существенно отъ тѣла различна. Но наиболѣе открывается высокое достоинство и Божественное величіе души въ ея безсмертіи, которое составляетъ предметъ обширнаго разговора Платонова, Федона, гдѣ онъ представляетъ Сократа бесѣдующимъ передъ смер-

тію о безсмертіи. Здѣсь онъ заимствуетъ доказательства, подтверждающія вѣчное продолженіе бытія души: α) изъ понятія о перемѣнѣ состоянія: перемѣна состоянія есть переходъ изъ одного состоянія въ другое противуположное; почему, какъ за жизнію слѣдуетъ смерть, такъ за смертію должна слѣдовать жизнь; β) изъ преждеопытныхъ понятій, находящихся въ душѣ: сіи понятія не зависятъ ни мало отъ опыта, хотя и предполагаются во всѣхъ опытныхъ сужденіяхъ; посему душа долженствовала принести сюда по крайней мѣрѣ хотя темное о нихъ сознаніе отынуду, и слѣдовательно существовала прежде соединенія съ тѣломъ: откуда должно заключить, что она будетъ существовать и послѣ разлученія съ онымъ; γ) изъ невещественности и простоты души: что̀ просто, то раздѣлиться не можетъ; поелику разложеніе, раздѣленіе и разъединеніе принадлежатъ существамъ сложнымъ; но что̀ недѣлимо, то, какъ ближайшій образъ Божественнаго, есть неразрушимо; δ) изъ несовмѣстности понятія души съ понятіемъ смерти: душа есть начало жизни; но смерть и жизнь противуположны

другъ другу; є) изъ самодѣятельности души: что̀ содержитъ само въ себѣ начало своея дѣятельности, то дѣйствуетъ непрестанно; но что̀ находится въ безпрестанной дѣятельности, то безсмертно; наконецъ ѕ) изъ понятій о добрѣ и злѣ: добромъ все содержится и сохраняется, а зломъ все повреждается и разрушается; но теперь зло внутреннее важнѣе и слѣд. вредоноснѣе и разрушительнѣе внѣшняго: почему, ежели душа остается невредимою отъ внутреннихъ золъ, каковы суть невѣжество, порокъ и тому подобное, то не тѣмъ ли паче она должна остаться невредимою отъ разрушенія и смерти, которая есть токмо внѣшнее зло? Доводы болѣе остроумные, нежели сильные! Самъ Платонъ чувствовалъ сіе, и потому, не удовлетворяясь предложенными доказательствами, искалъ всегда новыхъ. Впрочемъ истина безсмертія была для него всегда непреложна и священна. „Мы должны" говоритъ онъ въ Федонѣ „всѣми силами трудиться, чтобы сію истину возвести къ основательнымъ доказательствамъ; ежели же сіе невозможно, то остановиться на такомъ доказатель-

ствѣ, съ которымъ бы можно было найти безопасность и успокоеніе при всѣхъ бурныхъ переворотахъ сей жизни.«

ε) Иѳіка.

Толь возвышенныя и очищенныя понятія о Богѣ и человѣкѣ необходимо долженствовали пролить новый свѣтъ и на царство нравственности, которое должно поистинѣ составлять верховную цѣль и послѣдній конецъ всѣхъ умозрѣній. Платонъ, обладавшій живымъ, нравственнымъ чувствомъ, и неуклонно слѣдовавшій по стопамъ мудраго своего учителя, коему Нравственная Філософія обязана, какъ бы жизнію своею, гораздо далѣе простерся на томъ пути, который первоначально былъ проложенъ Сократомъ. Всѣ нравственныя положенія, разсѣянныя повсюду въ сочиненіяхъ его, можно возвести къ тремъ главнымъ пунктамъ, кои суть:

α) Понятіе о верховномъ благѣ,

β) Основное начало нравственности и

γ) Отношеніе нравственности къ благополучію.

α) Понятіе о верховномъ благѣ, долженствующемъ составлять послѣднюю

цѣль для всякой благой человѣческой воли, положено Платономъ во главу угла всея его нравственныя Системы. Блага, по его мнѣнію, раздѣляются на Божественныя (Θεια) и человѣческія (ανϑρωπινα); первыя объемлютъ собою все, чего человѣкъ желаетъ, какъ существо разумное; послѣднія — и то, чего желаетъ онъ, какъ существо разумно-чувственное. Всякое благо вожделѣнно или по слѣдствіямъ, или само по себѣ безъ уваженія послѣдствій, или наконецъ, какъ само по себѣ, такъ и по послѣдствіямъ. Что̀ вожделѣнно само по себѣ, то есть благо отрѣшенное, верховное, служащее условіемъ для всѣхъ другихъ благъ: почему сіе благо должно быть само въ себѣ совершенно и достаточно, должно быть цѣлію для самаго себя и необходимымъ предметомъ желанія для всякаго существа разумнаго. Гдѣ же теперь можно найти таковое благо? Благо вообще, по мнѣнію нѣкоторыхъ, состоитъ или въ мышленіи, или въ удовольствіи; но ни состояніе одного чистаго мышленія безъ ощущенія пріятности, ни состояніе пріятнаго ощущенія безъ соединенія съ мышленіемъ, но есть состояніе вполнѣ усладительное и совершенно

достаточное; посему ни удовольствіе, ни мышленіе сами по себѣ не составляютъ отрѣшеннаго блага; и слѣдовательно оно должно находиться во взаимномъ соединеніи того и другаго (*μικτος, κοινος βιος*). Поелику же съ чистымъ мышленіемъ допускаютъ въ соединеніе токмо тѣ чувствованія, которыя либо произошли изъ самой дѣятельности, или по крайней мѣрѣ ею опредѣляются, и слѣдовательно необходимыя, чистыя, истинныя, чисто-духовныя и нравственныя чувствованія, сопутствующія упражненію въ добродѣтели: то отсюда очевидно, что токмо соединеніе таковыхъ чувствованій съ чистымъ умственнымъ и правильнымъ емпирическимъ мышленіемъ или система всѣхъ сообразныхъ съ разумомъ пріятныхъ ощущеній, развивающихся гармонически подъ свободною дѣятельностію разума, составляетъ верховное и совершенное благо, въ которомъ встрѣчаются истина, соразмѣрность и красота. Отсюда въ составъ верховнаго блага входятъ слѣдующія черты;

a) Правило и соразмѣрность (*μετριον και μετρον*);

б) Гармоническое, прекрасное и совершенное (*συμμετριον και καλον και τελειον*);

в) Разумъ (*νους και φρονησις*);

г) Всѣ опытныя познанія, истинныя сужденія и представленія (*επιστημαι, τεχναι και δοξαι ορθαι*), и

д) Всѣ истинныя и чистыя приятныя ощущенія (*καθαραι ηδοναι*).

Таковое гармоническое цѣлое можетъ быть уподоблено міру, сотворенному отъ Бога: ибо какъ Богъ создалъ міръ по совершеннѣйшему идеалу изъ матеріи въ прекраснѣйшемъ гармоническомъ цѣломъ; такъ точно и разумъ производитъ для себя верховное благо, когда по извѣстнымъ предносящимся умному взору его идеаламъ соразмѣрнаго, прекраснаго и совершеннаго, на основаніи идеи о Богѣ, которая есть верховное правило для всякой соразмѣрности, всѣ представленія и чувствованія души человѣческой, какъ матерію, связуетъ и располагаетъ въ такомъ чинѣ, что изъ того происходитъ гармоническое, соразмѣрное и прекрасное цѣлое. Первообразъ таковаго гармоническаго благоустроенія не индѣ можетъ находиться, какъ токмо

въ существѣ совершеннѣйшемъ, въ Богѣ: а потому Богъ есть предлежательное отрѣшенное благо, и приближеніе къ Нему составляетъ верховное подлежательное благо для существъ разумно-свободныхъ. Отсюда явствуетъ, что сіе послѣднее должно состоять во всесовершенномъ согласіи разумныхъ существъ съ высочайшимъ Перво-умомъ, или — поколику ихъ разумъ есть изображеніе и отпечатокъ онаго Перво-ума — во всесовершенномъ согласіи съ собственнымъ разумомъ и съ самими собою.

в) Отсюда основоположеніе нравственности, на которомъ зиждется вся Нравственная Философія Платонова, можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ: „Старайся быть совершеннымъ, не изъ другаго какого-либо побужденія, какъ токмо изъ того, чтобы быть совершеннымъ“ или „будь согласенъ съ самимъ собою!“ Сія формула можетъ быть замѣнена другими, раскрывающими тоже самое основоположеніе въ разныхъ чертахъ, каковы суть: „Слѣдуй предписаніямъ разума, токмо для разума! Старайся уподобиться Богу! Покоряй то, что въ тебѣ есть

животнаго, тому, что̀ въ тебѣ есть человѣческаго и Божественнаго!« Для того, чтобы сей законъ осуществился дѣйствительно въ дѣяніяхъ человѣческихъ, различныя способности душевныя должны находиться въ опредѣленномъ и сообразномъ съ природою состояніи взаимнаго сподчиненія. Таковое состояніе духа именуется у него Добродѣтелію (*αρετη*). Какъ едино само въ себѣ верховное благо, такъ едина и добродѣтель по существу своему; но по отношенію къ различнымъ направленіямъ духа человѣческаго, она раскрывается на самомъ дѣлѣ въ четырехъ главныхъ видахъ, кои суть: Мудрость (*σοφια, φρονησις*), состоящая въ совершенствѣ высшихъ познавательныхъ силъ человѣка; Цѣломудріе (*σωφροσυνη*), объемлющее совершенства способности ощущенія; Мужество (*ανδρεια*), слагающееся изъ совершенствъ силы воли; наконецъ Правда (*δικαιοσυνη*), объемлющая всѣ обязанности человѣка въ отношеніи къ другимъ. Вообще добродѣтель пріобрѣтается чрезъ частое повтореніе добрыхъ поступковъ и твердое исполненіе добрыхъ намѣреній и притомъ пріобрѣтается во брани съ чувственными наклонностями: почему она

состоитъ въ особенной дѣятельности разума и свободномъ произволеніи. „Чѣмъ болѣе человѣкъ любитъ и чтитъ добродѣтель, тѣмъ онъ добродѣтельнѣе," говоритъ Платонъ въ X книгѣ Республики. Посему добродѣтель основывается на свободной рѣшимости человѣка, и такимъ образомъ свобода есть стихія, корень и душа истинной нравственности.

г) Теперь, поелику нравственность есть высочайшее благо и совершенство въ самомъ себѣ; то отсюда явствуетъ, что она должна состоять въ неразрывномъ союзѣ съ блаженствомъ разумныхъ существъ, или лучше, съ нимъ тождественна. И дѣйствительно! Блаженство человѣка состоитъ въ полномъ обладаніи тѣмъ, что̀ для него достовожделѣнно; но человѣкъ, вѣрный всегда нравственнымъ законамъ, приобрѣтаетъ право на обладаніе высочайшимъ благомъ, въ коемъ заключается все то, что̀ только можетъ имѣть достовожделѣннаго и достолюбезнаго для существъ разумно - свободныхъ. Впрочемъ сего не довольно! Нравственностію составляется также и внѣшнее благосостояніе человѣка. Нравственно добрый че-

ловѣкъ всегда наилучшимъ образомъ достигаетъ своей цѣли, и во всѣхъ предпріятіяхъ счастливъ: поелику не предприемлетъ ничего неразумнаго. Онъ обладаетъ умѣніемъ изъ всѣхъ вещей дѣлать наилучшее употребленіе и имѣетъ полное право на любовь и уваженіе своихъ ближнихъ. Наконецъ онъ можетъ также пріобрѣсть себѣ Божіе благоволеніе и увѣрить себя, что всѣ происшествія его жизни имѣютъ основаніе въ Его отеческой о всѣхъ промыслительности, что съ нимъ не случается дѣйствительно никакого зла, но все клонится для него къ лучшему: при смерти своей съ покойною совѣстію взираетъ на радостное будущее, приводящее его къ цѣли всѣхъ драгоцѣннѣйшихъ надеждъ и предощущеній, и съ твердымъ упованіемъ ожидаетъ за свои добродѣтели наградъ, которыя относятся къ настоящимъ благамъ такъ, какъ вѣчность къ кратковременному странствованію въ сей плачевной юдоли. Отсюда главнѣйшею цѣлію всѣхъ гражданскихъ обществъ, гдѣ люди соединяются во единое цѣлое для сохраненія и укрѣпленія внѣшняго благосостоянія, должно быть преспѣяніе нравственности. Всѣ таковыя общества дол-

жны быть образованы по Божественнымъ идеямъ гармоническаго, прекраснаго и совершеннаго; а посему представлять собою образъ внутренняго благоустройства, господствующаго въ душахъ чистыхъ и неуклонно вѣрныхъ нравственному закону. Онѣ должны основываться на взаимномъ согласіи членовъ и одушевляться свободою. Цѣлость ихъ должна слагаться изъ трехъ состояній: повелителей, защитниковъ и подданныхъ, которые должны состоять другъ съ другомъ въ гармонической связи и подчиненности. Тѣ же точно виды единыя добродѣтели должны служить украшеніемъ и для цѣлыхъ обществъ, каковыя владычествуютъ въ душахъ, посвятившихъ себя стремленію къ верховному благу; но преимущественнымъ условіемъ благоустройства общественнаго, какъ союза многихъ разумно-свободныхъ существъ, должно быть правосудіе. Идеалъ таковыхъ благоустроенныхъ обществъ представляетъ Платонова Республика, которая есть не что иное, какъ совершеннѣйшій мысленный образецъ, къ коему всѣ дѣйствительныя общества должны по возможности приближаться, для того чтобы быть союзами, достойными высокаго и

Божественнаго предназначенія нравственныхъ существъ.

Заслуги Платоновы.

Заслуги Платона, какъ Мудреца и какъ систематическаго Философа, неизъяснимы. Онъ первый составилъ полное понятіе о Философіи и опредѣлилъ точнымъ образомъ ея предметъ, цѣль и содержаніе: первый назначилъ для нея истинныя границы, и изгнавши изъ области ея всѣ мѣлочныя и суемудренныя тонкости прехитрившагося у Софістовъ разсудка, одушевилъ ее лучезарнымъ и Божественнымъ свѣтомъ идей, и посему первый приближилъ ее къ высокому ея назначенію — быть питательною не для одного токмо ума, но вмѣстѣ и для сердца. Отсюда имя его осталось навсегда достояніемъ истинной мудрости и память содѣлалась священною не токмо для язычниковъ, но и для Хрістіанъ, одушевленныхъ любовію къ истинѣ, такъ что нѣкоторые Отцы Церкви не усомнились именовать его Хрістіаниномъ до Хріста и Аттическимъ Моvсеемъ.

Н. И. Надеждин.

Ломоносовъ (*).

Петръ Великій могъ силою Генія своего заводить арміи и флоты, учреждать суды и училища; могъ преобразовать и возвеличить Россію: но не могъ произвести Словесности. Сѣмена просвѣщенія не скоро приносятъ вожделѣнные плоды. Литтературныхъ произведеній въ собственномъ смыслѣ у насъ не было до царствованія Елисаветы. — Распространеніе предѣловъ Россіи, покореніе иноплеменныхъ народовъ, безпрестанныя сношенія съ просвѣщеннѣйшими Европейскими страна-

(*) Отрывокъ изъ Характеристики Русскихъ Писателей. Отличить характеръ писателя, указать красоты, недостатки его и мѣсто, которое онъ долженъ занимать въ Исторіи Литтературы; замѣтить большее или меньшее вліяніе его на ходъ Литтературы, на современниковъ и потомство — дѣло трудное, неизбѣжное отъ погрѣшностей; посему-то, можетъ быть, характеристика замѣняема была у насъ до сихъ поръ — выключая образцовыя для сего сочиненія А. Ѳ. Мерзлякова, также заслуживающія уваженіе характеристики Г. Плетнева, — сухими біографіями или послужными списками. Но лучше же имѣть недостаточную характеристику нашихъ писателей, которая можетъ послужить матеріаломъ для будущаго историка Русской Литтературы, нежели вовсе никакой. *Соч.*

ми, преобразованіе всѣхъ состояній, возрожденіе наукъ и художествъ, породили въ Русскомъ народѣ множество новыхъ идей, слѣдственно и словъ, невѣдомыхъ нашимъ предкамъ. Борьба стараго съ новымъ, просвѣщенія съ невѣжествомъ, долженствовала отразиться и въ языкѣ, который, до Ломоносова, не былъ устроенъ, которымъ никто не умѣлъ еще, какъ должно, пользоваться и украшать свои произведенія. Языки Славянскій, т. е. церковной или книжной, и собственно Русскій, происходя отъ единаго корня, отдѣлялись одинъ отъ другаго съ теченіемъ времени болѣе и болѣе, подобно двумъ радіусамъ, проведеннымъ отъ одного центра. Первый подъ вліяніемъ Греческаго языка измѣнялся медленно, вѣками, и наконецъ установился преданіемъ тисненію книгъ. Русскій, какъ языкъ живой, во многомъ отличный отъ онаго, измѣнялся несравненно скорѣе, такъ что въ началѣ 18 столѣтія дѣйствительно было у насъ ужѐ два языка, письменный или Церковно - Славянскій и общенародный. Тотъ и другой взятые порознь неудобны были для книжнаго употребленія: Славянскій потому, что далекъ былъ отъ обще-

употребительнаго, а общеупотребительный потому, что не былъ обработанъ, облагородствованъ, ни утвержденъ грамматическими правилами, или великими писателями, кои могли бы своими сочиненіями положить прочное, незыблемое ему основаніе; равно каждый изъ нихъ не приличествовалъ уже тогдашней степени образованности. Это отразилось и въ современной письменности. Духовные люди, коимъ языкъ нашъ обязанъ своимъ образованіемъ, не умѣли съ нимъ сладить; писали на Славянскомъ языкѣ, но пестрили его иностранными и даже простонародными реченіями и оборотами; Князь Кантемиръ, особенно Тредьяковскій, первые начали придерживаться языка общеупотребительнаго, но неумѣли искусно соединять его съ Славянскимъ, изъ коего заимствовали многія реченія. И такъ Русскій языкъ ждалъ генія, который далъ бы ему прямое, съ духомъ его сообразное направленіе, и извлекъ бы изъ него точныя, положительныя правила.

Ломоносовъ постигъ преимущества отечественнаго слова, свойственныя кореннымъ языкамъ; увидѣлъ возможность и

необходимость преобразовать, устроить его по требованію времени. Онъ первый съ великимъ успѣхомъ очистилъ его отъ смѣшенія съ языками сосѣдственныхъ народовъ, отъ загрубѣлости невѣжественныхъ временъ; исключилъ изъ употребленія обветшалыя и неумѣстныя реченія, опредѣлилъ различіе между словами книжными и общеупотребительными. Съ младенчества питая духъ свой чтеніемъ книгъ Св. Писанія, Ломоносовъ нашелъ въ нихъ, какъ въ нѣкоемъ неприкосновенномъ времени и разрушенію ковчегѣ, красоты Славянскаго языка, дотолѣ сокрытыя отъ глазъ соотечественниковъ; первый указалъ, ка̀къ должно пользоваться симъ языкомъ, ка̀къ и когда должно переносить красоты его въ Русскій; открылъ тайну выбора словъ и искуснаго сочетанія ихъ безъ всякой странной пестроты. Измѣняя окончанія словъ Славянскихъ, подобно общеупотребительнымъ, онъ тѣсно соединилъ языкъ гражданскій съ церковнымъ; убѣдилъ своими твореніями, что истинное краснорѣчіе наше не можетъ существовать безъ языка Славянскаго. По примѣру его, знаменитые писатели наши почерпали красоту, обиліе, важность для своихъ

сочиненій изъ того же источника. Ломоносовъ обогащалъ слово свое изобрѣтеніями: какъ мужъ, опытный въ иностранныхъ языкахъ, особенно въ Нѣмецкомъ, близкомъ къ Русскому въ сложеніи и производствѣ словъ, онъ образовалъ по нимъ множество новыхъ (*) и тѣмъ открылъ намъ средство къ обогащенію и украшенію языка своего. Онъ раздѣлилъ слогъ на три части: простой, къ коему отнесъ слова̀, только въ обыкновенномъ разговорѣ употребляемыя; средній, состоящій изъ соединенія отборныхъ словъ разговорныхъ съ менѣе высокими Славянскими, очищенными въ окончаніяхъ; высокій, почти весь заимствуемый изъ книгъ священныхъ, съ легкими перемѣнами въ окончаніи словъ и сочиненіи ихъ. Ломоносовъ освободилъ Россійскую Музу отъ цѣпей такъ называемаго средняго стихотворства; подчинилъ лирическое пареніе его законамъ мелодіи несравненно болѣе пріятной; показалъ богатство и преимущества просодіи нашей въ стопосложеніи и окончаніи стиховъ; издалъ ис-

(*) Въ его же время, кажется, вошли къ намъ и многіе Германизмы, на пр. den feind aufs Haupt schlagen, побить на голову непріятеля. *Сог.*

тинныя правила и утвердилъ ихъ собственными неподражаемыми образцами сочиненій. Такимъ образомъ онъ измѣрилъ и представилъ въ систематическомъ порядкѣ обширность, богатство, силу, великолѣпіе, гармонію Русскаго слова и проложилъ вѣрные пути къ его усовершенствованію. Геній его много содѣйствовалъ распространенію славы Императрицы Елисаветы, внушенію въ Россіянъ любви и благоговѣнія къ своимъ Монархамъ. Ломоносову всѣ обязаны; появившіеся послѣ его стихотворцы болѣе или менѣе подражали ему и отливали, такъ сказать, изъ приготовленнаго имъ матеріала свои произведенія съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Исчислять произведенія Ломоносова, прославлять его подвиги и заслуги, величать его творцемъ или Патріархомъ нашей словесности, содѣлалось теперь такъ обыкновенно, что это можно назвать однимъ изъ общихъ Риторическихъ мѣстъ (loci communes), у насъ употребительнѣйшихъ, когда рѣчь клонится къ созерцанію хода въ Россіи наукъ и особенно Литтературы. Но какъ не удивляться его свѣдѣніямъ во многоразличныхъ наукахъ, его

рѣдкому преимуществу соединить въ себѣ высокій даръ пѣснопѣвца съ глубокими познаніями мужа ученаго! У всѣхъ народовъ первоявившіеся писатели обращали таланты свои на одни предметы, самые трудные и самые блистательные. Такъ и у насъ. Ломоносовъ обнималъ весь кругъ тогдашней учености Европейской. Онъ Поэтъ и истолкователь законовъ Природы; витійствовалъ на каѳедрѣ краснорѣчія и объяснялъ системы Горнаго искусства; опредѣлялъ механическіе законы языка, и роясь въ ветхихъ памятникахъ Русской письменности, сочинялъ Исторію своего Отечества. Говорятъ, что сіи разнообразныя занятія вредили совершенству его творенiй; но они же и содѣйствовали оному. Великое вліяніе наукъ точныхъ на языкъ и словесность несомнѣнно. Онѣ распространяютъ кругъ мыслей, обогащаютъ разумъ новыми истинами, сообщаютъ языку новыя красоты и новыя средства изображать душу человѣка. Преобразователю языка необходимо должно быть опытнымъ въ точныхъ наукахъ. Здѣсь мы ограничимся взглядомъ на важнѣйшія сочиненія Ломоносова, на коихъ основана безсмертная слава его.

Всѣ народы начинали литтературное поприще свое съ Лирической Поезіи, ибо вездѣ творенія вкуса, воображенія, предшествовали твореніямъ размышленія; образовавъ языкъ, она приготовляетъ умы къ прочимъ родамъ словесности, кои суть ужè слѣдствіе первой. Такъ было и у насъ. Первый опытъ Ломоносова въ родѣ Лирической Поезіи есть ода на побѣду Россіянъ (1739 г.) — подражаніе Гюнтеровой, сочиненной на заключеніе мира между Австріею и Турціею въ 1718 г. Она принята была при Дворѣ и учеными съ удивленіемъ, очаровала Россіянъ приятною и новою для слуха ихъ гармоніею стиховъ. Онъ написалъ 19 похвальныхъ одъ. Въ первыхъ изъ нихъ больше піитическаго жару, силы, стремительности; за то въ послѣднихъ болѣе исправности и основательности, свойственной пожилому человѣку. Сочинилъ 11 одъ духовныхъ, нѣсколько одъ въ Анакреонтическомъ вкусѣ; перевелъ извѣстную Оду Руссо На счастіе, удержавъ за собою въ переводѣ ея пальму превосходства предъ Сумароковымъ. Въ родѣ дидактическихъ посланій сочинилъ Письмо къ Шувалову о пользѣ стекла, служащее доказательствомъ его искусства разсыпать

цвѣты живой своей поезіи въ Разсужденіи о предметахъ ученыхъ. Ломоносовъ испытывалъ свой талантъ и на поприщѣ драматической словесности, но единственно, кажется, по волѣ Монархини; написалъ двѣ трагедіи: Тамира и Селимъ, и Демофонтъ. Не смотря на многіе сильные стихи и счастливыя мысли, онѣ неимѣли успѣха. Трагедія славилась тогда въ одной только Франціи; Нѣмецкая словесность, которою преимущественно руководствовался Ломоносовъ, не имѣла еще изящныхъ произведеній въ семъ родѣ. Онъ написалъ еще двѣ пѣсни Поемы своей Петръ Великій, въ подражаніе Генріадѣ, кои доставили ему славу быть первымъ епическимъ пѣвцомъ въ Россіи, хотя онъ, какъ видно, не имѣлъ таланта и для сего рода стихотвореній; Трагедія и Епопея — не его дѣло.

Отличительныя качества поезіи Ломоносовой суть возвышенныя и сильныя чувствованія, живописныя картины, живыя краски и блистательныя описанія; чудесная игра воображенія, дѣйствіе піитическаго восторга, изливаетъ на всѣ его произведенія неизъяснимую прелесть.

Въ ней чаще всего отражаются мрачныя картины Сѣвера, родныя Поэту, опредѣлившія, можетъ быть, свойство стихотвореній его, важное и высокое. Цвѣты поэзіи у него разбросаны богатою, но вмѣстѣ и бережливою рукою. Въ Одахъ духовныхъ и Псалмахъ его сохранены важность, чистота и величіе языка Славянскаго, сила чувствованій, ровное и выразительное благородство слога.

При таковыхъ качествахъ Ломоносовъ не избѣгнулъ и нѣкоторыхъ недостатковъ; его упрекаютъ тѣмъ, что заключилъ свои сочиненія въ тѣсныхъ учебно - систематическихъ предѣлахъ, наполненныхъ общими риторическими мѣстами и расположенныхъ по одинаковымъ и обыкновеннымъ формамъ; что употреблялъ холодныя и неумѣстныя выраженія. Въ слогѣ его замѣчаютъ однообразіе до излишества. Но всѣ сіи недостатки щедро вознаграждаются многоразличными красотами и піитическимъ совершенствомъ многихъ строфъ. Вообще Ода его единственна; донынѣ никто не могъ превзойти его въ семъ родѣ Поэзіи, ниже сравниться съ нимъ.

Важнѣйшее сочиненіе Ломоносова есть Россійская Грамматика. Она состоитъ изъ шести отдѣленій, изъ коихъ замѣчательнѣйшія суть первое и шестое. Первое, о человѣческомъ словѣ вообще, кратко; но какъ единственное тогда въ своемъ родѣ произведеніе на Русскомъ языкѣ, оно возбуждало къ размышленіямъ, указывало на истинный путь къ открытіямъ въ языкѣ и къ изученію его. Послѣднее, лучшая часть Грамматики, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, много содѣйствовало къ утвержденію словосочиненія Русскаго языка и къ различенію его отъ Славянскаго; оно и нынѣ еще можетъ быть изучаемо съ пользою. Его Риторика расположена по принятой теоріи краснорѣчія и обогащена примѣрами, взятыми изъ лучшихъ писателей древности. Прочія сочиненія Ломоносова и понынѣ имѣютъ свою цѣну; всѣ они ознаменованы печатію генія, который руководствовался во всемъ самъ собою, хотя по свойству природы человѣческой иногда и ошибался. Современники могли только удивляться ему; мы разбираемъ, цѣнимъ его творенія и тѣмъ живѣе наслаждаемся ими. Если есть сочиненія, коими Ломоносовъ занимался

безъ успѣха и безъ пользы для потомства; то они по крайней мѣрѣ заслуживаютъ полное наше уваженіе, потому что проложили путь другимъ подвижникамъ.

Съ появленіемъ Похвальныхъ словъ Ломоносова начинается у насъ правильная проза, истинное, собственно такъ называемое краснорѣчіе. Въ нихъ блистаетъ талантъ великаго оратора въ полной мѣрѣ. Сіи слова и нынѣ почитаются образцовыми. Они доказываютъ, что Ломоносовъ имѣлъ удивительное искусство изображать великіе подвиги и сильныя чувствованія какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ; что онъ не прилѣплялся къ мѣлочной словесности иностранной, и напитанъ бывъ чтеніемъ древнихъ классическихъ писателей, заимствовалъ у нихъ мысли и руководствовался ими до того, что ввелъ въ нашу прозу порядокъ словосочиненія, нѣсколько сходствующій съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ. Ето однакожъ не есть еще погрѣшность противъ языка, а было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подражанія; и у Горація множество грецизмовъ, но Римляне имѣли свою Литтературу. Во время Ломоносова проза наша не могла

имѣть свой собственный характеръ; краснорѣчіе было еще во младенчествѣ. Ломоносовъ великъ и въ подражаніи. Говорятъ, что расположеніе словъ его не всегда сообразно съ ходомъ мыслей; что слогъ его устарѣлъ, длинные періоды утомительны и немогутъ служить для насъ примѣромъ; однакожъ сіи періоды почти вездѣ стройны и звучны, а слогъ, если не вездѣ, то въ весьма многихъ мѣстахъ можетъ и долженъ быть образцемъ правильнаго, классическаго слога. Вообще проза Ломоносова прекрасна и непотеряла еще наружныхъ своихъ украшеній.

Главный предметъ сочиненій Ломоносова есть прославленіе современныхъ, незабвенныхъ для Россіи происшествій. Онъ былъ органомъ своихъ соотечественниковъ. Громы побѣдъ, плоды ихъ, торжественныя молебствія отозвались въ его Поэзіи и дали ей направленіе. Почти всѣ оды его написаны на извѣстныя достопамятныя событія. Сія отличительная черта у подражателей его въ послѣдствіи времени была уже поддѣльная, но на первый разъ она выражала главный характеръ политическаго состоянія нашего Государ-

ства. Съ тѣхъ поръ напряженіе лирическаго восторга сдѣлалось общимъ характеромъ нашей Поезіи, который не столько принадлежитъ писателямъ, сколько епохамъ, въ кои они жили. Торжественность стихотвореній Ломоносова отзывается иногда и въ нынѣшней Поезіи нашей.

Геній Ломоносова сильно подѣйствовалъ на современниковъ. Его не всѣ читали, какъ Сумарокова; не многіе понимали и вѣроятно не могли еще наслаждаться его Поезіею, почитая сущностію оной мѣрное благозвучіе и наружную форму; вѣрно очень немногіе умѣли учиться у него Рускому языку и принаравливать слогъ его къ разговорному, еще необработанному; посему-то можетъ быть Дворъ нашъ первый возъимѣлъ нужду въ языкѣ иностранномъ. Даже высшее общество тогда не готово было для литтературы; тѣмъ не менѣе стихотворенія его дѣйствовали на вниманіе и возбуждали общее сочувствіе. Всѣ Ломоносову удивлялись, начали писать высокопарныя оды, не справясь съ своими силами, а ослѣпясь единственно блескомъ великаго Поета; всѣ увлеклись имъ

до такой степени, что, если можно найти отличительную черту нашей словесности, то надобно остановиться на Лирической Ломоносовой Поезіи, которая до Державина состояла почти изъ однѣхъ похвальныхъ одъ и дурныхъ пѣсенъ, не имѣя свойственнаго ей разнообразія и прелестей. Почти всѣ сіи оды и гимны были рабскія подражанія Ломоносову и Сумарокову. Для удостовѣренія довольно заглянуть въ Трудолюбивую Пчелу и журналы, вскорѣ за нею послѣдовавшія.

Величіе и слава Ломоносова стяжали ему уваженіе просвѣщеннѣйшихъ въ Государствѣ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздвигли противъ него враговъ и завистниковъ — общая доля всѣхъ мужей великихъ во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ! Ему покровительствовали Елисавета и Екатерина II; Гр. Воронцовъ, Гр. Орловъ, особенно Шуваловъ, который едва ли не первый почувствовалъ красоту стиховъ его, который умѣлъ выслушивать отъ него рѣзкія черты и благородные упреки, который былъ посредникомъ между литтературою Европейскою и нами; ибо во время сношеній Двора нашего съ заграничными учеными

наши литтераторы оставались въ сторонѣ. Великіе люди творятъ людей великихъ. Къ несчастію, сія истина рѣдко встрѣчается въ лѣтописяхъ міра; сколько талантовъ погибло и гибнетъ безъ покровительства и даже отъ своенравія и гордыни!

М. Гастевъ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Братья.

Въ одно прекрасное утро, Сентября 1813 года, во время войны Французско-Испанской, вздумалось мнѣ съ однимъ товарищемъ посѣтить общаго нашего пріятеля, которой по обязанностямъ службы оставался въ самомъ близкомъ разстояніи отъ С. Себастіана. Лагерь 58 полка расположенъ былъ среди дубовой рощицы, за небольшимъ возвышеніемъ, недалеко отъ Бидассои, у подножія горы Кватракона. Бидассоа находится ровно въ пяти миляхъ отъ того мѣста, куда мы сбирались ѣхать, а провести ночь

внѣ лагеря въ такое время, когда со дня на день ожидали сраженія, было бы весьма неблагоразумно. Чѣмъ ранѣе тронуться съ мѣста, тѣмъ лучше было и для коней и для всадниковъ. Вотъ мы и отправились тотчасъ послѣ утренняго парада; пустившись доброю рысью, скоро оставили за собой лагерь и попали на дорогу столь уединенную и тихую, что казалось, будто бы двѣ арміи многолюдныя, стоявшія не вдалекѣ одна передъ другою, раздѣляются сотнею миль между собою.

Ѣхавъ три часа, мы очутились передъ жилищемъ нашего пріятеля, гдѣ для насъ былъ въ готовности сытный завтракъ, а для коней нашихъ обильной запасъ корму. То была хижина, или небольшой домикъ земледѣльца, стоявшій среди обширнаго огорода, въ разстояніи одного часа отъ С. Себастіана. На ружейной выстрѣлъ отсюда находилось другое зданіе, гораздо побольше перваго, но внѣшнимъ видомъ своимъ на него совершенно похожее. Оно, какъ мы тогда же узнали, наполнено было больными и ранеными, за которыми присмотръ ввѣренъ былъ врачу, именно хозяину нашему.

Госпиталь принадлежалъ осадному корпусу передъ С. Себастіаномъ. Хозяинъ признался намъ откровенно, что несоразмѣрное количество помѣщенныхъ тамъ страдальцевъ и бѣдственное состояніе оныхъ представляютъ весьма незаманчивую картину военнаго времени; не смотря на то, по свойственной человѣку несообразности въ мысляхъ, онъ же вызвался вести насъ туда тотчасъ послѣ завтрака. Мы согласились, частію изъ любопытства, а частію и по другимъ, благороднѣйшимъ побужденіямъ.

Мы нашли то, о чемъ слышали; однако же съ перваго взгляда увѣрились, что никакихъ иждивеній не было пощажено для облегченія защитниковъ отечества въ недугахъ тѣлесныхъ, и что мы видѣли госпиталь, какого ни одинъ солдатъ страшиться не можетъ и не долженъ.

Осмотрѣвъ многія комнаты, мы хотѣли было уже выдти, какъ вдругъ взоръ мой остановился на одномъ высокаго роста мущинѣ, которой сидѣлъ въ углу, склонивъ голову къ груди своей. Въ чертахъ

лица и во всей наружности несчастливца было не знаю что̀, сильно возбудившее во мнѣ чувство состраданія. Подхожу къ нему съ вопросами объ его ранахъ, о томъ, гдѣ и ка̀къ получилъ ихъ. Но солдатъ, не смотря на тонъ дружества и довѣрія съ моей стороны, не обратилъ своего вниманія на посѣтителей. Онъ открылъ однако глаза̀ и посмотрѣлъ на меня — тутъ увидѣлъ я блѣдныя, обвислыя щеки его, увидѣлъ на лицѣ его слѣды глубокой печали; не сказавъ ни слова, онъ отвелъ отъ меня взоръ и по прежнему склонилъ голову. Сильно тронутый положеніемъ етого человѣка, обращаюсь къ пріятелю и прошу исполнить то, въ чемъ паціентъ его мнѣ отказываетъ. Но врачь покачалъ головой и повелъ насъ далѣе. Возвратившись на квартиру, онъ самъ добровольно вызвался говорить о страдальцѣ. „Вы желали узнать судьбу злополучнаго, котораго замѣтили въ углу палаты;" сказалъ онъ: „ето одинъ изъ несчастнѣйшихъ людей, какіе встрѣчались мнѣ во все продолженіе службы. Мнѣ сдѣлалась извѣстною исторія молодаго человѣка, и я готовъ разсказать ее вамъ, если угодно." Мы сѣли передъ открытымъ окномъ, откуда

представлялся великолѣпный видъ на городъ, на Океанъ безпредѣльный, и съ величайшимъ участіемъ слушали слѣдующую исторію:

„Тому шесть лѣтъ ужè, какъ полкъ, въ которомъ продолжаю службу, квартировалъ въ Плимутской цитадели. Однажды пришла къ нему изъ Шотландіи назначенная партія рекрутъ, въ числѣ которыхъ были два брата, уроженцы изъ города Фортъ-Вильяма; изъ нихъ остался въ живыхъ одинъ старшій — бѣднякъ, котораго замѣтили вы въ больницѣ. Будучи самъ уроженецъ изъ того же города, скоро узналъ я, что они были сыновья вдовы одного инвалида; получивъ отставку съ пенсіею послѣ тридцатилѣтней службы, онъ, какъ водится, женился, и спустя немного дней послѣ рожденія своего младшаго сына, умеръ. Камеронъ было имя отца ихъ, имя древней, почтенной фамиліи, въ старые годы знаменитой военными подвигами и донынѣ уважаемой; ибо она даетъ отечеству многихъ воиновъ, мужественныхъ и храбрыхъ. Дональдъ и Аланъ, юноши, о коихъ вамъ теперь повѣствую, ни въ какомъ отношеніи не

уступали ни одному изъ принадлежащихъ къ той же фамиліи.

Какая именно причина заставила ихъ вступить въ службу, немогъ я узнать въ точности; слышалъ только, что Дональдъ, молодецъ отважной и даже буйной, поссорился какъ-то съ таможеннымъ начальствомъ, и чтобъ избѣжать слѣдствій, рѣшился тайкомъ оставить домъ свой и записаться въ войско. Что̀ касается до его младшаго брата, Аллана, то онъ сдѣлалъ то же конечно безъ всякой другой причины, кромѣ одного лишь желанія последовать Дональду. Взаимная привязанность ихъ другъ ко другу превосходила всякое понятіе, и была предметомъ общаго участія въ корпусѣ между рядовыми и офицерами. Впрочемъ братья не походили одинъ на другаго ни нравомъ, ни склонностями, ни поступками, ни даже внѣшностію тѣла. Старшій былъ смѣлой, отважной, пылкой парень, высокой ростомъ, крѣпкой сложеніемъ, отличной стрѣлокъ, мастеръ плавать, бѣгать въ запуски, бороться. Алланъ — пригожій, тихаго нрава юноша (лѣтъ семнадцать имѣлъ онъ, когда вступилъ къ намъ

въ полкъ), съ тонкимъ станомъ и нѣжнымъ сложеніемъ; будучи бодръ духомъ и неробкаго нрава, онъ отвращался однако же отъ всѣхъ забавъ грубыхъ и не любилъ мѣшаться въ ссору. Здоровьемъ не могъ онъ хвалиться: составъ его корпуса и грудь слабая служили вѣрными признаками, что онъ носитъ въ себѣ зародышь самой печальнѣйшей изъ всѣхъ болѣзней. Но онъ былъ живъ и дѣятеленъ. Какимъ бы впрочемъ ни представлялся составъ его тѣла, все можно было сказать объ немъ по справедливости: духъ удержитъ тѣло его отъ паденія.

Послѣ всего слышаннаго до сихъ поръ, вы не станете удивляться, что хотя старшій братъ, въ отношеніи къ младшему, былъ существомъ высшаго качества и разряда, однакожь послѣдній дѣйствовалъ съ какою-то властію на перваго, со властію, которой ни тотъ, ни другой не замѣчали. Алланъ постоянно пользовался вліяніемъ своимъ, когда надлежало пылкаго брата выпутать изъ силковъ и затрудненій, въ которыя попадался онъ по своей врожденной раздражительности; между тѣмъ, старшій братъ почиталъ Аллана

не более какъ существомъ нѣжнымъ, одареннымъ женскою чувствительностію сердца. Самой даже голосъ Дональда, когда говорилъ онъ съ Алланомъ, становился кроткимъ, и сколь ни сильна была въ немъ страсть душевная, братнее слово дружелюбнаго увѣщателя усмиряло его въ одну минуту. Оба казались созданными для взаимной помощи въ нуждахъ, и оба не могли быть въ хорошемъ расположеніи духа, въ часы ли службы, или во время отдыха, если находились не вмѣстѣ.

Рекруты были при насъ ужѐ болѣе года, когда полученъ въ полку ордеръ сѣсть на корабли и присоединиться къ значительному корпусу, собравшемуся при Коркѣ подъ начальствомъ Сира Артура Веллеслея. Вамъ извѣстно, что въ такихъ случаяхъ, когда ожидаютъ скорой надобности дѣйствовать противъ неприятеля, младшіе и слабые здоровьемъ оставляются въ запасныхъ коммандахъ. Симъ же правиломъ руководствовались и въ то время, и Алланъ Камеронъ, по моему совѣту и по приказанію начальствующаго Генерала, назначенъ былъ къ отправленію службы въ запасномъ баталіонѣ. Но мо-

лодой человѣкъ никакъ нехотѣлъ повиноваться сему распоряженію, говоря, что онъ есть товарищь своего брата; что оба они гренадеры; что братъ, стоя въ переднемъ ряду, закрываетъ его; что онъ для того записался въ полкъ, дабы неразлучаться съ братомъ, и что наконецъ, куда пойдетъ Дональдъ, туда и онъ непремѣнно. Тоже слышали и отъ Дональда, которой выражался впрочемъ гораздо сильнѣе: „Какъ! почему бы моему брату не льзя было плыть съ нами? Чѣмъ онъ не солдатъ, и кто лучше его въ цѣломъ корпусѣ? А если онъ не такъ крѣпокъ въ силахъ, какъ другіе, я берусь за него нести всякую тягость.“ Оба брата, забывъ строгой порядокъ воинскій, бросились въ объятія другъ ко другу и горько плакали. На такую апелляцію не могло быть отказа; Полковникъ, и самъ почти до слезъ растроганный, далъ приказаніе, чтобы Алланъ занялъ въ строю обыкновенное свое мѣсто.

Мы получили вѣсть вовсе неожиданную: народъ, противъ котораго готовились мы сражаться, вдругъ сдѣлался нашимъ союзникомъ. Мы перешли на су-

да. Рѣдко можно видѣть подобное зрѣлище: въ прекрасный лѣтній полдень, болѣе полутораста судовъ разныхъ наименованій — линейныхъ кораблей, фрегатовъ, военныхъ шлюпокъ, транспортовъ — подняли якори; паруса̀ вздулись отъ свѣжаго вѣтра, и все двинулось въ открытое море. Берегъ былъ покрытъ густыми толпами зрителей; изъ стариннаго города Кове хлынули тысячи жителей; въ Спикейсландѣ, въ крѣпостяхъ Карлейлѣ и Камденѣ кипѣли волны народа, мущинъ, женщинъ и младенцевъ, привѣтствіями коихъ заглушался шумъ волнующагося моря, и голоса̀ непереставали раздаваться, доколѣ послѣднее судно не скрылось за горизонтомъ.

Наше плаваніе, не смотря на отсутствіе всякой пестроты и новости, было сноснымъ; при благопріятствѣ погоды съ нами не случилось никакого несчастія. Немного времени спустя, увидѣли мы передъ собою возносящіеся берега Испаніи, и скоро потомъ стали якоремъ на высотѣ Мондего. Полкъ нашъ 2 Августа вышелъ на землю Португалліи, гдѣ многіе дни и ночи употреблены были для

прикрытія высадки на берегъ войска и выгрузки запасовъ. Наконецъ все соединилось и 9 числа утромъ, по восхожденіи солнца, наша небольшая колонна двинулась по дорогѣ къ Леиріи.

Вамъ извѣстны происшествія, случившіяся между упомянутымъ числомъ и семнадцатымъ. Переходы непродолжительные и нетрудные нисколько не изнуряли солдатъ, даже наиболѣе слабыхъ и молодыхъ возрастомъ; Алланъ же Камеронъ ни въ ревности, ни въ терпѣніи, по видимому, не уступалъ и лучшимъ изъ своихъ товарищей. Между тѣмъ послѣ двухъ часовъ пути Дональдъ уже не позволялъ ему нести на себѣ ружье, а въ жаркую пору принуждалъ его снимать ранецъ и взваливалъ къ себѣ на плеча. Впрочемъ Алланъ, склоняясь на убѣжденіе брата, подтверждалъ каждой разъ, что помощь сего рода вовсе не нужна для него, и на постахъ своихъ былъ онъ всегда исправенъ. Наконецъ признаки со дня на день казались виднѣе, что непріятель близко; а въ Леиріи получено извѣстіе, что Французское войско стоитъ уже передъ нами, между тѣмъ какъ другіе корпусы

идутъ къ нему же скорыми маршами изъ Лиссабона и Томара. Когда показались ихъ передовые посты, Сиръ Артуръ Веллеслей приказалъ немедленно сбить ихъ. Послѣднее исполнено 15 числа съ небольшою съ нашей стороны потерею. Утромъ 17го мы двинулись впередъ, чтобы напасть на Генерала Лаборда въ его страшной позиціи за Ролисою. Полкъ нашъ находился въ числѣ тѣхъ, которые, при отступленіи Лаборда ко второй своей позиціи, заняли трудной пунктъ, прикрывавшій центръ дивизіи Французской. Въ одной узкой тѣснинѣ внезапно сдѣлано было нападеніе отъ многочисленнаго неприятеля на роту, въ которой находились братья. Французы искуснымъ дѣйствіемъ огня разстроивъ ряды нашихъ, тѣснили съ напряженіемъ, и хотя братья сражались храбро, но усилія ихъ были почти безполезны. Наконецъ,, когда наши принуждены были мало помалу подаваться назадъ, вдругъ двое Французовъ наскочило на Дональда Камерона, которой въ то же мгновеніе поскользнулся и упалъ на землю. Братъ его мигомъ явился на помощь. Уже Французы уставили оружіе свое противъ груди его, какъ вдругъ Алланъ, котораго

ружье было на ту пору заряжено, выстрѣлилъ. Одинъ изъ противниковъ падаетъ, и прежде нежели другой успѣлъ увернуться или отпарировать взмахъ юнаго Шотландца, етотъ поражаетъ его въ грудь штыкомъ. Все было дѣломъ одного мгновенія; ибо тогда же подоспѣли войска. Наши снова предприняли наступательныя мѣры и въ скоромъ времени Сиромъ Артуромъ Веллеслеемъ одержана была первая побѣда въ Европѣ, именно въ сраженіи при Виміерѣ. Взаимная привязанность между братьями вдвое усилилась послѣ сего дѣйствія. Дональдъ въ неустрашимомъ и кроткомъ братѣ своемъ чтилъ существо не земное; для Алланда былъ старшій тѣмъ, что̀ дубъ для плюща.

За сраженіемъ при Виміерѣ слѣдовали переговоры: Французы должны были оставить Португаллію, и мы получили возможность, удаливъ предстоявшія затрудненія, идти съ помощію къ Испанцамъ. Ето наконецъ исполнено; на походѣ черезъ одну изъ прекраснѣйшихъ провинцій полуострова, въ Декабрѣ остановились мы на весьма удобныхъ квартирахъ въ Саламанкѣ. Здѣсь долго мы оста-

вались въ бездѣйствіи. Распускаемы были разные слухи, одни за другими, чтобы насъ сбить съ толку, пока неудовольствіе не стало распространяться по всѣмъ классамъ. Наконецъ причины такой медлительности, по видимому, были уничтожены, и къ неизъяснимой радости войска, наши колонны двинулись, чтобы, какъ вообще полагали, напасть на Сульта. Не мое дѣло разбирать, хорошо или дурно сдѣлали, внезапно отрекшись отъ мѣръ наступательныхъ, и притомъ именно въ такое время, когда войско одушевлено было сильнѣйшимъ желаніемъ сражаться. Сиръ Джонъ Муръ безъ всякаго сомнѣнія имѣлъ свои причины отклонить сраженіе, къ которому все было ужѐ готово, и отступить за Елсу; но сіе отступленіе сокрушило дотолѣ постоянную бодрость духа въ солдатахъ, и причинило намъ столько вреда, сколько не претерпѣли бы мы послѣ двухъ проигранныхъ генеральныхъ сраженій.

Нашъ арріергардъ во весь день былъ сильно преслѣдуемъ авангардомъ Сультовой арміи; несмотря на то, послѣ безпрерывной драки, ночью въ одиннадцать часовъ

мы снова получаемъ приказъ ретироваться далѣе. Идемъ. На семъ продолжительномъ и трудномъ походѣ Алланъ Камеронъ совсѣмъ изнемогъ въ силахъ, которыя дотолѣ подкрѣпляемы были почти сверхъестественнымъ напряженіемъ бодрости духа. Тщетно Дональдъ освободилъ его отъ всѣхъ тяжестей, взялъ къ себѣ даже штыкъ его съ патронташемъ: юноша не могъ держаться на ногахъ и все показывало, что его надлежало оставить на мѣстѣ. Не умѣю словами выразить вамъ чувствій Дональда, когда боролись въ немъ двѣ крайности, когда должно было избрать одно изъ двухъ: или покинуть брата, или самому оставить ряды воиновъ. Натура однако же дѣйствовала въ немъ сильнѣе, нежели чувство долга по службѣ. Онъ рѣшился, что̀ ни случилось бы, остаться при Алланѣ. Офицеры незамѣтили отсутствія, а можетъ быть и одобрили рѣшимость нѣжнаго брата. Корпусъ продолжалъ свой походъ, и никто неожидалъ снова увидѣть неразлучныхъ.

Къ ихъ счастью, все войско, въ слѣдствіе сего ночнаго похода, устало до такой степени, что Сиръ Джонъ Муръ на-

шелся принужденнымъ большую часть дня отдыхать въ Валмудѣ. Къ изумленію и общей радости братья здѣсь настигли насъ: Дональдъ цѣлыя три мили несъ на плечахъ своихъ Аллана, потомъ посадивъ его на мула, которой попался близь дороги, отправилъ къ арріергарду, а самъ немедленно занялъ мѣсто свое въ строю по прежнему, и дошелъ до позиціи передъ Корунною съ такою же бодростію, какъ и всѣ прочіе товарищи, хотя несмыкалъ глазъ своихъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ сутокъ. Дональдъ участвовалъ въ сраженіи, гдѣ получилъ значительныя раны въ обѣ ноги. Провидѣнію, кажется, было угодно, чтобы два брата неразлучались, по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени: случилось такъ, что раненый Дональдъ отправленъ на тотъ самой корабль, на которомъ ужѐ находился братъ его.

Полкъ въ скоромъ времени возвратился на полуостровъ; но Дональдъ и братъ его объявлены неспособными при немъ находиться — одинъ за ранами, другой по причинѣ изнеможенія; такимъ образомъ оба вмѣстѣ переведены во 2й баталіонъ, которой тогда расположенъ былъ въ Ир-

ландіи. Тамъ весело жили братья вмѣстѣ, пока наконецъ, передъ симъ незадолго, снова не явились на военномъ театрѣ. Въ одно время съ нами отправились они въ Испанію, связанные тѣми же узами любви братской, самой нѣжной, даже романической. Оба участвовали въ кровопролитномъ сраженіи при Витторіи, изъ котораго вышли въ совершенной цѣлости; наконецъ они причислены были къ тому отдѣленію арміи Великобританской, которому назначено было обложить Сенъ-Себастіанъ.

Вамъ памятны развалины монастыря Св. Варѳоломея на вершинѣ одного изъ холмовъ, которыми окружена крѣпость Св. Себастіана. Когда подступали мы къ послѣдней, мѣсто сіе было однимъ изъ постовъ самыхъ ужасныхъ: Французы сильно укрѣпили его рвами, валами и окружили полевыми окопами. Но поелику ядра его долетали до того пункта, съ котораго намъ надлежало повести свои траншеи; то мы и должны были прежде всего овладѣть онымъ. Осадныя орудія наши оставались еще далеко; не смотря на то, Генералъ вознамѣрился замѣнить искусство

естественною храбростію людей своихъ. На сей конецъ употреблена была одна батарея полевыхъ орудій, и какъ скоро оказался проломъ въ стѣнѣ укрѣпленія, данъ былъ приказъ въ слѣдующую ночь взять мѣсто штурмомъ.

Случилось, что и наша гренадерская рота была назначена къ исполненію сего важнаго, но опаснаго предприятія; Дональдъ и Алланъ занимали уже прежнія мѣста свои въ строю между солдатами. За часъ передъ закатомъ солнца братья пришли на сборное мѣсто, гдѣ отрядъ въ глубокомъ безмолвіи ожидалъ знака къ наступленію. Не разъ бывалъ я свидѣтелемъ подобной сцены, не разъ я замѣчалъ съ любопытствомъ, какимъ образомъ колонны готовятся къ великому предприятію; но никогда неощущалъ въ себѣ столь мучительной грусти какъ въ сію минуту. Съ одной стороны редутъ, которымъ овладѣть надлежало, укрѣпленъ былъ хорошо, а бастіоны повреждены весьма незначительно; съ другой — отрядъ, назначенный къ овладѣнію онымъ, состоялъ изъ самой малой части людей, отдѣленныхъ отъ осаждающей арміи. Мы были только лишь зрителями;

но я спрашиваю: внутреннія чувства не сильнѣе ли, не мучительнѣе ли были въ насъ, нежели въ самыхъ дѣйствующихъ лицахъ? Назначенный къ приступу отрядъ окруженъ былъ густою толпою товарищей, которые не находили словъ, чтобы выразить желаніе свое увидѣть ихъ живыми и которые стояли сомкнувъ губы, какъ будто боясь переводить дыханіе. Между тѣмъ исчезъ вечерній сумракъ и все небо покрылось темнотою. Тутъ легкій шумъ медленно раздался отъ заднихъ рядовъ къ переднимъ; послышалось: *впередъ!* и небольшая колонна безмолвно двинулась скорымъ, шагомъ. Планъ расположенъ былъ такъ хорошо, что прошло нѣсколько минутъ, а непріятель все еще ничего незналъ о предпріятіи, и мы ужѐ полагали, что наши въ расплохъ овладѣютъ редутомъ. Надежда наша была однако же непродолжительна. Сперва одинъ выстрѣлъ изъ ружья, потомъ другой, а тамъ и полный залпъ, вопли нашихъ, слышимые въ промежутки времени между пальбою, давали знать намъ, что не счастіемъ, но храбростію надлежало имъ пріобрѣсти побѣду. Не смотря на сильный огонь, удачно направленный, наступательныя

колонны наши перешли не только через внѣшніе рвы, но даже очутились внутри за окопами. Здѣсь встрѣтились они съ отдѣленіемъ гранодеръ Французскихъ, и въ самое короткое время многіе штыки обагрились кровью. Нашъ авангардъ, въ которомъ находились и братья, мужественно выдерживалъ натискъ; ужѐ достигши двора монастырскаго, наши храбрые были потѣснены непріятелемъ, и потомъ едва могли овладѣть снова мѣстомъ, но не иначе какъ съ пожертвованіемъ многихъ товарищей.

Въ ту минуту, когда наши, тѣснимые превосходнымъ числомъ непріятеля, отступали, Дональдъ, сражавшійся какъ отчаянный, подаваясь назадъ, сталъ ногою на что-то мягкое, которое, какъ ему казалось, двигалось подъ его стопою. Ужасная мысль проникла въ его душу, когда коснулся ушей его стонъ, раздавшійся отъ пяты его. Дональдъ отскакиваетъ въ сторону. Между тѣмъ лучи отъ загорѣвшагося строенія мгновенно освѣтили мѣсто подвиговъ Шотландца, которой, пользуясь обстоятельствомъ, повсюду

ищетъ взорами своего Аллана. Браша нигдѣ ненаходитъ, но видитъ подлѣ себя трупъ Англійскаго солдата, и забывши все, бросается къ товарищу. Что̀ случилось далѣе, никто сказать того неможетъ: Французы натиснули съ такою силой, что наши мгновенно были опрокинуты. Когда опять собрались на внѣшнемъ валу, въ числѣ воиновъ не было уже ни Дональда, ни Аллана.

Авангардъ, немедленно подкрѣпленный свѣжимъ войскомъ, возобновилъ нападеніе, и Французы тотчасъ были прогнаны со двора въ открытую галлерею, изъ галлереи въ пылающіе корридоры. Они бѣжали во всѣ стороны, прятались по кельямъ и закоулкамъ, погибали, отдавались въ полонъ. Въ то время весь монастырь представлялъ уже пылающую массу. Огонь, подложенный въ пылу сраженія, распространился по всему зданію, и скоро побѣдители должны были покинуть завоеванное мѣсто. Но прежде всего надлежало собрать своихъ раненыхъ и плѣнныхъ Французовъ; отыскивая первыхъ, открыли печальную судьбу Дональда и

Аллана: первый сидѣлъ среди огня и дыма, держа на колѣняхъ у себя голову послѣдняго, но голова принадлежала мертвому трупу, передъ нимъ лежавшему. На щекѣ, мягкой и нѣжной, глубоко напечатлѣлись признаки какъ бы отъ сильнаго и продолжительнаго давленія подошвою башмака, подбитаго гвоздями. Можно догадаться, когда и какъ ето случилось. Дональдъ Камеронъ съ той самой минуты невладѣетъ разсудкомъ; безчувственность его усиливается отчасу болѣе, и онъ, по всей вѣроятности, навсегда останется жертвою несчастія, плачевнѣйшаго изъ всѣхъ, доставшихся въ удѣлъ человѣку.

(Съ Нѣм.)

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Выписка изъ рѣчи о состояніи Польскаго Царства, произнесенной, въ первомъ засѣданіи обѣихъ Палатъ, Министромъ Внутреннихъ дѣлъ и Полиціи, г-мъ Мостовскимъ, 28 Мая 1830 года.

(Окончаніе.)

е) Военное управленіе.

Управленіе по военной части, вспомоществуемое и подкрѣпляемое истинно отеческою заботливостію, постоянно преуспѣвало на поприщѣ усовершенствованій, какія только могли быть приспособлены къ каждой отрасли военной службы. Такимъ образомъ войско, годъ отъ году лучше обученное порядку и болѣе многочисленное, стало внимательнымъ къ голосу, которой повелъ бы его на поле славы; оно готово доказать на опытѣ, что умѣло содѣлаться достойнымъ попеченій, какими Августѣйшій Вождь благо-

творилъ оному. За силою постановленій Царскихъ, со времени послѣдняго Сейма взято въ службу 18,500 человѣкъ, изъ которыхъ 3,500 поступило изъ числа записанныхъ въ прежніе годы, но на службу тогда не употребленныхъ. Кромѣ 1565 человѣкъ, перемѣщенныхъ въ корпусъ Инвалидовъ и Ветерановъ, 11,613 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ уволено отъ службы, и между ними 654 человѣка получили пенсіи при отставкѣ въ награду за выслугу лѣтъ или же за претерпѣнное въ службѣ увѣчье. Отличительные знаки и прибавка оклада, назначаемые военно-служащимъ, которые сверхъ узаконенныхъ лѣтъ по желанію остаются въ строю, выгодно содѣйствуютъ благу службы вообще, ежегодно сохраняя при войскѣ такихъ солдатъ, которые служатъ примѣромъ для младшихъ своихъ товарищей. Впрочемъ, какъ, въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, выдача увольнительныхъ видовъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ была пріостановлена до окончанія войны съ Турціею, отставку получили только тѣ, которые, изнемогши въ силахъ, къ отправленію службы оказались неспособными.

Болѣе 200 кадетовъ находится теперь въ Калишскомъ Корпусѣ. Они, равно какъ и ученики Школы Высшей, отличаются быстрымъ преуспѣяніемъ какъ по части благонравія, такъ по части наукъ и порядка. Въ минувшіе годы Кадетскій Корпусъ приготовилъ 185 унтеръ-офицеровъ для разныхъ отдѣленій войска и значительное число ихъ же для Школы Высшей; которая съ своей стороны снабдила какъ Генералъ-Квартирмейстерскую часть, такъ Корпусы Артиллеріи и Инженеровъ 37 офицерами, получившими высщее образованіе.

Школы подпрапорщиковъ, для пѣхоты и конницы, также зимняя для артиллеріи, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ учрежденная въ Варшавѣ, ужѐ представляютъ выгоды значительныя. Обѣ первыя въ минувшіе годы приготовили 413 офицеровъ для пѣхоты и конницы, а Школа артиллерійская 61 офицера.

Спасительныя слѣдствія, проистекающія отъ учрежденія школъ плаванія, превзошли даже то, чего ожидать отъ нихъ было можно. Въ двухъ заведеніяхъ сего рода, которыя существуютъ въ Вар-

шавѣ, въ послѣдніе годы обучилось до 7000 человѣкъ искусству плавать. Подобное заведеніе, и съ равнымъ успѣхомъ, учреждено при Кадетскомъ Корпусѣ въ Калишѣ.

Школа фелдшеровъ при Главномъ Госпиталѣ приготовила болѣе десятка учениковъ, довольно свѣдущихъ въ своемъ дѣлѣ. При томъ же Госпиталѣ заведена библіотека, составленная изъ наилучшихъ и новѣйшихъ книгъ Медицинскихъ и Хирургическихъ.

Военные госпитали постоянно были предметомъ попечительности управляющаго Начальства. Учреждено двое новыхъ, одинъ въ Ловичѣ, другой въ Сѣдлцахъ. Недужный воинъ, при образцовой опрятности и порядкѣ, повсюду находитъ врачевства и пищу, приспособленную къ состоянію болѣзни, находитъ все, что̀ только можетъ принести ему отраду въ немощахъ.

Хирургическіе инструменты, приготовляемые художникомъ, соотечественникомъ нашимъ, и ни въ чемъ неуступающіе заграничнымъ самымъ лучшимъ, запасены для всѣхъ отдѣленій войска.

Дабы съ точностію опредѣлить упомянутыя въ Уголовномъ Кодексѣ отношенія между судилищами уголовными по гражданской части и военнымъ начальствомъ, обѣ Правительствующія Коммиссіи, Юстиціи и Военныхъ Дѣлъ, съ общаго согласія постановили: приговоры судебныхъ мѣстъ гражданско - уголовныхъ, произнесенные о военныхъ чинахъ до вступленія ихъ въ службу, какъ имѣющіе законную силу и не подлежащіе никакому вновь переслѣдованію, должны быть приводимы въ исполненіе военнымъ начальствомъ; дѣла же, произведенныя до вступленія подсудимыхъ въ военную службу, но не завершенныя приговоромъ въ судилищахъ гражданско-уголовныхъ, подлежать имѣютъ разсмотрѣнію властей военныхъ.

Солдатъ постоянно и въ надлежащее время получаетъ окладъ свой; онъ довольствуется хорошею пищею, хорошо одѣтъ и съ точностію снабжается всѣмъ потребнымъ.

Ремонты, заготовляемые въ Россійской Имперіи, въ продолженіе минувшихъ лѣтъ, какъ и прежде, снабжали достаточнымъ количествомъ лошадей здоровыхъ и крѣпкихъ

для службы въ конницѣ, артиллеріи и обозѣ. Однакожь нѣкоторое количество ихъ, по волѣ высшей власти, было закуплено и въ Царствѣ. Срокъ службы коня продолженъ отъ 8 до 9 лѣтъ — распоряженіе, весьма выгодное по предмету бережливости.

Доставка фуража, дровъ и освѣщенія производилась обыкновеннымъ порядкомъ. Но продолжавшіеся три года неурожаевъ заставили было Правительствующую Коммиссію Военныхъ Дѣлъ, при расписаніи издержекъ на 1828 годъ, по причинѣ возвысившихся цѣнъ на фуражъ, требовать 900,000 злотыхъ добавочной суммы, изъ которой однако же четвертая часть осталась въ казнѣ, оказавшаяся излишнею.

Многими жалобами, со стороны какъ обывателей, такъ и военнослужащихъ, достаточно обнаружены дѣлаемыя при назначеніи квартиръ злоупотребленія, которыхъ однако же отвратить невозможно, пока владѣльцы домовъ будутъ въ натурѣ нести квартирную повинность.

Дабы отвратить сію тягость, не желая впрочемъ требовать отъ Сейма по-

вой подати для вознагражденія владѣльцевъ за квартирную повинность, Правительство Царства рѣшается построить по Воеводствамъ казармы, въ которыхъ помѣщалось бы все войско и которыя въ 5 или въ 6 лѣтъ были бы совсѣмъ кончены при помощи займа, имѣющаго быть погашеннымъ чрезъ посредство добровольныхъ складокъ отъ городовъ Царства, получающихъ свои выгоды отъ пребыванія въ нихъ войска.

Отечественнымъ фабрикамъ нынѣ вполнѣ ввѣрено обмундированіе войска, которое такимъ образомъ снабжается сукнами всѣхъ сортовъ, совершенно удовлетворительными вразсужденіи цвѣта и качества; слѣдственно капиталъ, простирающійся до двухъ почти милліоновъ, прежде высылаемый за границу для закупки суконъ, нынѣ употребляется на подкрѣпленіе мануфактуръ нашихъ и способствуетъ ихъ преуспѣянію.

Касательно холста, донынѣ войско одной третьей долей годоваго количества довольствуется отъ внутреннихъ заведеній, двѣ же другія части привозятся изъ

за границы. Однако же Правительствующая Коммиссія Военныхъ Дѣлъ тщательно изыскивала всякія средства, чтобы отнынѣ все годовое количество холста могло быть получаемо изъ внутреннихъ фабрикъ, и на сей конецъ заключила условіе на пять лѣтъ съ хозяиномъ фабрики, живущимъ въ городѣ Лодѣ, обязавшимся доставлять издѣлія своего ежегодно такую же пропорцію, но съ тѣмъ чтобы въ 1834 году, по истеченіи срока, былъ онъ въ состояніи довольствовать войско полнымъ количествомъ холста, выработаннаго внутри Государства.

Крѣпостныя работы въ Замостьи продолжаются непрерывно и производятся надлежащимъ образомъ при содѣйствіи арестантовъ гражданскихъ и военныхъ, тамъ содержащихся. Кромѣ суммъ, ежегоднымъ росписаніемъ на сей предметъ назначаемыхъ, Правительствующая Коммиссія Военныхъ Дѣлъ отпускала еще добавочныя изъ остатковъ за штатными издержками по разнымъ частямъ своего вѣдомства. Такимъ образомъ упомянутыя работы, равно прочныя, въ полнотѣ производимыя и красивыя, уже

доведены до значительной степени. Послѣ того какъ пожаръ въ 1827 году истребилъ часть города Замостья, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣлъ выдать жителямъ заимообразно 150,000 злотыхъ — сумму, которая въ продолженіе 26 лѣтъ должна быть погашена ежегоднымъ взносомъ уплаты самой незначительной — съ условіемъ, чтобы домы строены были изъ кирпича и крыты черепицей или цинкомъ.

По недостатку въ суммахъ, работы въ крѣпости Модлинѣ надлежало ограничить обезпеченіемъ береговъ Вислы и Наревы, подрываемыхъ водою. Новый мостъ, отличающійся красивымъ видомъ своимъ и прочностію, соединяетъ противуположные берегà Наревы подъ окопами крѣпости Модлинской.

Различныя ремесла по военной части, кузнечное, колесничье, столярное и тому подобныя, снабжаютъ всякими потребностями разныя отдѣленія войска, смотря по мѣрѣ надобности.

Фабрика инструментовъ математическихъ, устроенная при Варшавскомъ

арсеналѣ, снабжаетъ Артиллерію и Корпусъ инженеровъ снарядами, столь исправными, что никакой нѣтъ нужды выписывать ихъ изъ за границы.

Лагерь подъ Повонзками получилъ видъ новаго города, пересѣкаемаго рощами и садами. Столь плѣнительное разнообразіе весьма выгодно дѣйствуетъ на здоровье и на веселость солдата, а значительное распространеніе конюшень, сараевъ и другихъ вновь построенныхъ зданій даетъ возможность къ помѣщенію всѣхъ почти людей и лошадей, которыми прежде надобно было обременять жителей столицы и ея окрестностей.

Великолѣпныя и обширныя казармы Александровы, другія такія же для конницы гвардейской при Лазенькахъ и съ домомъ для Начальника, зданіе, предназначенное для литейной, павильонъ для канцелярій и для квартиръ чиновникамъ артиллерійскаго начальства — все сіе есть дѣло попечительности и бережливости Управленія. Другія подобныя же зданія сооружены въ Люблинѣ, Красномъ Ставѣ, Радомскѣ, Унеіовѣ, Радзынѣ, Ловичѣ,

Калишѣ, Плоцкѣ. Построена прекрасная зала въ Калишѣ для кадетовъ, обучаемыхъ военной екзерциціи. Въ Замостьи прежній дворецъ совершенно преобразованъ для помѣщенія въ немъ офицеровъ, иждивеніемъ денежной суммы, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ на сей предметъ назначенной.

Работы достопамятныя, въ совершенствѣ производимыя, отличныя своимъ изящнымъ видомъ, начатыя въ 1824 году по волѣ Императора Александра для соединенія Наревы съ Нѣменомъ, продолжаются безостановочно. Рѣки Бѣбра и Нетта, принадлежащія къ той же линіи сообщеній, очищены; берега укрѣплены, ложа расширены и току водъ дано прямое направленіе. Посредствомъ длинныхъ каналовъ и многихъ шлюзовъ соединены озера съ рѣкой Ганчею, такъ что вся линія ета, начавшись отъ Наревы даже до города Августова и нѣсколько миль еще далѣе, сдѣлалась нынѣ сплавною.

Въ полныхъ отчетахъ съ надлежащей ясностію и въ порядкѣ показано употребленіе суммъ, отпущенныхъ въ распоряженіе Правительствующей Коммиссіи по военной части.

f) Финансы.

Въ слѣдствіе не менѣе счастливаго, какъ и вѣрнаго возмездія, усилія, какія употреблены были отъ Казны для успѣховъ благосостоянія внутри Государства, подкрѣпили составъ націи тѣмъ самымъ стихійнымъ началомъ, которой истекалъ изъ Казны же, а доходы приумножались наравнѣ съ улучшеніями, производимыми въ дѣйство ихъ же пособіемъ.

Ибо съ одной стороны учрежденіе Кредитнаго Общества сельскихъ владѣльцевъ, сотворивъ новую цѣнность изъ собственности частныхъ людей, сдѣлало ее движимою подъ сугубымъ поручительствомъ залога и совокупной отвѣтственности всѣхъ сочленовъ; оно тѣмъ самымъ облегчило и обмѣнъ собственности, когда Казна въ предотвращеніе всѣхъ неудобствъ, могущихъ воспослѣдовать отъ малѣйшей просрочки въ уплатѣ процентовъ и капиталовъ, уполномочена отъ МОНАРХА временно давать взаймы Обществу суммы, какихъ потребуетъ надобность.

Съ другой стороны то же самое Общество сельскихъ владѣльцевъ Правитель-

ству, имѣющему участіе въ ономъ, дастъ возможность постепенно привести въ исполненіе распродажу казенныхъ имѣній, въ силу постановленія Царскаго; передавая же оныя имѣнія подъ благонамѣренную распорядительность частнаго призора, оно дозволитъ невѣрные прибытки, уменьшенные военными бѣдствіями, замѣнить доходами вѣрными и постоянными, которые легко можно будетъ упрочить, обезпечивая недвижимостію частныхъ людей суммы, поступающія отъ распродажи упомянутыхъ имѣній.

Оказалась надобность въ посредникѣ для сихъ разнообразныхъ и особенныхъ операцій. И Банкъ Польскій, учрежденный постановленіемъ Царскимъ, къ дѣйствіямъ, какихъ требовало оное общее направленіе, присоединилъ и всякія другія, могущія способствовать движенію торговли и промышленности, подавать средства къ предпріятію работъ важныхъ, служащихъ къ пользѣ общественной, и даже открыть возможность къ уплатѣ долга публичнаго, когда оный будетъ признанъ рѣшительно.

Слѣдствія вполнѣ соотвѣтствовали надеждамъ: Закладныя письма Кредитнаго общества были пущены въ оборотъ по четыре отъ ста въ краю, гдѣ проценты считались весьма высокими; но двукратное въ каждой годъ удовлетвореніе наличною монетою за письма, назначаемыя жребіемъ, равно какъ и безостановочная уплата по онымъ въ скоромъ времени симъ закладнымъ бумагамъ возвратили цѣну, на нихъ написанную, которая и удерживается при нихъ, и теперь за границею онѣ спрашиваются наравнѣ съ самыми благонадежными бумагами.

Въ сборахъ съ 1824 до 1828 года Казна получила приумноженіе, простирающееся до 69,810,902 злотыхъ и 22 грошей, въ сравненіи съ доходами пяти лѣтъ прежнихъ, о которыхъ отчетъ представленъ былъ въ свое время. Приумноженіе сіе произошло вообще по отдѣленію непостоянныхъ доходовъ, хотя Тарифъ, не обременяя вывоза никакимъ налогомъ, значительно облегчилъ ввозъ уменьшеніемъ пошлинъ, къ выгодамъ внутренней промышленности.

Сверхъ того, когда по силѣ Конвенцій, заключенныхъ съ Пруссіею, Австріею и Саксоніей, всѣ права и обязанности сихъ Державъ, касательно кредита и долговъ бывшаго Княжества Варшавскаго, перенесены на Правительство Царства, сіе послѣднее нашлось въ возможности предпринять повѣрку тягостей, изъ которыхъ составится долгъ національной. Въ семъ отношеніи 49,683,497 злотыхъ уже признаны долгомъ, слѣдующимъ къ полученію жителямъ отъ Казны; но сумма сія послѣ уменьшена до 16,404,417 злотыхъ посредствомъ какъ взаимныхъ вознагражденій, такъ и уплатъ, за силою постановленій Царскихъ.

Требованія Казны на жителяхъ простираются до 77,628,094 злотыхъ; большая половина суммы сей обезпечена уже поручительствомъ. И такъ дѣло внутренней ликвидаціи безостановочно приближается къ своему окончанію.

Наконецъ капиталъ для заслуженныхъ, составляемый изъ частицъ жалованья, получаемаго всѣми должностными чиновниками, и въ 1827 году простиравшійся

ужѐ до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ злотыхъ, отданъ за проценты въ Дирекцію Горныхъ дѣлъ, которая употребляетъ упомянутую сумму на производство работъ, необходимыхъ въ сей важной части Государственныхъ имуществъ. . . .

(Gaz. Warsz.)

СМѢСЬ.

Праздники, забавы, предразсудки и суевѣрные обряды простаго народа въ Новогрудскомъ повѣтѣ, Литовско-Гродненской губерніи.

(Соч. Кандидата Мухлинскаго.)

Древняя религія Литовцевъ, сколько намъ извѣстно, едва ли не ближе всѣхъ другихъ подходитъ къ вѣроисповѣданію Римлянъ и Грековъ: жертвы, прорицатели, огонь вѣчный, даже названія боговъ почти тѣ же. Кротость нравовъ Литовскихъ и легковѣрная уклончивость, которыми они отличаются съ давнихъ временъ, заставляли ихъ принимать удобно разнаго рода впечатлѣнія. Даже и теперь еще замѣчаемые слѣ-

ды между обычаями народа Литовскаго представляютъ намъ во многихъ отношеніяхъ сходство ихъ съ древними въ обрядахъ свадебныхъ, погребальныхъ и т. д. Какъ бы то ни было, здѣсь опишутся простонародные праздники, предразсудки, забавы и суевѣрные обряды, распространившіеся по Новогрудскому повѣту.

1) *О праздникахъ.*

Кромѣ праздниковъ по Римско-Католическому и Греко-Уніатскому обрядамъ, простолюдины днемъ никакихъ другихъ неотправляютъ; за то имѣютъ они торжества особыя, начинающіяся съ вечера и черезъ всю ночь продолжающіяся. Самымъ главнымъ изъ нихъ есть праздникъ, такъ называемый, *Праотцевъ* (Dziady) — торжество въ память умершихъ предковъ, которое ведетъ свое начало еще со временъ идолопоклонническихъ; прежде оно называлось *пиромъ козла* (*), гдѣ первенствовалъ *козляръ*, *гусляръ*, вмѣстѣ жрецъ и поетъ вдохновенный. Днемъ простолюдины заказываютъ обѣдню, собираются со всѣмъ семействомъ въ церковь, раздаютъ милостыню, и потомъ отправляются на

(*) Huslarz (Польск.), Kozlar (Богем.) значитъ: *чародѣи*, *кудесникъ* — можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, *отъ козла* — ab hirco, quod hirco diabolo seruit. *Frenz.* De cultu capri apud Slavos, v. *Hartknoch* de festis veterum Prussorum.

кладбище. Тамъ всѣ громко рыдаютъ надъ могилою своихъ ближнихъ, по крайней мѣрѣ съ полчаса. Послѣ возвращаются домой, и вечеромъ начинаютъ поминать умершихъ. Праздникъ этотъ приходится около такъ называемаго дня поминальнаго (*zadusznego*). Обряды наблюдаются слѣдующіе: скрытнымъ образомъ готовится пиръ въ какой-нибудь часовнѣ или въ пустомъ домѣ близь кладбища; ставятъ разныя блюда, напитки, овощи, и вызываютъ души умершихъ; ибо народъ думаетъ, *что яства, напитки и пѣсни* даютъ отраду душамъ, находящимся въ чистилищѣ, и что иногда покойники являются съ какимъ нибудь предостерегательнымъ совѣтомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ (по близости) кладбища, пиръ отправляется дома; по окончаніи всего, хозяинъ беретъ утиральникъ, и одинъ конецъ онаго вывѣшиваетъ за окно, а другой оставляетъ въ комнатѣ; ставитъ на немъ рюмку съ водкою, и по частицѣ отъ всѣхъ яствъ, приготовленныхъ для покойниковъ. Къ утру все исчезаетъ, и если что осталось бы, то хозяинъ раздаетъ нищимъ. Евреи тоже самое дѣлаютъ въ праздникъ свой, называемый *Босины*. Достойно примѣчанія, что обыкновеніе потчивать умерщихъ, кажется, было общимъ для всѣхъ языческихъ народовъ: какъ въ древней Греціи во времена Гомера, въ Скандинавіи, на Востокѣ, до сихъ поръ на островахъ Новаго Свѣта, такъ равнымъ образомъ и въ Лит-

вѣ; до введенія Христіянской вѣры; ежегодно въ извѣстную пору, особливо въ Октябрѣ мѣсяцѣ, выходили на общественныя кладбища, и тамъ принося въ жертву богамъ ада сыченый медъ, молоко, пиво, оканчивали обрядъ свой подобными пиршествами, какъ и во время похоронъ. —

Другой праздникъ вечерній есть: *Купалло* или *Купайло*. Отправляется оный наканунѣ дня Св. Іоанна Предтечи слѣдующимъ образомъ: выходятъ изъ деревни въ поле обыкновенно лишь дѣвицы и взрослые юноши; раскладываютъ огонь и проводятъ цѣлую ночь въ плясках и гаданіи. Ето, какъ можно полагать, есть память праздника, со временъ язычества торжественно совершаемаго съ 25 Мая по 25 Іюня чрезъ цѣлый мѣсяцъ. Собравшійся на одномъ мѣстѣ народъ (въ семъ случаѣ называемый *стадомъ*) забавлялся разными играми, проводилъ большую часть ночи и дня въ плясках и пиршествахъ: пляску ету называли вообще *Коркодонъ*.

Народъ торжествуетъ и всѣ вечера́ отъ Рождества до Новаго года: тогда обыкновенно разсказываютъ повѣсти о страшилищахъ, злыхъ духахъ, вампирахъ и тому подобное.

Къ числу большихъ праздниковъ принадлежитъ и такъ называемый *дѣвичій вечеръ*, торжествуемый въ Новогрудскомъ повѣтѣ въ сторонѣ

къ *Лидскому*, равно какъ и въ самомъ Лидскомъ, именно въ Нацкой парафіи. Это есть последній вечеръ передъ венчаніемъ невесты, который начинается съ обряда, названнаго политовски *кунигованіемъ*. Совершается онъ следующимъ образомъ: при начале вечера, невеста изъ дому своего идетъ въ домъ господскій, распевая плачевную песню, на Литовскомъ языке, следующаго содержанія:

»Поклонъ тебе, о солнце! При закате сво»емъ отнимаешь ты грустный, суботній вечеръ, »которой будетъ вступленіемъ къ моей суровой »неволе и боязни. Месяцъ, месяцъ! свети мне «ты, которой отражаешься отъ стекла въ ок»нахъ чертоговъ господскихъ! Укажи дорогу деве, »идущей къ его преддверію! О баринъ мой, о »мой Сенаторъ! Взгляни на верную твою слу»жанку! Вели отворить дверь или окошко, и »прими дань ея первенцовъ скудныхъ. Или, позволь »умолить себя прозьбами родного брата, по»зволь упросить, умолить себя.«

Подруги помогаютъ ей петь во все время шествія къ господскому дому. Невеста, минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголъ комнаты и это повторяетъ при входе во все другія. Подарки состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, самою окрашенныхъ, изъ вышканныхъ ею же ути-

ральниковъ, или небольшихъ кусковъ новины. Наконецъ послѣ многихъ земныхъ поклоновъ передъ господиномъ и всѣми присутствующими, она возвращается, то же съ пѣніемъ, сопровождаемая взрослымъ юношею, которой именуется ея братомъ. Не распространяясь о самомъ обрядѣ, замѣтимъ, что названіе онаго есть Литовское, и что здѣсь видѣнъ родъ окупа за дѣвушку, которая выходитъ замужъ — въ средніе вѣки былъ онъ извѣстенъ на Руси и даже во всей Европѣ подъ названіемъ *cunagium, дѣвичье, Panienskie* (*). Города нѣкоторыхъ народовъ имѣли то же *Jus Cunagii,* по свидѣтельству *Kejslera in Antiquitatibus septentrionalibus.* Странный сей обычай, бывшій поводомъ къ притязаніямъ, существовалъ и въ Литвѣ безъ всякаго сомнѣнія — что̀ видимъ изъ законовъ Литовскихъ. Сначала етотъ обрядъ означалъ единственно владѣльческое право господина надъ своей крѣпостною; по етому онъ и взималъ окупъ передъ ея замужствомъ. Владѣтельные Князья Литвы вообще имѣли право непосредственно распоряжать бракосочетаніемъ дѣвицъ всякаго состоянія; но когда Короли изъ Дома Ягеллоновъ отреклись отъ сего преимущества, оно перешло къ владѣльцамъ земель, которые и пользовались онымъ въ своихъ имѣніяхъ. Отсюда произошло обыкновеніе наказывать публичнымъ покаяніемъ дѣвицъ, нару-

(*) По нашимъ документамъ: *куничное, свадебная куница. Изд.*

шившихъ свое цѣломудріе, для чего при дверяхъ приходской церкви были желѣзныя цѣпи, называемыя *куницами* и *кунами*, въ которыя запирали виновныхъ. Отъ господъ право сіе перешло во власть Церкви.

2) *Забавы.*

Забавы народныя здѣсь тѣ же, что̀ и въ другихъ мѣстахъ: при началѣ полевыхъ работъ, также при окончаніи жатвы, что̀ называется *дожинками*, и при окончаніи сѣянія — *досѣвки*, народъ собирается на дворѣ господина, который угощаетъ крестьянъ своихъ, а они проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскахъ. При подобныхъ обстоятельствахъ забавляется народъ и у себя дома; кромѣ сего бываютъ еще такъ называемыя игрища въ дни праздничные: народъ просто собирается въ корчму своей деревни; тамъ пляшутъ, вертясь въ одну и другую сторону, поютъ пѣсни, хотя не очень приличныя, однакожь оканчивающіяся рифмами. Рожденіе, свадьба, похороны обыкновенно сопровождаются забавами.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

Политическія и другія происшествія.

Франція.

Въ С. Петербургской газетѣ (Journ. de St. Pet.) объявлены извѣстія о печальныхъ событіяхъ въ Парижѣ. Не повторяя оныхъ во всей подробности, постараемся соблюсти вѣрность въ хронологическомъ показаніи.

26 Іюля (н. с.) обнародованы были Королевскія постановленія, изъ коихъ *первымъ* прекращается свобода тисненія періодическихъ изданій; *вторымъ* распущена несобравшаяся еще Палата Депутатовъ; *третьимъ* утверждены новыя правила для будущихъ выборовъ; *четвертымъ* назначаются сроки выборовъ и открытія Палатъ, и проч. — Уже въ первыя минуты распространилось въ столицѣ безпокойство, и появились народныя сборища въ улицахъ. При наступленіи ночи чернь окружила домъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ жилъ Князь Полиньякъ. Подоспѣвшіе заблаговременно жандармы предохранили сей домъ отъ дальнѣйшихъ поврежденій.

На другой день, 27 го Іюля, Правительство приказало поставить войска на всѣхъ пунктахъ, наиболѣе угрожаемыхъ. Король, находившійся въ Сенъ-Клу, поручилъ Маршалу Мармону главное начальство надъ всею вооруженной силою. Полиція хотѣла было закрыть типографіи журналовъ; но журналисты воспротивились и толпы жителей устремились къ Городской Ратушѣ, къ Архіепи-

скопскому дому; и къ Тюллерійскому дворцу; нападенія ихъ были сильно отражены Королевскою гвардіею, Швейцарцами и линейными полками. Около полудня упорныя сраженія между народомъ и войсками начались въ разныхъ мѣстахъ столицы. Къ вечеру сраженіе оставалось нерѣшеннымъ. Тогда нѣсколько Депутатовъ, и между прочимъ Лафитъ и Перрье, стали ходатайствовать у Маршала Мармона о средствахъ къ примиренію, а Маршалъ сообщилъ о томъ Князю Полиньяку, который отказомъ своимъ сдѣлалъ сіе покушеніе безуспѣшнымъ.

28 го Іюля съ разсвѣтомъ сраженіе возобновилось, и продолжалось до часу по полудни. Тогда Маршалъ Мармонъ, видя малочисленность своего войска въ сравненіи съ безпрерывно возрастающими толпами народа, отступилъ чрезъ Елисейскія поля, и столица осталась за жителями.

Въ Четвертокъ, 29 го Іюля, образовались временная Правительственная Коммиссія и другая Городовая. Депутаты, въ соединеніи съ новымъ начальствомъ, обратились къ Дюку Орлеанскому съ просьбою, дабы онъ принялъ званіе Намѣстника Королевства, и надѣлъ на себя трехцвѣтную кокарду. Между тѣмъ Король и Королевская фамилія, оставивъ Сен-Клу 31 го Іюня, отправились въ Рамбулльє.

1 го Августа Дюкъ Орлеанскій вступилъ въ главное управленіе дѣлами, а Король издалъ декларацію, которою, отмѣнивъ постановленія 25 го Іюля, изъявилъ свое согласіе на собраніе обѣихъ

Палатъ къ 3 му Августа, и наименовалъ Дюка Орлеанскаго Намѣстникомъ Королевства.

Вечеромъ 2 го Августа Дюкъ Орлеанскій получилъ отъ Короля письмо о принятомъ Его Величествомъ намѣреніи отказаться отъ короны, а равно объ отреченіи Дофина, въ пользу Дюка Бордосскаго. Новый Намѣстникъ, открывъ Палаты 3 го Августа, извѣстилъ ихъ въ своей рѣчи объ отреченіи Короля Карла X отъ короны, а Дофина отъ правъ наслѣдства.

Въ засѣданіи Депутатовъ 6 го числа г. Бераръ, восшедъ на катедру, предложилъ сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ Хартіи; сверхъ того требовалъ онъ исключенія всѣхъ Перовъ, назначенныхъ въ царствованіе Карла X, и наконецъ убѣждалъ Палату пригласить ко вступленію на престолъ Дюка Орлеанскаго, если онъ приметъ предлагаемыя въ Хартіи перемѣны.

7 го Августа Палата Депутатовъ получила извѣщеніе отъ Палаты Перовъ, что послѣдняя законнымъ образомъ открыта. Занялись предложеніемъ Берара. Гг. Конни, Гидъ де Невилль и многіе другіе Члены правой стороны съ жаромъ и убѣжденіемъ вступались за права Е. В. Дюка Бордосскаго. Послѣ жаркихъ разсужденій, Палата утвердила декларацію, которою она уничтожаетъ вступленіе въ Хартію, дѣлаетъ въ семъ актѣ нѣкоторыя перемѣны и дополненія, и наконецъ приглашаетъ Дюка Орлеанскаго принять титулъ Короля Французовъ.

Палата Перовъ 7 го же числа утвердила декларацію Палаты Депутатовъ, кромѣ статьи объ исключеніи Перовъ, пожалованныхъ въ государствованіе Карла X; не желая быть судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ, она представила рѣшеніе онаго на благоусмотрѣніе Намѣстника Королевства.

Въ тотъ же день, 7 го Августа, депутація Палаты Перовъ, подъ предводительствомъ новаго своего Президента, Барона Пакье, и великое число Депутатовъ, предшествуемыхъ Вице-Президентомъ своимъ, г. Лафитомъ, явились къ Намѣстнику Королевства, для поднесенія ему вышеупомянутой деклараціи, которую онъ и принялъ во всѣхъ пунктахъ.

Великобританнія.

Король даровалъ жизнь всѣмъ преступникамъ, присужденнымъ къ смертной казни въ теченіе Іюля мѣсяца.

Въ Придворной Газетѣ пишутъ: »На сихъ дняхъ, на большомъ обѣдѣ, Король провозгласилъ тостъ за здоровье Герцога Веллингтона и сказалъ, что пользуется симъ случаемъ для изъявленія Герцогу Монаршаго своего благоволенія и готовности поддерживать нынѣшнее Министерство во всѣхъ его дѣйствіяхъ.«

Турція.

Верховный Визирь поспѣшно идетъ на Софію (Ускупъ), чтобъ дѣйствовать оттуда противъ

Паши Скодринскаго, главнаго виновника усиливающихся неустройствъ и мятежа въ Албаніи.

— Въ силу фирмана, препровожденнаго къ Греческому Патріарху, надлежитъ составить поголовные списки живущимъ въ столицѣ Грекамъ, съ означеніемъ времени ихъ рожденія и прибытія въ Царьградъ. Уроженцамъ независимой Греціи предоставится шестимѣсячный срокъ, для подачи объявленія касательно пребыванія ихъ въ Турціи; которые изъ нихъ пожелаютъ остаться въ Константинополѣ для промысла или торговли, тѣ подвергнутся податямъ и всѣмъ повинностямъ наравнѣ съ Раями. Греческимъ Раямъ (подданнымъ Портѣ Грекамъ) воспрещается носить фески: они должны ходить въ прежней своей одеждѣ, для различія отъ Турковъ. За то обезпечиваютъ ихъ касательно всевозможной защиты; къ нимъ опредѣляется особый Назиръ, который, по примѣру Назира Католическихъ Армянъ, будетъ ихъ посредникомъ предъ правительственными мѣстами.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ одномъ Датскомъ сочиненіи исчислены главныя и общія причины дешевизны хлѣба; ихъ восемъ, а именно: 1. плодородіе Сѣверной Америки, которая отпускаетъ ежегодно хлѣбныхъ произрастѣній два милліона тоннъ, снабжая оными Западную Индію и Южную Америку; произведенія почвы своей отправляетъ она даже въ Средиземное море, въ Англію и Норвегію; 2. земли, вновь обработываемыя въ Россіи и въ Поль-

шѣ; 3. улучшенія въ землепашествѣ: въ продолженіе послѣднихъ 20 лѣтъ успѣхи онаго таковы въ Россіи, въ Польшѣ, въ Пруссіи, въ Даніи, въ Швеціи и можетъ быть, по словамъ Автора, даже во Франціи, что нынѣ въ сихъ странахъ собираютъ плодовъ земныхъ вдвое болѣе противъ количества, какое собираемо было въ началѣ текущаго вѣка; 4. картофель, нѣкоторымъ образомъ замѣняющій хлѣбныя растѣнія: въ одной Даніи употребленіемъ земляныхъ яблокъ сберегается ежегодно до 500,000 тоннъ всякаго зерноваго хлѣба, и теперь изъ сего Королевства вывозится 1½ милліона тоннъ зерна болѣе противъ прежнихъ отпусковъ за границу; 5. всеобщій миръ; 6. запретная система, препятствующая ввозу чужестраннаго хлѣба въ Англію, Францію и Испанію; 7. недостатокъ въ дорогихъ металлахъ; 8. урожаи, продолжающіеся нѣсколько лѣтъ сряду.

— Въ богатомъ нумизматическомъ собраніи при Царскомъ Александровскомъ Университетѣ (въ Варшавѣ) достопамятнѣйшею изъ рѣдкостей справедливо почитается *Краковскій грошъ Казиміра Великаго*, бывшій донынѣ извѣстнымъ единственно по описанію. Университету достался онъ вмѣстѣ съ монетами г-на Воланьскаго. Имѣя въ рукѣ и разсматривая вещицу, которая въ продолженіе почти пяти столѣтій переходила отъ одного поколѣнія къ другому, была свидѣтельницею юности, возмужалаго возраста и дряхлости народа, наконецъ сохранилась отъ дѣйствій времени всегубительнаго — Историкъ, Археологъ, даже вообще всякой человѣкъ просвѣщенный какихъ неощутитъ впечатлѣній въ умѣ и движеній въ сердцѣ!

— Краковская Газета объявляетъ, что одинъ чиновникъ въ Царствѣ Польскомъ, лѣчивъ самъ

себя по книгѣ извѣстнаго *Леруа*, сдѣлался жертвою мудрованій сего выродка Ескулапова — онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ и при крѣпкомъ сложеніи тѣла.

— Графъ Игнатій Лось въ Галиціи имѣетъ весьма любопытное собраніе монетъ, особенно важное полнотою своею касательно старинныхъ полугрошевиковъ *Русьскихъ* и *Львовскихъ*, въ послѣдовательномъ порядкѣ почти всѣхъ годовъ, начиная отъ Казиміра Великаго до Владислава изъ Ягеллоновъ. Хозяинъ Кабинета описываетъ свои монеты и готовитъ литографическія изображенія оныхъ. Въ Галиціи есть нѣсколько и другихъ собраній важныхъ по части нумизматики Польской, принадлежащихъ Князю Любомирскому, Графу Красицкому, Графу Потоцкому и другимъ любителямъ.

— Въ верховномъ судѣ Польскаго Царства въ Варшавѣ, недавно рѣшена тяжба съ одной стороны между г-мъ Желязковскимъ и наслѣдниками Якова Пясецкаго, а съ другой — Графомъ Францискомъ Потоцкимъ, начавшаяся 1699 года, и слѣдственно продолжавшаяся 132 года. Дѣло шло болѣе чѣмъ о двухъ съ половиною милліонахъ злотыхъ, и оно рѣшено въ пользу Графа Потоцкаго.

— Толпа любопытныхъ незадолго передъ симъ сопровождала по улицамъ Варшавы одно путешествующее семейство изъ Силезіи. Запряженная въ телѣжку собака везла сидѣвшихъ тамъ троихъ ребятишекъ. Доброй звѣрь проѣхалъ съ тяжестію своею до Варшавы около 70 миль; а путешественники отправились еще далѣе.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ.

№ 15 и 16.

АВГУСТЪ 1830.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О скудости и сомнительности происшествій перваго вѣка нашей древней Исторіи отъ основанія Государства до смерти Игоря, т. е. до 945го года.

Каждое царство и каждой народъ, до развитія силъ гражданскихъ, имѣютъ свой вѣкъ баснословный. Смотрите на первое появленіе всѣхъ государствъ — неговорю уже древнихъ, но окружающихъ рожденіе нашего отечества: увидите дѣтскую колыбель ихъ, лелѣемую разсказами о такихъ же басняхъ и невѣроятностяхъ, какъ и въ миѳахъ Грековъ и Римлянъ. Это

естественно. Народъ полудикій, грубый, погруженный въ мрачное идолопоклонство, неозаренный никакимъ свѣтомъ знаній, подобно младенцу, довольствуется одними вымыслами, предразсудками своей невѣжественной сферы. Я неспорю, что, когда повѣствуется о началѣ государства, разсказъ долженъ заключать въ себѣ и что нибудь истинное; но ета истина, среди безчисленныхъ невѣроятностей, порожденныхъ мvѳологіей младенчествующаго ума, теряется изъ виду Историка, любителя истины. — Намъ скажутъ: что̀ же дѣлать въ такомъ случаѣ, когда предъ нами отдаленная древность, закрытая непроницаемымъ мракомъ? Недолжны ли мы вѣрить всему — и самымъ баснямъ? . . . Нѣтъ! пусть басня остается навсегда, чѣмъ она есть, а истина должна сіять, окруженная даже и мглою. И такъ, чтобы отдѣлить сіи двѣ противности въ первомъ вѣкѣ баснословія, представляется единственное средство: прибѣгнуть ко свидѣтельству безпристрастныхъ писателей, современныхъ началу какого-либо государства, соображать между тѣмъ происшествія съ общимъ духомъ того времени, и поставить возникающее царство на первую

степень гражданской его жизни — это есть вѣрнѣйшій способъ отыскать въ Исторіи истину среди ея мѵѳологіи, а безъ сего способа повѣствованіе лѣтописателей о событіяхъ первыхъ временъ всегда останется сомнительнымъ; ибо ка̀къ и кто достовѣрно можетъ сообщить извѣстія объ оныхъ? . . . Словесное преданіе? . . . Оно разскажетъ намъ нестройно и невнятно несбыточныя происшествія той же мѵѳологіи.. — Посему-то осторожные писатели, начиная свою Исторію, по необходимости допускаютъ темный, баснословный вѣкъ ея. — Читая Польскую Исторію Нарушевича, Ваги, Бантке, мы находимъ этотъ вѣкъ; слышимъ о Лехахъ, Кракахъ и Попелахъ, какъ о лицахъ небывалыхъ, и смѣшныя басни о гнѣздѣ орлиномъ, о мышахъ прожорливыхъ невыдаются намъ за истину. А было время, когда вѣрили симъ нелѣпостямъ! Откуда же, скажутъ опять, начинать *достовѣрную* Исторію государства? — На сѣверѣ она вездѣ появляется со времени принятія Вѣры Хрістіанской, сего главнаго и единственнаго средства къ просвѣщенію народовъ; такимъ образомъ, ясная Исторія Польши начинается со времени Мечислава, принявшаго вѣру (965 г.); Исторія

Венгріи съ Гейзы (975), Норвегіи съ Олава Тригвезона — (996), Швеціи съ Олова — (1000). И наша достовѣрная Исторія безъ сомнѣнія также должна явиться не прежде, какъ при Владимірѣ Великомъ, принявшемъ вѣру 988 г. — Мы еще доселѣ неимѣемъ отдѣльнаго миѳологическаго вѣка съ опредѣленными границами; у насъ все выдается за вѣрное, ясное, несомнительное — и . . . все безъ историческихъ доказательствъ! Читайте Ломоносова, Татищева, Щербатова, Елагина: найдете въ нихъ вездѣ и обо всемъ разсказъ, по видимому, точный, но ни мало неотдѣляющій истины очевидной отъ невѣроятностей; читайте Карамзина, и вы найдете всѣ возможныя красоты правильнаго воображенія, живой и цвѣтущій слогъ, всюду вѣрную связь и порядокъ происшествій, даже всѣ ихъ подробности, точно какъ бы при первомъ началѣ своемъ государство наше явилось вдругъ уже просвѣщеннымъ и вѣрою и грамотою, какъ бы событія записываемы были очевидцемъ, когда небыло еще ни письма, ни оффиціальныхъ извѣстій! Что виною сему? То, что Историки, болѣе или менѣе почерпая для себя свѣдѣнія изъ нашихъ Лѣ-

тописей, появившихся не ранѣе XIV вѣка и приписываемыхъ обыкновенно Преподобному Нестору (*), смотрѣли на нихъ безъ крітическаго разбора, какъ на готовыя повѣствованія; не пугаясь ни прерывистыхъ, ни темныхъ сказаній, они представили все въ полнотѣ, въ ясномъ свѣтѣ и такимъ образомъ изгнали баснословный мракъ изъ перваго вѣка нашей Исторіи. Но мнѣ кажется, что самыя Лѣтописи, при осторожномъ чтеніи ихъ и соображеніи, открываютъ намъ совсѣмъ другую сторону; что сами указываютъ на вѣкъ мѵѳологическій, неясный и сомнительный. Такъ, умъ крітическій, не смотря иногда на подробный разсказъ Лѣтописей, немедленно замѣтитъ въ нихъ *сухость* происшествій, и, судя по противорѣчію одной Лѣтописи съ другою, по продолжительнымъ переры-

(*) Было бы грѣшно не признавать Преподобнаго Нестора *Лѣтописцемъ* монастыря Ѳеодосіева; но не менѣе того грѣшно и присвоять ему все, что̀ ни попадается на глаза въ Лѣтописяхъ — а мы давно къ етому привыкли. Издатель Кенигсбергскаго Списка даже и происшествія 1206 года относитъ къ *Несторовой Лѣтописи* — какъ будто Несторъ все продолжалъ писать лѣтъ сто сряду послѣ своей кончины! *Соч.*

вамъ и сбивчивости, или, что̀ всего важнѣе, по несообразности происшествій съ тѣмъ временемъ, къ которому онѣ относятся, заключить еще и о *сомнительности* оныхъ происшествій въ первыя времена государства и особенно въ первый вѣкъ его, до принятія Вѣры Хрістіанской. Изъ сего оказывается необходимость допустить начало Исторіи не совсѣмъ достовѣрное. Постараемся раскрыть ето по системѣ нашихъ же Лѣтописей; покажемъ во первыхъ *скудость происшествій*, во вторыхъ *сомнительность* ихъ—до смерти Игоря.

А) Скудость.

О времени основанія Государства мы неможемъ сказать ничего положительнаго; ибо по Лѣтописямъ нашимъ невозможно сообразить годовыхъ чиселъ съ достовѣрностію, какъ вразсужденіи перваго нашествія Варяговъ, такъ равно ихъ изгнанія и новаго пришествія; ибо Лѣтописи говорятъ о семъ весьма различно и смѣшанно. На примѣръ:

1) О нападеніи Варяговъ на Славянъ, Чудь, Кривичей и Мерю, по *Радз.*, *Ипат.*, *Алат.* и *Полит.* упоминается подъ 859, а по *Соф.* подъ 858 годомъ.

2) Изгнаніе Варяговъ относится, по *Архг.* къ 859, а по *Ипат.*, *Радз.*, *Соф.* и *Полит.* къ 862 году.

3) О посланныхъ для новаго призванія Варяговъ, по *Ник.* къ 861 г., а по *Архг.* къ 862 му.

4) О пришествіи трехъ братьевъ, по *Ник.* и *Алат.* къ 862 г., а по *Архг.* къ 863 му.

Теперь, судя по большинству голосовъ лѣтописанія, мы видимъ, что 4 изъ нихъ свидѣтельствуютъ о нашествіи Варяговъ подъ 859, что 4 другія говорятъ объ изгнаніи ихъ подъ 862 и что двѣ означаютъ прибытіе Князей подъ 862 же. Отсюда заключаемъ, что Варяги въ 3 мъ году своего владычества надъ Славянами были изгнаны и что Славяне въ продолженіе одного года (862) начали строить городà (укрѣпленія), производили внутренніе раздоры и воевали одни противъ другихъ (родъ на родъ), наконецъ, согласившись, послали призвать къ себѣ Князей изъ тѣхъ же Варяговъ, и что сіи Князья пришли къ нимъ для управленія. Могло ли все это случиться въ одинъ годъ? . . Даже, если бы принять и всѣ 3 года, съ 859 по 862 й,

и тогда было бы весьма трудно повѣрить: народъ необразованный и полудикій, каковы были Славяне, могли ли все ето обдумать и совершить неболѣе какъ въ 3 года? Впрочемъ, оставаясь въ сомнѣніи объ опредѣлительномъ времени основанія Государства, возмемъ за руководство общепринятое начало — 862 й годъ, назначенный въ *Ник.* и *Алат.* Лѣтописяхъ и сообразимъ оное со смертію Рюрика, о которой упоминаютъ *Радз.* и *Ипат.* подъ 879: — выходитъ, что время Рюрикова княженія продолжалось 17 лѣтъ (чему впрочемъ Шлецеръ весьма недовѣряетъ); несмотря на сіе, столь, по видимому, продолжительное государствованіе, какую видимъ пустоту въ его Исторіи въ сравненіи съ тѣми многообразными событіями, которыя происходили отъ 859 до 862! Посмотримъ теперь на малочисленность происшествій, относящихся къ Рюрику.

Рюрикъ съ братьями Синеусомъ и Труворомъ пришелъ княжить надъ Славянами въ 862 (по *Ник.* и *Алат.*); самъ онъ поселился въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Два года времени проходитъ въ совершенномъ бездѣйствіи!

Въ *865* (по *Ник.*) умираютъ братья; Рюрикъ переходитъ въ Новгородъ; дѣлается единовластителемъ; раздаетъ мужамъ своимъ области; въ тоже время родился у него сынъ Игорь (по одной *Ник.*); Оскольдъ и Диръ (по *Ник.*) воюютъ на Полотчанъ, а по другимъ Лѣтописямъ они удаляются въ Кіевъ, гдѣ послѣ нѣкотораго, такъ сказать, дружескаго разговора съ Кіевлянами, свободно остаются управлять ими. Въ етомъ году видимъ довольно происшествій!

Подъ слѣдующимъ 866 годомъ на нѣсколькихъ страницахъ говорится о походѣ Оскольда и Дира съ Руссами на Царьградъ, и съ большою подробностію о Византійской тревогѣ. Но ето уже, по видимому, вовсе неотносится къ государствованію Рюрика, какъ главнаго властителя въ тогдашней Руси: воители небыли въ зависимости отъ него, а потому и неупоминается объ немъ ни слова; слѣдственно ето какъ бы постороннее въ Исторіи Рюрика.

Съ *868* по *876* годъ безъ всякой нужды наши Лѣтописи, особливо *Ник.*, упо-

минаютъ только о внутреннихъ Вvзантійскихъ происшествіяхъ, наполняютъ ими по нѣскольку страницъ съ большою сбивчивостію и невѣрнымъ опредѣленіемъ годовыхъ чиселъ: ето показываетъ ясно, что писатели временниковъ, видя недостатокъ собственныхъ происшествій и не нашедши средствъ искусно вымыслить новое, замѣнили ихъ различными вставками и переводами изъ Вvзантійскихъ писателей, отъ чего Исторія Рюрика кажется какъ бы довольно подробною и обширною. Между сими безнужными вставками упоминается снова объ Оскольдѣ, якобы онъ хотѣлъ идти войною на Константінополь; но Промыслъ удержалъ его: разбитый бурею, онъ возвратился въ Кіевъ 867 года; что Императоръ Василій заключилъ съ Руссами договоръ, преклонилъ ихъ къ Вѣрѣ Хрістіанской и что по условленному чуду съ Еvангеліемъ, брошеннымъ въ огонь, но несгорѣвшимъ, Руссы *крестились всѣ.* Извѣстія сіи хотя и заключаютъ въ себѣ нѣкоторую истину, по причинѣ свидѣтельства Вvзантійцевъ о Росахъ (гдѣ впрочемъ неупоминается объ Оскольдѣ и Дирѣ); однако все оное нимало неотносится къ государствованію Рюрика, и Лѣ-

тописи молчатъ объ немъ, какъ бы о лицѣ незначительномъ.

Послѣ сихъ постороннихъ для Рюрика происшествій встрѣчаемъ большой промежутокъ въ самыхъ Лѣтописяхъ. Наконецъ подъ 879 говорится уже вдругъ о смерти Рюрика, княжившаго по *Радз.* и *Ипат.* 17 лѣтъ. Довольно времени, но мало происшествій; ибо, кромѣ прибытія Рюрика къ Славянамъ, кромѣ смерти обоихъ братьевъ, вступленія въ Новгородъ, рожденія Игоря, пришествія на югъ Оскольда и Дира, наконецъ кромѣ смерти самаго Рюрика, мы невидимъ болѣе ничего достопримѣчательнаго въ его Исторіи.

Олегъ. По смерти перваго Князя въ 879 вступилъ въ управленіе Олегъ, опекунъ малолѣтнаго Игоря; сей Государь описывается въ Лѣтописяхъ гораздо болѣе дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, нежели Рюрикъ; впрочемъ о первыхъ двухъ годахъ его правленія также неговорится ни слова, и они остаются пустыми.

Въ *882* году Олегъ начинаетъ удачный походъ на Кіевъ со многочисленнымъ войскомъ; на пути предается ему Смоленскъ

почти добровольно; потомъ также легко беретъ онъ Любечь (на лѣвомъ берегѣ Днѣпра, въ Черниговъ. губ.); наконецъ приближается къ Кіеву; хитрымъ обманомъ убивъ Оскольда и Дира, завладѣлъ онымъ и провозгласилъ его матерью всѣхъ городовъ Русскихъ. Здѣсь видимъ въ Лѣтописяхъ разсказъ довольно длинный обо всѣхъ подробностяхъ завладѣнія Кіевомъ, наложенія даней и поставленія городовъ.

Въ *883 и 4*, по *Радз.*, Олегъ пошелъ на Древлянъ, Сѣверянъ, а на Радимичей въ 885; побѣдя ихъ, кромѣ Суличей и Тиверцовъ, воевавшихъ съ нимъ, наложилъ подати; и такъ сіи годы 882 — 3, 4 и 5 Олеговыхъ завоеваній и распространенія предѣловъ составляютъ *наши собственныя* достопамятныя происшествія: здѣсь, кажется, невидно ни противорѣчія, ни постороннихъ вставокъ. Послѣ сего

Съ *886 — до 907*, Лѣтописи наши, какъ бы истощившись въ подробномъ повѣствованіи объ Олегѣ, уже въ продолженіе 21 года неговорятъ ничего о семъ великомъ завоевателѣ и прибѣгаютъ снова къ совершенно неумѣстнымъ вставкамъ.

Замѣтно, что система нашихъ Лѣтописей всегда представляетъ какъ бы сводныя мѣста, говоря попеременно, что̀ происходило въ нашей Руси, и что̀ потомъ въ Византіи; но за то пропускаются нѣсколько лѣтъ сряду происшествія нашего Государства. Здѣсь онѣ говорятъ то о царствованіи Византійскихъ Императоровъ, то о хронологической росписи нашихъ Князей даже до Іоанна II Іоанновича, жившаго во второй половинѣ XIV вѣка (*), то опять о различныхъ Митрополіяхъ и Архіепіскопствахъ, подчиненныхъ Византійскому Патріарху. Что̀ нужды намъ въ етихъ росписяхъ и къ чему онѣ помѣщены въ Исторіи Олега? Неизвѣстно.

Въ 899, слѣдовательно послѣ 11 лѣтъ, неотносящихся къ Олегу, Лѣтописи говорятъ о прохожденіи Венгровъ мимо Кіева, о завладѣніи ими землею Волоховъ и о войнахъ съ сосѣдними народами, Греками, Моравами, Богемцами. Сколь ни ужасны были сіи Угры - варвары, однакоже, какъ видно, ничего непредпринимали они относи-

(*) Вѣрный знакъ, что и Лѣтопись писана тогда же, если не позже. *Изд.*

тельно Олеговыхъ владѣній; ибо Лѣтописи упоминаютъ только слегка, говоря, что Угры въ 898 стали вѣжами по Днѣпру. — Послѣ сего разсказываютъ съ удивительною подробностію о Солунскихъ философахъ (монахахъ) Кириллѣ и Меѳодіѣ, посланныхъ Императоромъ Михаиломъ въ Мораву для наученія жителей ея вѣрѣ Христіанской, объ изобрѣтеніи ими Славянской граматы и о переложеніи нѣкоторыхъ священныхъ книгъ съ Греческаго на Славянскій: все ето лишнее для желающаго знать Исторію Олега, хотя въ другомъ отношеніи и небезполезно. Потомъ подъ 993 описывается снова совершенно постороннее происшествіе о войнѣ Грековъ съ помощію Венгровъ противъ Булгаръ и о разбитіи сихъ послѣднихъ. Здѣсь, какъ бы мимоходомъ, упоминается о женитьбѣ Игоря; послѣ же сего въ продолженіе 4 годовъ уже совершенное молчаніе о ходѣ происшествій. И такъ находимъ, что съ 886 до 907, т. е. въ продолженіе 21 года, кромѣ женитьбы Игоревой, ничего прямо неотносилось къ исторіи Олега. Гдѣ пребывалъ сей великій мужъ, такъ быстро, по видимому, начавши, и такъ долго оставаясь въ бездѣйствіи? Неизвѣ-

стно; однако же, какъ бы въ вознагражденіе за сіе объ немъ молчаніе, Лѣтописи наши говорятъ наконецъ о великомъ ополченіи его на Константінополь, и говорятъ со всею возможною подробностію. Походъ сей предпринялъ онъ

Въ *907* г. на коняхъ и корабляхъ; послѣднихъ было до 2000, а на каждомъ изъ сихъ находилось по 40 человѣкъ; прибывши къ Царьграду, Олегъ привелъ въ ужасъ Грековъ; они замкнули *суду;* тогда вождь приказалъ поставить флотиллію свою на колеса и при попутномъ вѣтрѣ двинулся полемъ на корабляхъ къ городу; Греки, еще болѣе устрашась, рѣшились платить дань. Заключенъ договоръ Императоровъ Льва и Александра съ Олегомъ: въ силу онаго Греки обязались заплатить по 12 гривенъ на человѣка, еще нѣкоторыя дани Русскимъ городамъ и сверьхъ того положено имѣть гостямъ (купцамъ) взаимныя дружескія сношенія и пособія; все это утверждено было со стороны Хрістіанъ присягою, а язычники поклялись Перуномъ. Послѣ того Олегъ повѣсилъ мечь свой на вратахъ Цареградскихъ и, натянувъ паруса паволочатые и кропивные, возвратился

въ Кіевъ съ огромнымъ запасомъ всякаго богатства.

. . .

За тѣмъ снова начинается въ Лѣтописяхъ отступленіе и говорится, подъ 911 годомъ, о появленіи Византійской кометы. Въ слѣдующемъ 912мъ упоминается о торжественномъ подтвержденіи мира или договора отъ Олега, какъ побѣдителя Грековъ, посредствомъ пословъ въ Константинополь: договоръ сей занимаетъ не мало страницъ самаго подробнаго разсказа о взаимныхъ отношеніяхъ Руссовъ съ Греками и на оборотъ; слѣдовательно здѣсь Лѣтописи говорятъ объ Олегѣ, какъ и сначала, утвердительно и подробно. Не смотря на то, Исторія объ немъ остается сухою и недостаточною; ибо, исключивъ постороннее, мы находимъ изъ 33 лѣтняго государствованія сего Князя только 882,3,4,5. 907,912, то есть шесть лѣтъ его славныхъ подвиговъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ или баснословныхъ! Подъ симъ же 912 годомъ говорится и о смерти Олега, приключившейся отъ угрызенія змѣи, которая, будто бы по предсказанію Волхвовъ, выползла изъ головы давно умершаго коня, нѣкогда любимаго Княземъ.

Игорь. Государствованіе сына Рюрикова продолжается до 945го, слѣдственно 32 года. Замѣтимъ прежде, что Игорь есть первый Государь, который, по причинѣ несчастнаго своего похода противъ Грековъ, *сдѣлался извѣстнымъ* какъ Византійскимъ, такъ Западнымъ и Арабскимъ историкамъ; посему, какъ свидѣтельствуемые иностранцами подвиги его должны представиться намъ уже достовѣрнѣе, а слѣдственно и исторія государствованія его полнѣе; между тѣмъ въ Лѣтописяхъ нашихъ открывается почти тотъ же недостатокъ въ событіяхъ. Въ первые два года княженія Игорева (913 и 914) онѣ говорятъ довольно кратко о дракахъ его съ Древлянами, возмутившимися по смерти Олега, и объ ихъ покореніи; вмѣстѣ съ симъ упоминается также о Византійскихъ происшествіяхъ и о Болгарскомъ Сvмеонѣ. — За симъ

915 Годъ занятъ разсказомъ о появленіи Печенѣговъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, о нападеніи ихъ на Русь и о мирѣ ихъ съ Игоремъ; послѣ опять о нападеніи Болгарскаго Сvмеона на Ѳракію и о покореніи Адріанополя. Далѣе въ продол-

женіе 5 лѣтъ (съ 916 по 920) говорится только о нѣкоторыхъ по временамъ дракахъ съ Печенѣгами и опять о нападеніи Болгарскаго Сvмеона на Ѳракію, и — совершенное молчаніе черезъ цѣлыя 20 лѣтъ, т. е. съ 921 по 940! Ибо, кромѣ весьма немногихъ безнужныхъ вставокъ о происшествіяхъ у Вvзантійцевъ и Болгаръ, ничего неизвѣстно. Наконецъ послѣдніе годы Игоревой жизни, начиная съ 941 по 945, какъ и послѣднее время государствованія Олега, изукрашены подробнѣйшимъ разсказомъ о походѣ его на Константинополь и о заключеніи славнаго договора. Впрочемъ подъ 942 и 943 годами говорится то же много посторонняго, именно о новой войнѣ Болгарскаго Сvмеона съ Греками.

И такъ въ продолжительное правленіе Игоря, кромѣ послѣднихъ блистательныхъ подвиговъ (по большей части невѣроятныхъ) и кромѣ нѣкоторыхъ предыдущихъ дракъ то съ Древлянами, то съ Печенѣгами, въ исторіи его находимъ ту же *скудость* происшествій, какую видѣли прежде. Прошло почти цѣлое столѣтіе отъ начала Государства (съ 862 по 954), а мы

насчитываемъ неболѣе 20 годовъ достопамятныхъ событій, собственно относящихся къ нашей Исторіи, болѣе или менѣе достовѣрной, въ государствованіе трехъ Князей Рюрика, Олега, Игоря; все же прочее — не наше, постороннее и почти излишнее.

Къ довершенію всего не можемъ незамѣтить, что каждая изъ Лѣтописей, отдѣльно взятая, о нѣкоторыхъ происшествіяхъ или вовсе не говоритъ, когда другая распространяется въ своемъ разсказѣ, или говоритъ съ противорѣчіемъ, весьма сбивчиво и смѣшанно. Впрочемъ при тщательномъ обзорѣ происшествій перваго вѣка, собранныхъ изъ Лѣтописей, намъ извѣстныхъ, замѣчаемъ какой-то ходъ или планъ въ ихъ повѣствованіи, который тѣмъ болѣе удивителенъ, что почти вездѣ однообразенъ. На примѣръ:

1) Повѣствуя о правленіи Рюрика, Олега, Лѣтописи умалчиваютъ о событіяхъ въ первые два года княженія; ибо, за исключеніемъ весьма краткаго извѣстія объ Игорѣ, въ продолженіе двухъ первыхъ годовъ правленія Олегова, онѣ то же безмолвствуютъ.

2) Потомъ *средину* государствованія сихъ Князей онѣ преимущественно наполняютъ Византійскими происшествіями и часто неумѣстными выписками.

3) Далѣе онѣ дѣлаютъ значительный промежутокъ въ своемъ повѣствованіи и совершенно молчатъ о происшествіяхъ.

4) Подъ конецъ же государствованія сихъ Князей онѣ, какъ бы послѣ какого-то отдыха, обращаются къ повѣствованію объ ихъ великихъ подвигахъ и описываютъ оные весьма подробно, обширно, краснорѣчиво, съ наблюденіемъ однообразія, приличнаго плану ихъ системы. И такъ *скудость* очевидна. Перейдемъ къ другому отличительному качеству.

Б) Сомнительность.

Бросимъ прежде всего общій взглядъ на Лѣтописи:

1) Мы видѣли, что Лѣтописи наши состоятъ изъ продолжительныхъ перерывовъ въ цѣпи происшествій, изъ постороннихъ вставокъ, взятыхъ изъ Византійской Исторіи — а такихъ вставокъ гораздо болѣе, нежели извѣстій о внутреннихъ событіяхъ;

слѣдственно писатели временниковъ неимѣли вѣрнаго свѣдѣнія о постепенномъ ходѣ и послѣдовательномъ порядкѣ нашихъ происшествій: они какъ бы *собирали оныя для составленія Лѣтописей.*

2) Мы знаемъ, что ни одинъ изъ иностранныхъ писателей того времени — до самаго Игоря — ни слова не упоминаетъ ни о пришествіи Рюрика къ Славянамъ, ни о славныхъ походахъ и договорахъ Олега и Игоря, кромѣ впрочемъ одного несчастнаго похода Игорева подъ Константинополь, о которомъ въ первый только разъ говорятъ не только Византійскіе, но и другіе писатели.

3) Ежели Несторъ, по общему мнѣнію нашъ первый Лѣтописецъ, жившій во второй половинѣ 11 вѣка, писалъ что нибудь истинное или по преданію, до него дошедшему, или же заимствуя послѣ изъ Византійцевъ; то онъ или не могъ бы написать того, о чемъ сіи послѣдніе неговорятъ (напр. о славныхъ походахъ и договорахъ Олега и Игоря); или, основываясь на преданіи, не могъ бы изложить такъ подробно: ибо кто и какъ могъ бы со-

общить ему такія топографическія извѣстія, какія находимъ въ описаніи походовъ на Константинополь, и столь положительныя взаимныя условія Руссовъ съ Греками, кои мы съ подробностями читаемъ въ договорахъ?

4) Противорѣчіе Лѣтописей между собою относительно показанія времени, ихъ сбивчивость и запутанность доказываютъ порчу текста, а потому и невѣрное свидѣтельство о происшествіяхъ.

5) Самыя происшествія изложены и описаны въ такомъ порядкѣ и въ такомъ духѣ, что вовсе несоотвѣтствуютъ они не только первому вѣку нашего младенчествующаго Государства, но и всеобщему духу Европейскихъ государствъ того времени.

6) Мы не имѣемъ ни одной Лѣтописи отъ времени Нестора; всѣ списки не старѣе XIV вѣка, или еще гораздо позднѣйшіе.

7) Наконецъ, по соображеніи происшествій съ тѣмъ временемъ, когда Новгородъ и Псковъ получили организацію свою чрезъ сношенія съ Любекомъ, Ригою, Висби, всѣ странны, до сихъ поръ неизъяснимыя въ договорахъ перваго вѣка нашей Исторіи,

свободно и легко изъясняются. Ето даетъ намъ причину заключать, что Лѣтописи по крайней мѣрѣ дополняемы и преобразуемы были уже во время знакомства и связей съ Ганзою. А потому, изъ любви къ истинѣ, мы не можемъ съ простодушною довѣренностію положиться на повѣствованіе Лѣтописей относительно 9 и начала 10 столѣтій; но должны со всевозможною осторожностію и строгою крітикою смотрѣть на происшествія, въ нихъ повѣствуемыя.

Время пришествія Рюрика. Прежде сказано, что означеніе времени кажется довольно невѣроятнымъ; потому во первыхъ, что между 859 и 862 невозможно помѣстить многоразличныхъ происшествій какъ со стороны дѣйствія Варяговъ на Славянъ, такъ и Славянъ на Варяговъ; и что во вторыхъ сверженіе ига Славянами и скорая ихъ рѣшительность призвать къ себѣ снова властителей предполагаетъ уже народъ не грубый и дикій, а образованный и дѣятельный. И самые Варяги могли ли бы такъ скоро повѣрить посламъ Славянскимъ, и склонясь на ихъ прозьбу, прибыть для княженія

въ томъ же году, въ которомъ они были изгнаны Славянами? Скорѣе же рѣшились бы они по духу мести поступить съ оскорбителями совсѣмъ иначе, нежели какъ ето сдѣлалось въ столь короткое время. Въ третьихъ, самыя Лѣтописи наши весьма несогласны во времени: ибо *Радз.* и *Ипат.* показываютъ въ 862 г. только изгнаніе Варяговъ; но *Ник.* и *Воскр.* въ етомъ году полагаютъ уже призваніе трехъ братьевъ, и потому, спустя два года (865), говорятъ о смерти Синеуса и Трувора. Какое же время теперь съ достовѣрностію должно опредѣлить для основанія нашего Государства? Шлецеръ предполагаетъ начало его около самой половины столѣтія (850), — мы ничего неопредѣляемъ, а только показываемъ сбивчивость и невѣрность происшествій.

Рюрикъ въ Новѣгородѣ. Нѣкоторыя Лѣтописи говорятъ, что онъ прямо пришелъ въ Новгородъ; другія, какъ на примѣръ *Разд.* и *Ипат.*, что по смерти своихъ братьевъ онъ перешелъ изъ Ладоги къ Ильменю, и при Волховѣ срубивъ городъ, назвалъ его Новгородомъ. *Срубить городъ* здѣсь не значитъ построеніе Новгорода, ибо онъ ужѐ существовалъ; но здѣсь вѣ-

роятно городъ означаетъ *крѣпость* близъ Новгорода, которая служила какъ бы грозою для безпокойныхъ Новгородцевъ.

Подъ 865 годомъ одна только *Ник.* говоритъ о рожденіи Игоря; между тѣмъ какъ *Алат.*, *Пол.*, *Арх.* упоминаютъ о томъ ужѐ послѣ отшествія Оскольда и Дира, безъ означенія времени; но *Радз.* и *Ипат.* хранятъ молчаніе. Ка́къ бы то ни было, но рожденіе Игоря болѣе нигдѣ невстрѣчается: слѣдовательно рожденіе сего Князя должно отнести или къ сему году, или къ неизвѣстному по Лѣтописямъ. И такъ, если принять по *Ник.* 865 г., то по смерти Рюрика въ 879 мъ ему было 14 лѣтъ, между тѣмъ какъ мы видимъ, что Олегъ назначенъ былъ опекуномъ малолѣтнаго Игоря и во время взятія Смоленска въ 882 (слѣдственно Игорю тогда было ужѐ 17 лѣтъ) онъ показываетъ его Смольнянамъ на рукахъ своихъ; тоже самое сдѣлалъ онъ и предъ Кіевлянами, убивъ Оскольда и Дира: слѣдовательно или время рожденія Игоря показано невѣрно, или послѣднее невѣроятно.

Объ отшествіи Оскольда и Дира — *Ник.* совсѣмъ ничего неговоритъ; вмѣ-

сто сего упоминаетъ о нападеніи ихъ на Полотчанъ, о которомъ всѣ другія умалчиваютъ, повѣствуя однакожъ о легкомъ завладѣніи ихъ Кіевомъ — болѣе или менѣе подробно и различно.

О Походѣ Росовъ подъ Константінополь въ 866. Vvзантійскіе Писатели, какъто Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ, Продолжатель Константіна Багрянороднаго, Сvмеонъ, Кедринъ, Зонара, говорятъ о семъ походѣ Росовъ и объ ихъ крещеніи, неупоминая впрочемъ объ именахъ Оскольда и Дира и безъ всякаго отношенія къ Кіеву; между тѣмъ наши Лѣтописи, хотя безъ сомнѣнія сами заимствовали сто отъ Vvзантійцевъ (ибо *Пол.* и *Арх.* прямо утверждаютъ, что такъ написано въ одномъ какомъ-то Греческомъ временникѣ) вносятъ сіи имена Оскольда и Дира; но уже ли сіи Росы были одни съ Оскольдовыми Руссами Кіева? Шлецеръ съ большимъ жаромъ утверждаетъ, что сто былъ особый народъ южный, народъ многочисленный и сильный; вышеприведенные Vvзантійскіе свидѣтели описываютъ его также народомъ совершенно Азіатскимъ, безбожнымъ, свирѣпымъ и ди-

кимъ; они говорятъ ясно, что сіи Росы пришли изъ за Понта (Чернаго моря), съ Востока. По соображеніи происшествій и извѣстій у другихъ писателей видно, что Русь обитала между Чернымъ и Каспійскимъ морями въ странѣ, которая издревле служила пристанищемъ для многихъ народовъ, выходившихъ изъ Азіи въ Европу. Такъ и Фотій полагаетъ обиталище ихъ близь Чернаго моря; самое море сіе называлось прежде *Русскимъ* и безъ сомнѣнія не по чему другому, какъ по народу, близь его жившему. По извѣстіямъ Арабскихъ писателей, какъ на примѣръ Ибнъ-Гаукала и другихъ, Руссы занимали великое пространство между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Слѣдуя за повѣствованіемъ нашихъ Лѣтописей, видимъ, что онѣ, допустивъ однажды Русь изъ за какого-то моря, послѣ сбиваются сами и какъ бы невольно упоминаютъ о другой Руси на югѣ: такъ двѣ наши Лѣтописи, *Ник.* и *Степ.*, хотя дѣлаютъ явную и грубую ошибку, называя Русь Куманами или Половцами, жившими у Евксинскаго Понта (ибо сіи явились тутъ не ранѣе 11 вѣка); однако тѣмъ самымъ онѣ же даютъ разумѣть, что сіи Руссы

были особеннымъ народомъ Юга. — Въ описаніи втораго похода Игоря подъ 944 г. говорится, что онъ взялъ съ собой *Варяговъ* и *Русь* и другихъ: очевидно, что Варяги и Русь суть племена отдѣльныя; ибо, ежели бы Варяго-Руссы, вышедшіе изъ за Балтійскаго моря, были одни и тѣ же, то нѣтъ причины, для чего бы ихъ можно было раздѣлять между собою. Извѣстно также, что въ 945 Руссы плавали по морю Каспійскому, опустошали города въ земляхъ окрестныхъ: это доказываетъ ихъ могущество и многочисленность — чего въ приложеніи къ Варяго-Руссамъ отнести никакъ не возможно, какъ народу еще мало извѣстному, слабому и малочисленному; изъ сего слѣдуетъ, что Русь, будучи столь сильною на Югѣ и страшною для Византійцевъ, была народъ особенный, какъ утверждаетъ и Шлецеръ. Но одна ли она съ тѣми Руссами, отъ коихъ Славяне получили свое названіе? Шлецеръ, оставляя Росовъ неизвѣстнымъ, особеннымъ народомъ, выводитъ Русь изъ за Балтійскаго моря и строго критикуетъ противника своему мнѣнію, г-на *Эверса*, выводящаго оную съ Юга. Невдаваясь въ разысканія о семъ предметѣ, замѣтимъ, что о

Сѣверной Руси, пришедшей изъ за Балтiйскаго моря, намекаютъ явственно наши Лѣтописи, между тѣмъ какъ о южныхъ Росахъ и Руси говорятъ и Византiйскiе и Арабскiе писатели; сверхъ сего не упустимъ изъ виду, что Левъ Дiаконъ, повѣствуя о свиданiи Святослава съ Цимисхiемъ, описываетъ его совершеннымъ Азiатцемъ по внѣшнему виду и одеждѣ... Впрочемъ все ето требуетъ особенныхъ соображенiй; наша же цѣль показать, что хотя походъ Росовъ на Константiнополь есть событiе достовѣрное, но что ети Росы были особенный народъ, отдѣльный отъ Варяго-Руссовъ, коихъ (по причинѣ независимости Оскольда и Дира отъ Рюрика) было весьма немного въ Кiевѣ. Какимъ же образомъ Оскольдъ и Диръ участвовали въ походѣ народа Росовъ? Неизвѣстно. — Крещенiе ихъ также, по свидѣтельству Византiйцевъ, кажется несомнительнымъ; но опять непонятно: какимъ образомъ, кромѣ *Ник.* и *Степ.*, ниодна изъ нашихъ Лѣтописей неговоритъ о семъ крещенiи; все ето показываетъ, что Лѣтописи наши невѣрны, ибо въ нихъ и то, что заимствовано изъ Византiйцевъ, спутано и представлено въ отрывкахъ. Однимъ

словомъ, разсказъ объ Оскольдѣ и Дирѣ, при походѣ Росовъ, столь же мало относится къ подвигамъ Князя Рюрика, сколько и къ жителямъ Кіева, коими обладали первые.

Олегъ. Читая Лѣтописи, видимъ, что исторія объ Олегѣ гораздо полнѣе, подробнѣе и важнѣе, нежели объ Рюрикѣ; ибо, не смотря на сухость и пустоту многихъ годовъ изъ 33-лѣтняго княженія, находимъ, что Олегъ наконецъ ознаменовалъ себя великими дѣяніями, кои подали мысль нѣкоторымъ новѣйшимъ Историкамъ назвать его основателемъ величія Россіи — тогда какъ она медленными шагами только что выходила изъ своего первобытнаго состоянія! Подлинно, для Историка, слѣпо вѣрующаго въ Лѣтописи, безъ всякаго критическаго соображенія, — ето покажется несомнѣннымъ; ибо онъ видитъ Россію явившеюся вдругъ на такой степени цивилизованнаго Государства, какая уму критическому съ перваго взгляда покажется сущимъ анахронизмомъ относительно къ состоянію Сѣвера въ 9мъ и 10 столѣтіяхъ. Судя по ходу времени, наблюдая постепенное возрастаніе обществъ политическихъ, въ духѣ

благоговѣйной покорности къ священной истинѣ, мы не можемъ дать вѣры повѣствуемымъ намъ событіямъ. Окинемъ бѣглымъ взглядомъ сомнительныя происшествія Олегова правленія, не теряя также изъ вида исторіи Игоря!

Замѣтимъ: 1) нѣтъ ни одного иностраннаго свидѣтельства, даже и между Византійцами, съ коими Олегъ имѣлъ сношенія, ни о его походѣ, ни о славномъ торговомъ договорѣ.

2) Торговый трактатъ его представляетъ единственную рѣдкость среди всѣхъ достопамятностей Государствъ Европейскихъ того времени; ибо по всемірной Исторіи мы невидимъ подобныхъ событій ни у одного изъ современныхъ народовъ, даже и просвѣщенныхъ по тогдашнему.

3) Какъ походъ, такъ и договоръ Олега весьма сходны съ походомъ и договоромъ Игоря, — даже многія статьи написаны слово въ слово: признакъ чего-то поддѣльнаго, вымышленнаго.

4) Въ 9 и 10 столѣтіяхъ немогло быть у насъ заграничной оптовой торго-

или посредствомъ знаменитыхъ гостей (купцовъ); ибо купечества въ такомъ смыслѣ еще не было тогда въ цѣлой Европѣ.

5) Немогло быть у насъ и городовъ, въ смыслѣ civitas, которые имѣли бы свои привилегіи и права по торговлѣ, а тѣмъ болѣе права на полученіе даней отъ побѣжденныхъ (какія на примѣръ выговаривалъ Олегъ въ пользу нѣкоторыхъ городовъ своихъ). Такіе города являются въ сѣверной Европѣ только съ XII столѣтія.

6) Виденъ духъ какого-то демократическаго правленія въ Россіи; ибо послы говорятъ, что они посланы, какъ отъ Великаго Князя, такъ и отъ всего народа Русскаго и отъ людей Русскихъ. Такимъ языкомъ не могли говорить Руссы ни въ IX вѣкѣ, ни въ X мъ.

7) Немогло быть у насъ въ IX вѣкѣ ни металлическихъ монетъ, ни счета на гривны.

8) Мы не имѣли граммаΤы или письма до принятія вѣры Владиміромъ; а въ Лѣтописяхъ сказано, что взаимныя условія договора были написаны на двухъ хартіяхъ.

9) Невозможно было и самому творцу первой Лѣтописи знать подробностей договора; ибо подлинника быть немогло, а Византійцы ничего неговорятъ ни объ одномъ изъ договоровъ.

10) Наконецъ все ето представлено въ духѣ того времени, когда Новгородъ имѣлъ свои сношенія съ Нѣмецкими торговыми городами, да и самыя имена пословъ, заключавшихъ договоры, отзываются понѣмецки. — Вотъ что̀ надобно было сказать вообще объ исторіи Олега; теперь приступимъ къ частному разбору ея, придерживаясь Лѣтописей.

Походъ Олеговъ на Кіевъ. Ставъ Правителемъ въ 879 мъ, послѣ первыхъ двухъ лѣтъ бездѣйствія, онъ собираетъ войско и идетъ на югъ; на пути своемъ покоряетъ Смоленскъ, потомъ Любечь и наконецъ самой Кіевъ. За тѣмъ, въ слѣдующіе годы, Олегъ присоединилъ къ себѣ другія племена — по *Пол.*, *Воскр.*, *Ник.*, *Соф.* въ 883 Древлянъ и Сѣверянъ, а по *Арх.* еще и Козаръ; между тѣмъ *Радз.* означаетъ покореніе Древлянъ въ 883, а покореніе Сѣверянъ въ 884, и подъ

885 говоритъ о Радимичахъ, о коихъ прочія, равно какъ о Суличахъ и Тиверцахъ, воевавшихъ съ Олегомъ, совершенно умалчиваютъ. Здѣсь представляется намъ (по Лѣтописямъ) сооруженіе *городовъ* и наложеніе *даней*.

а) *Города.* Если бы невстрѣтили мы еще при требованіяхъ Олега и договорахъ Игоря съ Греками также множества городовъ, на которые были выговариваемы дани съ Грековъ; то сочли бы ихъ за однѣ укрѣпленія; ибо знаемъ, что *срубить городъ* означало соорудить крѣпость, какую вѣроятно сдѣлалъ (по *Радз.* и *Ипат.*) и Рюрикъ при Волховѣ; но здѣсь, соображая съ послѣдующими происшествіями и съ духомъ договора Лѣтописей, мы видимъ, что это уже были городà въ смыслѣ процвѣтающей торговли и гражданской цивилизаціи. Могло ли это быть у насъ въ IX и X столѣтіяхъ, когда подобныхъ городовъ незнала и самая Германія?

b) *Дани.* Въ Лѣтописяхъ говорится, что Олегъ наложилъ дань на Древлянъ по *черной кунѣ* съ человѣка, на Новгородъ по 300 *гривенъ* ежегодно, на Радимичей

по *шлягу*, или *щьлягу*. Но *черная куна*, въ противуположность *бѣлому серебру* (*) есть не что иное какъ битая монета изъ *чернаго серебра*; *гривна* же или марка являются на Сѣверѣ гораздо позже (**), и равно *шиллингъ* (шлягъ), какъ то уже доказано другими. Все ето несовмѣстно съ вѣкомъ Олега.

Продолжимъ извѣстія изъ Лѣтописей объ Олегѣ. Прежде замѣчено, что съ 886 до 907, т. е. въ продолженіе 21 года, представляется наборъ и смѣсь происшествій, совершенно излишнихъ для исторіи Олега; ибо 1) по *Ник.*, *Пол.* и *Соф.* показывается вовсе неумѣстная здѣсь линія Князей, начиная съ Олега до Іоанна II Іоанновича, который царствовалъ съ 1353 по 1359: очевидно, что лѣтописецъ жилъ или въ сіе время, или еще позднѣе; 2) подъ 887 *Радз.*, *Пол.*, *Соф.* и *Ник.* говорятъ съ большою неточностію о царствованіи Леона съ братомъ Александромъ; потомъ *Соф.* и *Пол.* представляютъ также излишнюю

(*) И. Г. Р. IV Примѣч. стран. 50. (Изд. 2.)

(**) В. Е. 1827 No 20 стран. 273. No 23 и 24 стран. 247 и проч. — 1828 No 13 стран. 38. 1829 No 16 стр. 279.

роспись Митрополій, Архіепіскопствъ и Епіскопствъ, подчиненныхъ Константінопольскому Патріарху. Къ чему все это въ исторіи Олега? За тѣмъ слѣдуетъ разсказъ о прохожденіи Угровъ мимо Кіева, вѣроятно заимствованный также изъ Византійцевъ, особенно изъ Константіна Багрянороднаго; наконецъ всѣ доселѣ извѣстныя Лѣтописи, кромѣ одной *Арх.*, говорятъ весьма подробно о крещеніи Моравовъ и о переложеніи священныхъ книгъ съ Греческаго на Славянскій Кvрілломъ и Меѳодіемъ. Послѣднее немогло быть заимствовано отъ Византійцевъ, ибо Лѣтописи ихъ неговорятъ о семъ подвигѣ; извѣстія же о томъ находятся въ западныхъ легендахъ и другихъ источникахъ, какъ-то въ буллахъ Папскихъ — явный знакъ, что Лѣтописецъ нашъ разумѣлъ не только Греческій языкъ, но также Латинскій. Но тѣмъ не менѣе включилъ онъ извѣстіе о Славянской граматѣ все не въ своемъ мѣстѣ; ибо здѣсь оно помѣщено между происшествіями, относящимися почти къ исходу государствованія Олега, между тѣмъ какъ оно современно Рюрику (863). Послѣ того снова заимствуется изъ Византійцевъ сказаніе о войнѣ Гре-

ковъ, при помощи Венгровъ, съ Булгарами, и о побѣдѣ сихъ послѣднихъ; наконецъ въ нѣсколькихъ строкахъ слегка упоминается о бракѣ Игоря съ Ольгою, и то съ большою невѣрностію, ибо *Радз.*, *Пол.*, *Воскр.* и *Ник.* означаютъ сей бракъ въ 903, а *Арх.* и *Степ.* показываютъ 904, 912. — Какимъ образомъ все это согласить, и какой Лѣтописи болѣе довѣрять надобно? Неизвѣстно. Читая ихъ съ внимательнымъ разборомъ, повсюду видимъ смѣсь происшествій и относящихся и неотносящихся къ нашей Исторіи — смѣсь, которая тѣмъ болѣе непонятна, что по большой части состоитъ изъ противорѣчій и сбивчивости.

Приступимъ къ великому ополченію Олега противу Грековъ и къ знаменитому его договору съ ними. Лѣтописи наши заимствовали весьма много постороннихъ происшествій изъ Византійской Исторіи; но здѣсь мы видимъ уже какъ бы *собственный* разсказъ ихъ, весьма обширный и подробный: ибо, кромѣ несчастнаго похода Игорева въ 941 г., упоминаемаго Византійцами, не находимъ другихъ тому свидѣтельствъ; слѣдовательно Лѣтописи

въ семъ случаѣ остаются единственнымъ нашимъ источникомъ.

Походовъ по Лѣтописямъ видно вообще *четыре*.

По *Радз.*, *Полит.*, *Воскр.*, *Ник.* и *Соф.* *первой* походъ Олега былъ въ 907, а по *Архг.* въ 900.

Второй походъ его вмѣстѣ съ Игоремъ, по свидѣтельству одной только *Архг.*, предпринятъ въ 922 (когда уже Олега совсѣмъ не было на свѣтѣ).

Первый несчастный походъ Игоря, описываемый Византійцами и составляющій несомнѣнное происшествіе, или factum, былъ въ 941 г.

Второй походъ его, извѣстный только, какъ и Олеговы два, по однимъ нашимъ Лѣтописямъ, былъ въ 944 г.

И такъ *два* Олеговы и *два* Игоревы; одно и то же, по видимому, представлено въ четырехъ отдѣльныхъ видахъ! Постараемся, сколько возможно, сличить оные и показать примѣсь несбыточныхъ баснъ.

Сличеніе главнаго содержанія походовъ: 1) по началу оныхъ, 2) продолженію и 3) окончанію.

1) При походѣ Олега (907 г.) исчисляется 13 племенъ, составлявшихъ его войско, какъ то: *Варяги*, *Славяне*, *Чудь*, *Кривичи*, *Поляне*, *Древляне*, *Сѣверяне*, Меря, Радимичи, Вятичи, Хорваты, Дулебы и Тиверцы; а по *Архг.* (900 г.) исчисляется только 7 первыхъ.

Въ Игоревомъ первомъ несчастномъ (941 г.) непоказано ни одного изъ сихъ народовъ; между тѣмъ во второмъ его походѣ (944) исчислено также 7: Варяги, Руссы (но развѣ Руссы не тѣ же Варяги, если пришли они изъ за Балтійскаго моря и назывались однимъ именемъ: Варяго-Руссы?), Поляне, Славяне, Кривичи, Вятичи и Тиверцы, — о коихъ *Соф.* неупоминаетъ.

2) При первомъ походѣ Олега сказано, что Греки, услышавъ о нашествіи, замкнули *суду;* но Олегъ, послѣ многихъ опустошеній и тиранствъ въ окрестностяхъ, поставилъ корабли на колеса и двинулся по полю къ столицѣ; устрашенные

Греки выслали сказать, что они дадутъ ему дань; а по *Архг.* напротивъ говорится, что Олегъ, причинивши сначала много зла Грекамъ, претерпѣлъ между тѣмъ пораженіе отъ Патриція Ѳеофана, которой сжегъ Русскіе корабли огненнымъ снарядомъ и Руссы возвратились безъ успѣха.

Въ первомъ походѣ Игоревомъ говорится то же, что Руссы, опустошая и разоряя многія страны и сожегши всю *суду*, претерпѣли пораженіе отъ посланныхъ Греками полководцевъ, особенно отъ Ѳеофана, который началъ пускать изъ трубъ огонь по Русскимъ ладьямъ, отъ чего многіе погибли, а другіе побѣжали домой.

При второмъ Игоревомъ говорится, что Херсонцы и Булгары предувѣдомили Императора Романа о нашествіи Руссовъ; Императоръ предупредилъ ихъ злодѣйства и войну, выслалъ бояръ, кои сказали Игорю: не ходи далѣе, но возьми дань, которую бралъ Олегъ; мы еще прибавимъ къ этой дани — на что Игорь согласился и съ дарами возвратился въ Кіевъ.

3) Походъ Олега кончился тѣмъ, что онъ взялъ съ Грековъ на 2000 кораблей по 12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ караблѣ было по 40 человѣкъ (по *Архг.* по 200 человѣкъ) и сверхъ сего потребовалъ податей на городà: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотскъ, Ростовъ, Любечь и проч., и заключилъ нѣкоторыя условія относительно гостей и негостей.

Первой походъ Игоря кончился пораженіемъ; слѣдовательно, кромѣ своего несчастія, онъ ничего неприобрѣлъ.

Второй походъ его кончился счастливо — полученіемъ дани болѣе Олеговой: вотъ все содержаніе походовъ! И такъ, кто невидитъ, что первый походъ Олега, какъ по предприятію, дѣйствію, такъ и по окончанію, есть почти *одинъ и тотъ же*, что и второй походъ Игоря, съ нѣкоторымъ только различіемъ немногихъ прибавленій, какъ то: Чуди, Мери, Древлянъ, Радимичей, Сѣверянъ, Хорватовъ и Дулебовъ — чего нѣтъ въ Игоревомъ, и, кромѣ еще хитрости Олега, замыслившаго поставить корабли на колеса — кто невидитъ, что первой же походъ Олега

есть тотъ же походъ несчастный, что и первый Игоревъ? Изъ сего я вывожу, что всѣ походы сіи составлены изъ одного несчастнаго, дѣйствительнаго и несомнѣннаго, похода Игорева, подъ 941 г. упоминаемаго Византійцами: Львомъ, Симеономъ, Георгіемъ, Кедриномъ и Зонарою. Мнѣ все кажется, что писатели временниковъ, по страсти къ вымысламъ, сродной духу вѣковъ среднихъ, когда всякой превращалъ, перетолковывалъ и распространялъ по своему одно и то же событіе, мнѣ кажется, говорю, что поздніе лѣтописатели, зная несчастное пораженіе Игоря, и нехотя оставить оное пятномъ для отчизны въ то время, когда она была ужѐ въ торговыхъ связяхъ съ Ганзейскими городами, признали заблаго передъ униженною и ослабѣвшею Греціей потщеславиться могуществомъ, какимъ славилась Русь еще въ IX и X столѣтіяхъ: вотъ, по образцу одного похода несчастнаго, они вымыслили нѣсколько другихъ счастливыхъ, увѣнчавшихся такими договорами, какихъ вовсе непредставляетъ намъ тогдашняя Исторія, и содержаніе коихъ указываетъ намъ на другія времена,

другія обстоятельства и другія отношенія между народами.

(*Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.*)

Поѣздка въ Харьковъ.

Je voyage pour chercher des sensations, des sentimens, des souvenirs et des mes plaisirs. . . .

Село Богдановка, 14 Іюля.

14го Іюля протекшаго года, часовъ въ 6 по полудни, я выѣхалъ изъ Новгорода Сѣверскаго; со мною были: племянникъ мой и сынъ шести съ половиною лѣтъ отъ роду. — Перваго я взялъ, чтобы опредѣлить въ Гимназію Харьковскую на казенное иждивеніе, а втораго для утѣшенія своего въ дорогѣ. Путешествіе, въ хорошую погоду, полезно дитяти въ отношеніи физическомъ; оно же развиваетъ и душевныя силы его; заставляетъ понимать вещи основательнѣе; приучаетъ къ нѣкоторому трудолюбію и терпѣнію, въ дорогѣ неразлучнымъ.

Я не безъ причины сдѣлалъ такое вступленіе; въ нашемъ состояніи учи-

тельскомъ, и по обстоятельствамъ службы и по финансамъ, такія поѣздки составляютъ епоху: онѣ предпринимаются одинъ разъ едва ли не въ десять лѣтъ. И такъ для чего не сказать о цѣли путешествія, когда оно и въ кругу друзей и въ быту семейственномъ бываетъ предметомъ разговора и воспоминаній на многіе мѣсяцы?

Въ сихъ размышленіяхъ я взъѣхалъ на Путивльскую гору, въ 7 верстахъ отъ Новгорода Сѣверскаго лежащую. — Предо мною открылись р. Десна со всѣми своими извилинами и ея ровная, обширная, луговая сторона, покрытая дремучими борами, которые, очаровывая взоръ, теряются въ синевѣ необозримаго небосклона. Легкое и прохладное дуновеніе вѣтра, величественное приближеніе солнца къ горизонту и чистое небо, услаждая душу, придавали неизъяснимую пріятность сей картинѣ.

Гора, дорога и перевозъ чрезъ Десну названы *Путивльскими*, думаетъ Конискій (*), потому что Сѣверяне, по

(*) Авторъ Малороссійской Исторіи, въ рукописи находящейся, — Архіепископъ Могилевскій *Георгій Конискій*.

разореніи Новгорода Сѣверскаго, на долгое время опустѣвшаго, ѣздили черезъ нихъ на торги въ городъ Путивль. Разореніе произведено якобы Гришкою Отрепьевымъ, когда онъ приступалъ къ сему городу.

„По взятіи онаго" продолжаетъ авторъ Лѣтописи, „убійство было обращено на гражданъ обоего пола и возраста. Они, неимѣвъ оружія, безъ сопротивленія были заколаемы; младенцы, близь убитыхъ матерей своихъ ползавшіе по улицамъ, были поднимаемы на копья, а иные, схваченные за ноги, были разбиваемы объ стѣну; словомъ: кровь лилась ручьями, трупы валялись кучами. Наконецъ Поляки, разграбивъ имущество частное и общественное, зажгли городъ со всѣхъ концевъ и превратили оный въ пепелъ."

Но свидѣтельство Конискаго несогласно съ описаніемъ знаменитаго Исторіографа, который, повѣствуя объ осадѣ сего города Самозванцемъ, выставилъ неустрашимость гражданъ онаго и доблести воинныя Басманова — доблести, приведшія въ отчаяніе Отрепьева. Вѣроятно сему послѣдовать надлежало уже

гораздо позже, когда Россія, въ бѣдственныя времена междуцарствія, терзаема была внутренними и внѣшними врагами своими (*). Лѣтописи тогдашняго времени молчатъ о семъ происшествіи; но въ общихъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ находилось отечество наше, разореніе Новгорода Сѣверскаго могло почитаться происшествіемъ незначительнымъ.

Переѣхавъ чрезъ Десну, я долго смотрѣлъ на ея волны: такъ рѣка жизни уноситъ наши лѣта, наши мечты, намѣренія и чувствованія . . . въ Океанъ вѣчности! Грудь моя стѣснилась отъ несносной грусти, при мысли, что я разстаюсь съ рѣкою, отдѣляющею мое семейство и родныхъ, можетъ быть, навсегда! . . . Надежда на благость Промысла и воспоминанія, изгладивъ уныніе, оживили духъ мой. . .

(*) Между актами Спасосѣверскаго монастыря, хранящимися въ архивѣ монастырскомъ, находится и прозьба, писанная къ Гетману Самуйловичу Архімандрітомъ Михаиломъ Лежайскимъ, который просилъ людей для очистки своей обители отъ развалинъ, Божіимъ попущеніемъ, *браньми враговъ и пожаромъ* произведенныхъ. — Прозьба сія писана въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца 1673 года.

Здѣсь я видѣлъ въ Бозѣ почившую Императрицу Елисаветъ Алексѣевну, Которая, сидя въ екипажѣ, около четверти часа обозрѣвала окрестности стороны нагорной. — Ето было 16 Сентября 1825 года, въ 9 часовъ утра, во время проѣзда Ея въ Таганрогъ. Небольшое число чиновниковъ, въ числѣ коихъ былъ и я, никогда неимѣвшихъ счастія видѣть въ лице Августѣйшую Особу, окружали екипажъ Ея. Не взирая на сырость воздуха и небольшой дождь, Она, пожелавши взглянуть на окрестности, позволила и намъ узрѣть себя; притомъ благосклонно нѣкоторыхъ изъ насъ изволила разспрашивать о службѣ, чинахъ и проч.

Что̀ чувствовала злонамѣренная душа Мазепы, когда онъ, 26 Октября 1708 года, переправился чрезъ сей поромъ съ пятью тысячами козаковъ, спѣша къ стану Карла XII! — Обладая несмѣтнымъ богатствомъ, пользуясь совершеннымъ благоволеніемъ Великаго Монарха и нося важный санъ Гетмана, честолюбіе свое почиталъ онъ все еще неудовлетвореннымъ! Искалъ бо̀льшаго, будучи обольщенъ обѣщаніями Королей Шведскаго и

Польскаго. Нарушивъ клятву и вѣрность къ Престолу Россійскому, Мазепа лишился всего: погибъ на равнинахъ Бессарабіи, скитаясь долгое время съ своимъ Патрономъ безъ пристанища — и память о немъ потомство произноситъ съ омерзѣніемъ. . . .

Здѣсь могъ бы погибнуть Янъ Казиміръ, Король Польскій, хотѣвшій покорить Малороссію подъ свою державу, если бы Князю Ромодановскому и Гетману Брюховецкому помогли Князья Куракинъ и Черкаскій! — Первый стоялъ въ Путивлѣ, второй въ Брянскѣ. Казиміръ осаждалъ Глуховъ; устрашенный успѣхами Ромодановскаго и Брюховецкаго въ покореніи Кролевца съ Королевскою казною, Коропа, Новыхъ Млиновъ, Борзны и проч, онъ съ 90 тысячами войска поспѣшилъ къ переправѣ чрезъ Десну, преслѣдуемый по пятамъ торжествующими соперниками. Ето было въ началѣ Февраля 1664 года. — Много Поляковъ, проломясь на хиломъ льду, нашли себѣ смерть въ волнахъ Десны. . . . (*)

(°) *Малоросс. Истор. Бантышъ-Каменскаго*, изд. 1, II часть, стр. 24.

Уже смеркалось, когда я сѣлъ въ бричку, занятый мыслію объ оныхъ горестныхъ событіяхъ; влѣво оставили мы приходскую церковь села Пираговки, которая стояла уединенно: она находится въ верстѣ съ половиною отъ порома. — Настала ночь; небо запестрилось яркими звѣздами; дорога была по глубокому песку.— Медленно достигли мы села Богдановки, извѣстнаго въ нашемъ повѣтѣ по чудотворной Иконѣ Богоматери.

Писаревичь хуторъ, 15 го Іюля.

До восхода солнца мы уже были готовы къ продолженію пути. Нечувствительно мы прибыли къ хутору г-на Маіора Матвѣевскаго, который бережливостію своею успѣлъ устроить очень хорошо свое состояніе: живетъ покойно, достаточно и пользуется уваженіемъ дворянства Глуховскаго повѣта. Напротивъ дома его, въ прекрасной дубовой рощѣ, видна насыпь и окопы, гдѣ находились палатки Главнокомандующаго 1 ю арміею Графа Сакена и его свиты, во время осмотра имъ 4 го корпуса, бывшаго тогда подъ командою Генерала Князя Щербатова.

Сіе происходило въ первыхъ числахъ Сентября 1825 года.

Отъ сего мѣста дорога стала тяжелѣе и скучнѣе по причинѣ песковъ и лѣса: около шести верстъ надобно, пробираясь дремучимъ боромъ, терпѣть неприятности отъ корней и вѣтвей древесныхъ. За нимъ открывается обширная ровнина, усѣянная рожью; легкое дуновеніе вѣтра, какъ море, волновало золотые колосья. Можно ли не ощущать въ душѣ удовольствія, находясь среди щедротъ Природы, необходимыхъ для существованія человѣка? — Въ такомъ расположеніи духа я пріѣхалъ въ мѣстечко Воронежъ, Глуховскаго повѣта, въ 8 часовъ утра. Въ немъ прежде была пограничная крѣпость, которую построилъ Борисъ Годуновъ для удержанія внезапныхъ вторженій, Поляками и Крымскими Татарами производимыхъ; остатки оной еще и понынѣ видны. Церквей имѣется тамъ шесть, изъ которыхъ 4 каменныя. Среди жилищъ находится большое озеро, берегà котораго обстроены красивыми деревянными домами. — Въ мѣстечкѣ семъ производится изрядная торговля, дѣятельность кото-

рой поддерживается достаточными помѣщиками, издавна тамъ поселившимися.

Было еще рано, и я рѣшился продолжать путь далѣе. Дорогою отъ души смѣялся я разсказамъ моего сына. Мѣстечко Воронежъ занимало его удивительнымъ образомъ: онъ въ первый разъ видѣлъ поселенiе многолюдное съ церквами; его сужденiя о немъ были чрезвычайно забавны.

Весело доѣхали мы до хутора г-на Писаревича, отлично пріятнаго, лежащаго при обширномъ озерѣ, которое составилось изъ небольшой рѣки Есмани.

Кролевецъ.

Отъ хутора до Кролевца лежитъ песчаная дорога чрезъ густой боръ — и на семъ пространствѣ, около 20 верстъ, увидишь только четыре незначительные хутора и одну поляну. Напрасно лѣсà называютъ палатами для размышленiй и убѣжищемъ Музъ: переѣздъ чрезъ нихъ утомляетъ путешественника своимъ единообразiемъ и несноснымъ зноемъ въ лѣтнее время; ибо дышешь воздухомъ;

выходящимъ будто изъ печи раскаленной; гораздо лучше наслаждаться подобными прелестями изрѣдка и понемногу. Для разогнанія утомительныхъ мыслей и скуки отъ сидѣнья я принужденъ былъ идти пѣшкомъ по нѣскольку верстъ.

Выѣхавъ изъ бора, обиталища волковъ и медвѣдей, мы увидѣли наконецъ глàвы церквей Кролевца. Неровная дорога у самаго города, глубокіе пески, опасныя переправы чрезъ рѣчку Реть — разсердили сына моего: „дайте мнѣ карандашъ!“ говорилъ онъ: „запишу: дурной городъ!“

Поднявшись на гору, посѣтитель Кролевца плѣнится обширною четвероугольною площадью. Около ея выстроены порядочные, большею частію о 7 окнахъ деревянные домы; средина оной украшается двумя каменными церквами хорошей архитектуры. Нынѣ площадь заросла высокою дикою травою; но зимою, говорятъ, она служитъ прогулкою для волковъ и другихъ звѣрей хищныхъ — такъ она просторна! — Однакожъ въ Сентябрѣ каждаго года наполняется она и стеченіемъ купечества, дворянства, которые изъ далекихъ мѣстъ

приѣзжаютъ на Воздвиженскую ярмарку: Ярмарка сія, продолжающаяся около мѣсяца, единственно и поддерживаетъ промышленность жителей. Впрочемъ купечество здѣсь небогатое, равно какъ и самые ряды торговые. Церквей считается пять.

Городъ сей могъ бы годъ отъ году процвѣтать болѣе, получая выгоды отъ упомянутой ярмарки и Московской дороги, если бы такъ часто не былъ опустошаемъ пожарами: въ продолженіе 12 лѣтъ онъ 3 раза горѣлъ; отъ чего и жители и купечество, какъ здѣшнее, такъ и иногороднее, понесли великое разореніе. Говорятъ, пожары сіи были всегда во время Воздвиженской ярмарки; слѣдовательно....

Кролевецъ — есть повѣтовый городъ Черниговской губерніи. Онъ былъ прежде мѣстечкомъ Нѣжинскаго полка; но со времени учрежденія Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества (въ 1782 году), переименованъ въ повѣтовый городъ, существовавшій до 1796 года, то есть до уничтоженія того Намѣстничества. —

Въ 1802 году онъ вторично сдѣланъ городомъ и причисленъ къ Черниговской губерніи (*).

Я пустился далѣе и ночевалъ въ хуторѣ помѣщицы Огіевской. Почтенная хозяйка, по усердію своему, отвела намъ въ домѣ своемъ лучшую комнату — ночь я провелъ безпокойно, не взирая на гостепріимство и привѣтливость хозяйки. Воображеніе представляло мнѣ предметы ужасные: мнѣ мечтались убійцы съ смертоносными кинжалами. Не стану входить въ причины такого расположенія духа моего; довольно, что есть тому причины. . . .

Батуринъ, 16 Іюля.

Восходящее солнце застало меня въ дорогѣ, далеко отъ моего ночлега; я пріѣхалъ въ Батуринъ въ самый полдень, совершивъ 36 верстъ пути. По пути встрѣчались мнѣ села Алтыновка и Ксендзевка; отъ сего послѣдняго до Батурина считается 16 верстъ. Дорога лежитъ большею частію черезъ лѣса, но ровная, сдѣланная, при значительныхъ издержкахъ, съ большимъ усиліемъ рукъ человѣческихъ:

(*) См. Геогр. Слов. Рос. Госуд. *Щекатова* Ч. III, стр. 889.

ибо черезъ всѣ низменныя мѣста̀ идутъ гати, усыпанныя землею и обсаженныя вербами, въ длину около версты и болѣе. — При выѣздѣ изъ дремучаго бора, деревья котораго годны на постройку кораблей, открывается Батуринъ во всей своей прелести. Мѣстечко сіе стоитъ на крутой горѣ, подошва коей омывается Сеймомъ. Богатая церковь Свѣтлаго Хрістова Воскресенія, въ которой хранятся бренные останки послѣдняго Гетмана Малороссіи, Графа К. Г. Разумовскаго (*) и огромный домъ Князя Разумовскаго (**), выстроенный на другой горѣ, близь мѣстечка, придаютъ оному особенную пріятность.

Сердце Русскаго патріота, особенно Малороссіянина, трепещетъ, приближаясь къ мѣстечку сему, при воспоминаніи событій недавно минувшихъ. Здѣсь была резиденція Гетмановъ! . . . Напрасно еще и нынѣ твердятъ нѣкоторые о золотомъ вѣкѣ Малороссіи во времена Гетмановъ,

(*) Генералъ - Фельдмаршалъ Графъ Кириллъ Григорьевичь умеръ 9 Января 1803 года.

(**) Нынѣшній Владѣлецъ сего мѣстечка, Свѣтлѣйшій Князь Андрей Кирилловичь.

объ ея вольностяхъ, дарованныхъ Королями Польскими. Богатства и почести, приобрѣтенныя немногими, ни сколько не сравнятся съ тѣмъ зломъ, которое жители переносили отъ деспотизма и насильствъ Гетмановъ Виговскаго, Брюховецкаго, Дорошенка, Мазепы, отъ междуусобной брани и нашествій иноплеменныхъ. Мѣлочныя преимущества, которыми прежде Малороссіяне пользовались, нынѣ замѣнены благоденствіемъ всего края, разлившимся на всѣ состоянія. Сія страна, управляемая по прихотямъ людей, не всегда просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ, и до сихъ поръ представляла бы пустыню, была бы гнѣздилищемъ невѣжества. . . .

Въ сихъ мысляхъ я переѣхалъ чрезъ поромъ р. Сейма. Въ мѣстечкѣ нашелъ для себя хорошій постоялый дворъ.

Городъ Батуринъ основанъ Королемъ Стефаномъ Баторіемъ при Гетманѣ Ѳеодорѣ Ружинскомъ и назначенъ для резиденціи вождей козацкаго войска. Въ 1579 году построеніе онаго приведено было уже къ окончанію, что̀ видно изъ Королевскаго универсала, даннаго Стефаномъ 19

Апрѣля: „Трибуналу Рускому" отправоватъ „дѣла свои по приличію въ новосозданномъ „градѣ Нашемъ Батуринѣ, а якъ потреба „укажетъ, то и въ Черкассахъ; тожъ и „Гетману Рускому резидоватъ въ томъ „городѣ, а въ Черкассахъ мѣти Намѣст-„ника своего" и проч. (*)

По мѣстоположенію города сего и по крѣпости замка, построеннаго Поляками, Многогрѣшный, первый изъ Гетмановъ Малороссійскихъ, началъ имѣть постоянное свое пребываніе въ Батуринѣ. Ему послѣдовали: Іоаннъ Самуйловичь и Іоаннъ Мазепа; измѣною послѣдняго кончилось благосостояніе города. „Менщиковъ (3го Ноября 1708 года), взошедъ на валъ съ мечемъ въ рукахъ, предалъ острію меча всѣхъ жителей, не исключая и младенцевъ; прекрасный дворецъ Мазепинъ, украшенный во вкусѣ Польскомъ, Присудственныя мѣста съ архивами, церкви, арсеналы, мѣльницы, построенныя на р. Сеймѣ, и магазины превращены въ пепелъ; все имущество гражданъ и 40 пушекъ, защищавшія замокъ, достались въ руки побѣдителямъ". . . Такъ

(*) Малорос. Ист. *Конискаго*, рукопись. —

описываетъ сіе происшествіе Д. Н. Бантышъ - Каменскій (*).

Князь Менщиковъ выпросилъ себѣ городъ у Императрицы Екатерины I и получилъ оный во владѣніе въ 1726 году 25 Іюня. Съ паденіемъ сего Вельможи Батуринъ опять сдѣланъ свободнымъ. Императрица Елисаветъ Петровна Указомъ 24 Апрѣля 1750 года повелѣть соизволила Графу Разумовскому, возобновивъ сей городъ постройками, обратить въ резиденцію Гетманскую — что̀ продолжалось до 1759 го, когда Батуринъ съ принадлежащими къ нему селами пожалованъ Гетману въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Въ два часа по полудни, не взирая на знойное время, пошелъ я насладиться картинами окрестностей. Изъ крѣпости самый лучшій видъ на луговую сторону Сейма, который въ семъ мѣстѣ разлился на многіе рукава. — Площадь крѣпости (валовъ почти вовсе нѣтъ) представляетъ печальную картину опустошенія: дикая трава, глубокія ямы, бывшія пре-

(*) Мал. Истор. Ч. IV, стр. 1.

жде хранилищемъ воинскихъ припасовъ, и рвы,—вотъ что̀ осталось отъ укрѣпленій, отъ зданій общественныхъ и дворцевъ Гетманскихъ! . . .

Здѣсь постигло бѣдствіе Гетмана Многогрѣшнаго, храбраго вождя и попечительнаго начальника, по дѣйствію заговорщиковъ, руководимыхъ завистью и злобою! Въ первыхъ числахъ Марта 1672 года Генеральный Писарь Карпъ Мокріевичь, съ Генеральными Старшинами, имъ обольщенными, вошелъ въ Батуринскій за̀мокъ и прокрался въ спальню Гетмана. Ночь была темная; Компанейцы, Гетманская стража, дремали, будучи подкуплены вѣроятно заговорщиками. Гетманъ, внезапнымъ шумомъ пробужденный, обнажилъ мечь свой и хотѣлъ защищаться. Мокріевичь выстрѣлилъ изъ пистолета, поранилъ руку его и оружіе пало къ ногамъ злоумышленныхъ. Заговорщики кинулись на несчастнаго Гетмана, завязали ему ротъ, и обременивъ оковами, на простой телегѣ повезли въ Москву. . .

Здѣсь коварствовалъ престарѣлый Іоаннъ Мазепа противу благодѣтеля своего

Петра Великаго, забывъ 18-лѣтнія милости Его и желая предать Малороссію врагамъ Монарха. Злодѣйскій умыселъ поселился въ Гетманѣ съ 1706 года, когда онъ, въ бытность свою въ Польшѣ, свелъ короткое знакомство съ Княгиней Дульскою, родственницею Короля Станислава Лещинскаго. Мазепа сносился съ врагами Россіи чрезъ Іезуита Заленскаго и Писаря своего Орлика. Тайною храминою совѣщаній былъ загородный домъ его на Ганчаровкѣ и богатый, въ Польскомъ вкусѣ сооруженный, замокъ въ селѣ Бахмачѣ, недалеко отъ Батурина. Намѣреніе мятежника было проникнуто Генеральнымъ Судьею Василіемъ Леонтьевичемъ Кочубеемъ. Всѣмъ извѣстна участь сего вѣрнаго подданнаго, сего почтеннаго отца семейства! Пристрастіе къ Мазепѣ вельможъ Царскихъ, угрозы ихъ Кочубею при слѣдствіи надъ симъ несчастнымъ, робость его, ужè отрекавшагося отъ доноса, повергли его въ могилу... послѣ озаренную лучами невинности и окропленную слезами позднаго раскаянія.

Чистота крестьянскихъ домиковъ, склонность жителей къ промышленности,

выгоды, получаемыя отъ Кіевской дороги, чрязъ сіе мѣстечко лежащей, опрятность въ одеждѣ — свидѣтельствуютъ, что жители Батурина пользуются благоденствіемъ. Хвала доброму владѣльцу!

Поповка,

село Конотопскаго повѣта.

Выѣхавъ изъ Батурина въ 5 часовъ по полудни, я направилъ путь на Конотопъ. Въ разстояніи версты отъ сего мѣстечка я видѣлъ тѣ батареи, которыя строилъ Князь Менщиковъ при взятіи онаго: прекрасное время и веселые виды разогнали грустныя мои мысли, вызванные зрѣлищемъ Батурина, а особливо когда я спустился изъ наклоненной возвышенности, на которой стоитъ сіе мѣстечко. По дорогѣ отъ Батурина (въ разстояніи 25 верстъ) встрѣчались намъ села: Мченьки и Красное. Здѣсь обработываютъ землю уже плугомъ, везомымъ тремя или четырью парами воловъ, что̀ составляетъ новость для Задесенцевъ. Притомъ путешественникъ неоставитъ безъ замѣчанія, что на семъ пространствѣ очень часто можно ви-

дѣть прекрасныхъ женщинъ, даже въ простомъ состояніи и отличную чистоту въ хатахъ простолюдиновъ. Не стану говорить о пространныхъ поляхъ, почти малолѣсныхъ, покрытыхъ рожью, пшеницею, просомъ, гречихою и другими сельскими произведеніями. Всѣмъ извѣстно, что за Сеймомъ начинается плодоносная Украина — страна, отличающаяся отъ нашихъ мѣстъ нарѣчіемъ, обычаемъ, одеждою и самымъ даже видомъ людей, ихъ жизнію, земледѣліемъ и почвою земли.

Поповка въ исторіи Малороссійской извѣстна по враждѣ Льва Кириловича Нарышкина съ Гетманомъ Мазепою за карлицу, жившую у Шереметьева и невѣдомо какъ убѣжавшую въ Поповку. Бояринъ вообразилъ себѣ, что Мазепа содѣйствовалъ ея побѣгу; послалъ къ нему подъячаго Сергея Ляпунова взять обратно Малороссійскую карлицу, между тѣмъ поносилъ его и грозилъ ему — лишеніемъ Гетманскаго достоинства. Мазепа писалъ къ Головкину по сему предмету: „Прошу „Вашу Вельможность избавить меня отъ „Его милости Льва Кириловича, который, „какъ я слышу, всячески поноситъ бѣд-

„ную мою Гетманскую честь за упрямицу „карлицу. Я какъ прежде, такъ и нынѣ „извѣщаю васъ, что не могу ее отобрать „отъ свойственниковъ, опасаясь народ„наго ропота: ибо хотя карлица сія и „малаго роста, однако же въ родствѣ со „многими казаками въ Копотонской сот„нѣ. Пускай Его милость пришлетъ лю„дей и возьмутъ ее въ селѣ Поповкѣ съ „отческаго двора насильно, а я обѣщаю „никого не посылать за нею въ погоню.“ Нарышкинъ испросилъ у Государя повелѣніе возвратить ему карлицу и тогда послѣдовало примиреніе Боярина съ Гетманомъ при посредствѣ Головкина (*).

Конотопъ, 17 Іюля.

Въ 6 часовъ утра я пріѣхалъ въ сей городъ, небольшой, неопрятной и невеселой. Церквей имѣетъ 6, наружностію некрасивыхъ. Около Собора выстроены деревянныя лавки, дѣлающія неприятный видъ, уменьшая торговую площадь; домы обывателей покрыты соломою, или камышемъ, кромѣ небольшаго числа (4 или 5 домовъ), на которыхъ кро-

---

(*) *Мал. Ист. Б. Кам.* Ч. III, стр. 55.

вли изъ теса. Улицы узки; грязь должна быть несносна для пѣшеходовъ весною и осенью. По всему видно, что здѣсь мало проживаетъ достаточныхъ людей, кромѣ чиновниковъ — и дѣятельность торговли незначительна, кромѣ продажи хлѣба, за которымъ зимою пріѣзжаютъ сюда Задесенцы. Чрезъ городъ протекаетъ Езучь, рѣка небольшая, дѣлающая много топкихъ мѣстъ, гибельныхъ для проѣзжихъ, а особливо въ дождливое время; отъ сего-то и городъ получилъ свое названіе.

Конотопъ, повѣтовый городъ, нынѣ причисленный къ Черниговской губерніи, былъ прежде сотеннымъ Гадячскаго полка. Земляная крѣпость часъ отъ часу приходитъ въ разрушеніе. Не доѣзжая Конотопа встрѣчаете высокіе курганы, въ разстояніи не болѣе четверти версты одинъ отъ другаго.

Измѣна Гетмана Виговскаго произвела войну между Царемъ Россійскимъ и Малороссіею. Многіе города̀ оной были еще преданы законному Государю; ибо знали, что Гетманъ не дорожилъ Украиною, страною, для него чуждою, — равно-

душенъ былъ къ благоденствію ея жителей и способенъ ко всегдашней измѣнѣ. Ему содѣйствовалъ Григорій Гуляницкій, который съ полками Нѣжинскимъ, Прилуцкимъ, Черниговскимъ и Татарами укрѣпился въ Конотопѣ. Князь Трубецкой, усиленный отрядами Князей Ромодановскаго, Куракина и Козаками подъ начальствомъ Ивана Безпалаго, двинулся изъ мѣстечка Смѣлаго къ сему городу, куда прибылъ 19 Апрѣля 1659 года. На другой день мятежники открыли пальбу на станъ Великороссійскій; но Трубецкой, не отвѣчая имъ, окружилъ городъ и укрѣплялся. Князь прервалъ сообщеніе Гуляницкаго съ Виговскимъ, расположившимся съ войсками своими подъ Гадячемъ; писалъ къ Гуляницкому, совѣтовалъ ему отстать отъ Гетмана, покориться Государю и сдать городъ. Гуляницкій словесно изъявилъ свое несогласіе. Тогда Русскій Полководецъ, видя, что кроткія мѣры не убѣждали мятежниковъ, началъ осаду и открылъ стрѣльбу по городу. 28 Апрѣля, отслушавъ молебствіе, въ самую полночь онъ окружилъ осажденныхъ, двинулся и битва закипѣла. — Русскіе воины ворвались

въ крѣпость съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами и зажгли башню. Гуляницкій, выждавъ мгновеніе, въ которое Русскіе разсѣялись по городу, напалъ на нихъ, опрокинулъ и заставилъ отступить въ безпорядкѣ и съ потерею. — Подъ городомъ симъ Трубецкой стоялъ до 30 Іюня безъ всякой цѣли, бывъ тревожимъ и вылазками и стрѣльбою осажденныхъ (*); — Кониской въ своей Лѣтописи говоритъ, что, по изгнаніи Виговскаго изъ Малороссіи, Князь Ромодановскій отмстилъ жителямъ Конотопа за пораженіе Россіянъ подъ симъ городомъ. „Когда граждане встрѣтили Ромодановскаго съ почестями; то Князь, помолясь и перекрестившись, велѣлъ разорять городъ, грабить и обижать жителей, не взирая на „ихъ невинность; сіи представляли ему, „что при осадѣ города они покорялись „силѣ и принужденію Гуляницкаго. Князь „въ отвѣтъ имъ сказалъ: Виноватаго Богъ „сыщетъ, а войско мое должно потѣшить „и наградить за понесенные труды въ походѣ. . . .“

(*) Мал. Ист. Б. Кам. Ч. I, стр. 56 и 72.

Корыбутово.

Я скоро оставилъ Конотопъ, не завидуя его мѣстоположенію и желая утромъ совершить болѣе пути. Переѣхавъ плотину чрезъ р. Езучь, опасную и худо устроенную, я имѣлъ дорогу гладкую, особливо отъ села Подлипно, въ глубокой долинѣ лежащаго. Отсюда на необозримой равнинѣ лежатъ возвышенности, подобныя волнамъ моря, и онѣ по всей длинѣ своей усѣяны курганами: признакъ, что онѣ служили каланчами, изъ которыхъ наблюдаемъ былъ непріятель. Сихъ высотъ съ курганами я замѣтилъ три. Ровно въ 12 часовъ я пріѣхалъ въ село Корыбутово, оставивъ за собою Гировку — село, занимательное мѣстоположеніемъ своимъ. Трудно въ степныхъ мѣстахъ найти село веселѣе Корыбутова! — Оно стоитъ при обширномъ лугѣ, чрезвычайно ровномъ, почти совершенно круглομъ, котораго берегà составляютъ отлогія возвышенности. — Село сіе нынѣ принадлежитъ Князю Разумовскому; оно, вѣроятно, построено Княземъ Корыбутъ-Вишневецкимъ, бывшимъ владѣльцемъ Ромна, отъ чего и названіе свое получило.

нынѣ находится въ незавидномъ состояніи, не взирая на богатство земли, на прелесть климата и на большую Роменскую дорогу, чрезъ него идущую. Во время вражды Многогрѣшнаго съ Дорошенкомъ, село Корыбутово, вмѣстѣ съ мѣстечкомъ Смѣлымъ, потерпѣло сильное разореніе, подпавъ власти и неистовству послѣдняго.

Постоялый дворъ въ 8 верстахъ отъ Ромна.

Проѣхавъ нѣсколько верстъ отъ Корыбутова, скоро достигъ я пограничнаго столба, отдѣляющаго Черниговскую губернію отъ Полтавской. Не знаю, отъ чего всякая граница или предѣлъ сильно дѣйствуетъ на душу человѣка? Грустное чувство овладѣло мною, когда я оставилъ родную мою сторону. Въ сію минуту я неспособенъ былъ ни къ мечтамъ о будущемъ, ни къ воспоминаніямъ о прошедшемъ; казалось и вся Природа печалилась со мною. Рѣзвости моихъ спутниковъ и частые обозы, везущіе богатства въ Ромнъ — незамедлили разогнать мракъ, тяготившій мою душу. Многіе купцы и промышленники Задесенскіе спѣшили на зна-

меньшую ярмарку Роменскую, — откуда, по обычаю своему, отправляются они въ Кіевъ на поклоненіе святымъ Угодникамъ.

Въ 10 верстахъ отъ Корыбутова, поднявшись на высоту, я посѣтилъ огромныя укрѣпленія, съ которыхъ нѣсколько влѣво видны церкви и домы мѣстечка Смѣлаго, извѣстнаго между нашими по торговымъ оборотамъ его жителей. Вѣроятно, въ семъ мѣстѣ была битва Князя Трубецкаго съ Виговскимъ, когда послѣдній спѣшилъ на помощь къ Гуляницкому съ Татарами, Волохами, Сербами и Молдаванами. Воевода Великороссійскій, узнавъ о движеніи Гетмана къ городу Конотопу, рѣшился предупредить его; но бывъ пораженъ, едва спасъ войска свои въ стѣнахъ Путивля. Сіе было 1 Іюля 1659 года (*).

Не стану говорить объ изрядномъ мѣстечкѣ Хмѣлевѣ, въ 10 верстахъ отъ сихъ укрѣпленій лежащемъ; оно ни чѣмъ не прославлено въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Замѣчу только, что въ немъ много сѣютъ табаку. — Уже въ глубокія сумерки

(*) Мал. Ист. Б. Кам. Ч. I, стр. 56 — 72.

я пріѣхалъ на ночлегъ въ Постоялый дворъ, находящійся въ лѣсу.

Роменъ, 18го Іюля.

Никогда не вставалъ я такъ рано и съ такимъ удовольствіемъ, какъ на послѣднемъ ночлегѣ предъ Ромномъ. Мысль, что увижу сей городъ, по торговлѣ знаменитый въ Малороссіи, увижу въ самомъ блестящемъ его состояніи, по случаю Ильинской ярмарки, преслѣдовала меня, не взирая на ужасные овраги, обросшіе дубами и вербами, которые встрѣчались мнѣ по дорогѣ; послѣднія, по причинѣ прохлады и зелени, доставляютъ путешественнику пріятныя ощущенія. Пріѣхавъ на отлогую возвышенность, я увидѣлъ ту высокую гору, на которой построенъ Роменъ, увидѣлъ церкви и каменные домы города. Влага рѣки Сулы помутилась отъ водопоя лошадей, приведенныхъ иногородными купцами и промышленниками. Наконецъ я поднялся на крутизну — и обширная равнина, полная отъ обозовъ, лошадей, небольшихъ лавочекъ, въ порядкѣ расположенныхъ, и отъ многочисленности народа, въ видѣ амфитеатра открылась передъ моими очами: это подвижной городъ, гора-

здо обширнѣйшій, нежели Роменъ. Въѣзжая въ прекрасныя градскія ворота, нельзя не плѣниться широкою улицей, по обѣ стороны въ два ряда обсаженною деревьями. Хотя домы въ сей части незавидны, и притомъ выстроены внутри дворовъ; но красивыя ворота и ряды деревьевъ по улицамъ, равно Воспитательный домъ и множество каменныхъ зданій, по улицѣ Полтавской и другимъ частямъ построенныхъ, дѣлаютъ Роменъ занимательнымъ городомъ.

По срединѣ находится обширнѣйшая, по крайней мѣрѣ въ квадратную версту, площадь, обстроенная лавками, куда собирается Европейское и Азіатское купечество. Не стану описывать багатствъ сюда привезенныхъ — сего сдѣлать не можно по великому количеству оныхъ и маловременному пребыванію моему въ городѣ. Присовокуплю только, что въ рядахъ найдутся всѣ вещи, которыя только могутъ выдумать нужда, прихоть и роскошь всѣхъ странъ и всѣхъ временъ года. И ежели къ симъ богатствамъ прибавить множество скипажей, чрезмѣрное многолюдство, шумъ и облака пыли, ими про-

изводимой, — то Роменъ въ теченіе двухъ недѣль, отъ 15 Іюля по 1 е Августа, представляетъ собою многолюднѣйшую столицу. Кому неизвѣстно, что Ильинская ярмарка принадлежитъ къ знаменитымъ въ Россіи, а въ Украинѣ она едва ли не есть первая.

Не одна ярмарка и городъ возбуждали мое любопытство; я обозрѣвалъ ряды, народныя собранія, обѣгалъ весь городъ съ другою цѣлію: я думалъ найти моего друга Тюрина, который иногда оставлялъ Харьковъ для посѣщенія сей ярмарки. Тщетные поиски! . . .

Начало построенія Ромна осталось неизвѣстнымъ для меня, сколько я ни рылся въ нашихъ Лѣтописяхъ. Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова говорится, что имъ владѣлъ Князь Корыбутъ - Вишневецкій, который дозволилъ Роменской ратушѣ имѣть печать съ крестомъ, на могилѣ стоящимъ, въ память погребенныхъ близъ города сего многихъ людей и въ знакъ храбрости, которую жители онаго, по древнему преданію, оказали противу неприятеля — а какого, неизвѣстно (*). Ро-

(*) Г. С. V Ч., стр. 73.

менъ, подпавши власти Гетмановъ Малороссійскихъ, много пострадалъ отъ насильствъ Дорошенка, имъ нѣкоторое время владѣвшаго, равно и въ слѣдствіе приведенія жителей обратно въ подданство Гетманомъ Многогрѣшнымъ, который изгналъ перваго за Днѣпръ. Сіе происшествіе было въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1669 года (*).

Роменъ знаменитъ пребываніемъ въ немъ Карла XII, желавшаго здѣсь имѣть свою главную квартиру на всю зиму. Онъ вступилъ въ городъ 18 Ноября 1708 года вмѣстѣ съ Мазепою, который издавна постарался укрѣпить оный руками Сердюковъ — для успѣха въ злодѣйскихъ своихъ умыслахъ противу Россіи. Но храбрый Генералъ Алартъ, пользуясь отлучкою Карла къ Гадячу, взялъ Роменъ въ концѣ Ноября, нанесши значительную потерю войскамъ неприятельскимъ. Удачѣ въ сей битвѣ много содѣйствовали Россіянамъ лютые морозы, погубившіе большую часть Шведскаго гарнизона.

(*) М. И. Б. Кам. II Ч., стр. 73.

Роменъ принадлежитъ нынѣ къ числу повѣтовыхъ городовъ Полтавской губерніи, и если выгоды, которыми онъ пользуется, пребудутъ на долгое время постоянными, то въ немногіе десятки лѣтъ онъ сдѣлается однимъ изъ красивыхъ и богатыхъ городовъ Имперіи. Главная промышленность жителей повѣта состоитъ въ разведеніи великаго количества табаку, извѣстнаго по добротѣ своей во всей почти Россіи.

Липовая долина.

Здѣсь я ночую, оставивъ шумный Роменъ въ $3\frac{1}{2}$ часа по полудни. Около 5 часовъ употреблено мною времени на переѣздъ 31 версты разстоянія между Ромномъ и сею долиною, имѣя дорогу неровную и задыхаясь отъ пыли, производимой безчисленными обозами, огромными кибитками Татаръ и екипажами помѣщиковъ, ѣхавшихъ на ярмарку. Изнуренный отъ несноснаго зноя и соскучивъ почти нагою степью, я душевно обрадовался мыслію, что найду скоро покой и наслажусь прохладою лѣсистаго и низменнаго мѣста, на которомъ построено село Липовая долина. — Здѣсь озеро большое, но мѣлкое;

взоръ сильно плѣняется зеленью тополей и вербъ, давшихъ вѣроятно названіе сей долинѣ.

Какъ скучны бываютъ Малороссіяне, содержатели постоялыхъ дворовъ! Виды на корысть иногда лишаютъ ихъ того добродушія и гостепріимства, которыя суть исключительная принадлежность обитателей южной Россіи. Моя хозяйка и ея прислуга занимались не нуждами тѣхъ, которые уже были въ домѣ ея, а вербовкою бо́льшаго количества проѣзжихъ. Она вѣрно догадывалась, что я съ моей компаніею невозьму ревностнаго участія въ ея изобильныхъ гастрономическихъ препаратахъ, — и не ошиблась: дѣйствительно нашъ ужинъ состоялъ изъ одного кувшина молока и бѣлаго хлѣба Роменскаго. Суматоха въ моей квартирѣ и брюзгливость хозяйки, лишившія меня покоя, продолжались до самой полуночи — и все попустому!

Гадячъ, 19 Іюля.

До восхода солнца я былъ ужѐ въ дорогѣ, которая на разстояніи 28 верстъ неимѣетъ ничего достопримѣчательнаго,

кромѣ батарей, лежащихъ въ 3 верстахъ отъ города по обѣимъ сторонамъ оной. Городъ не очень значителенъ ни по зданіямъ своимъ, ни по торговлѣ. Частныхъ домовъ мало хорошихъ, да и тѣ почти всѣ покрыты соломою; даже самое повѣтовое училище — которое, при незанимательномъ фасадѣ, имѣетъ соломенную кровлю. Обширная площадь украшается великолѣпнымъ Соборомъ, выстроеннымъ на иждивеніи тамошняго купца Ивана Кузмича Муравьева; прочія церкви всѣ деревянныя, ветхи и странной архитектуры. — Къ чести упомянутаго гражданина должно замѣтить, что онъ устроилъ на своемъ дворѣ колодязь, водою котораго пользуются всѣ нагорные жители: подвигъ, по мѣстному положенію города, требовавшій большихъ издержекъ.

Гадячь построенъ на высокой горѣ, восточная сторона коей омывается рѣкою Псіоломъ, разлившимся здѣсь на многіе рукава; отсюда прелестнѣйшій видъ на луговую сторону, богатую лѣсами. Съ полудня же онъ огражденъ ужаснымъ оврагомъ, поросшимъ орѣховыми кустарниками. И такъ по мѣстоположенію своему

Гадячь принадлежитъ къ числу крѣпкихъ городовъ, могущихъ — при малыхъ средствахъ и небольшихъ укрѣпленіяхъ со стороны Роменской дороги — удержать на долгое время усиліе неприятеля. Спускъ съ горы къ рѣкѣ Псіолу труденъ, а особливо для большихъ екипажей.

Начало Гадяча неизвѣстно. Хотя въ Географическомъ Словарѣ сказано, что построенъ онъ въ 1634 году Польскимъ Шляхтичемъ Желковскимъ (*); но можетъ быть въ семъ году только улучшены и умножены зданія онаго. Миллеръ повѣствуетъ, что полкъ Гадячскій сталъ существовать съ 1576 года, т. е. со времени преобразованія войска Малороссійскаго, въ гетманство Богдана Ружинскаго (**). Кониской же относитъ сіе преобразованіе къ 1615 году, въ которое время Малороссійскіе полки названы по знатнѣйшимъ городамъ и мѣстечкамъ; въ томъ числѣ былъ и полкъ Гадячскій. Первое показаніе должно быть вѣроятнѣе; имъ открывается, что нынѣшнее мѣсто подъ Гадячемъ было издавна заселено.

(*) Г. С. Щ. Ч. II, стр. 5.

(**) См. Вступл. въ Мал. Ист. Б. Кам. стр. 17.

Могло ли столь приятное и выгодное мѣсто, имѣющее вблизи хорошую рѣку, оставаться незаселеннымъ?

Богданъ Хмѣльницкій (1650 г. 13 Сент.) разбилъ Князя Четвертинскаго въ Волынской губерніи. Но до сей побѣды Малороссіяне понесли великое разореніе отъ внезапныхъ вторженій Польскихъ войскъ: сéла ихъ были преданы огню и все на пути превращено было въ пустыню. Несчастные, окруживъ Гетмана, просили у него пособія въ нуждахъ своихъ и защиты отъ суровости приближающейся зимы. Богданъ снабдилъ бѣдняковъ сихъ волами, лошадьми, деньгами и послалъ ихъ на зиму въ полки Полтавскій и Гадячскій, какъ въ страны изобильныя.

Гадячане, узнавъ измѣну Виговскаго, отложились отъ него, пребывая вѣрными Государю Россійскому. Гетманъ, смиривъ Полтавскаго Полковника Пушкаря и разбивъ Трубецкаго на равнинахъ Конотопскихъ, устремился со всѣми силами къ Гадячу, дабы покорить сей городъ. Но здѣсь бодрствовалъ храбрый Полковникъ Ефремовъ: ни хитрости, ни угрозы

измѣнника немогли поколебать вѣрнаго сына Россіи. Виговскій держалъ въ осадѣ городъ три недѣли, дѣлая на него нападенія изъ укрѣпленнаго своего лагеря въ 3 верстахъ отъ города; но всегда былъ отражаемъ храбростію войскъ и жителей, не взирая на претерпѣваемый ими голодъ. Виговскій принужденъ былъ снять осаду 2го Августа 1659 го и удалиться съ войсками своими къ Днѣпру (*).

Гетманъ Брюховецкій имѣлъ свое постоянное пребываніе въ Гадячѣ, бывъ вѣроятно плѣненъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ города. Здѣсь въ 1665 году послѣдовало торжественное примиреніе его съ Меѳодіемъ, Епіскопомъ Нѣжинскимъ-Украинскимъ. Гетманъ, встрѣтивъ Преосвященнаго за 5 верстъ отъ города, угощалъ его цѣлую недѣлю въ Гадячѣ: забыты были всѣ неудовольствія, и тѣснѣйшая дружба, укрѣпленная еще родствомъ (Епіскопъ предложилъ руку своей дочери Гетманскому племяннику), замѣнила сильную вражду между ними (**).

(*) М. И. Б. Кам. I Ч., стр. 56—72.

(**) М. И. Б. К. Ч. I, стр. 54 — 55.

Богатый, но жестокосердый нравомъ вельможа сей, подстрекнутый другомъ своимъ Меѳодіемъ и хитрыми навѣтами Дорошенка, захотѣлъ отложиться отъ Россіи, предавъ Малороссію во власть Турецкаго Султана. Для совѣщанія о семъ Брюховецкій собралъ въ Гадячь Генеральныхъ и Полковыхъ Старшинъ въ первыхъ числахъ Января 1668 года. Въ началѣ Февраля вдругъ вспыхнулъ мяжежъ въ Малороссіи; жители городовъ возстали на Воеводъ и денежныхъ сборщиковъ Царскихъ, присланныхъ для водворенія тишины въ Украйнѣ и для наблюденія за поступками начальника оной: иныхъ побили, другихъ, связавъ, отправили въ Чигиринъ, а иныхъ продали Татарамъ. Гадячскій сборщикъ Огаревъ отведенъ туда же (*).

Неудача въ злодѣйскихъ умыслахъ Брюховецкаго противу Россіи, послабленіе Правительства въ столь важныя минуты, дали волю ему свирѣпствовать въ злосчастной Малороссіи. Лѣтописи говорятъ, что онъ за малую вину велѣлъ сжечь Гадячскую Полковницу Острую. — Провидѣ-

(*) Тамъ же *стр.* 56.

ніе не могло долго сносить измѣну, тиранство и грабежи сего начальника: онъ кончилъ жизнь свою поносным образомъ, бывъ убитъ, въ глазахъ Дорошенка, дубьемъ жителями мѣстечка Опошни. Тѣло его, по велѣнію Дорошенка, было похоронено въ Гадячѣ, въ церкви Богоявленія Господня — въ храмѣ, котораго онъ былъ ктиторомъ и вкладчикомъ. Сvнодикъ, съ означеніемъ рода Брюховецкихъ, и два колокола съ гербомъ сего Гетмана до сихъ поръ тамъ хранятся (*).

Гадячскій зàмокъ въ гетманство Мазепы былъ укрѣпленъ Сердюками и снабженъ запасами. Петръ I, въ концѣ Ноября 1708 го, осматривалъ мѣстоположеніе города сего и хотѣлъ взять оный приступомъ. Карлъ XII, пришедшій на помощь къ Мазепѣ, который сидѣлъ запершись въ Гадячѣ, сдѣлалъ тщетными покушенія Россійскаго Монарха.

Императрица Екатерина I подарила Гадячъ Князю Менщикову 25 Іюля 1726 го; въ 1764 году оный перешелъ во владѣніе

(*) Тамъ же стр. 60.

къ послѣднему Гетману Разумовскому, который въ 1785 мъ переуступилъ Императрицѣ Екатеринѣ II за 596,880 рублей. Съ образованіемъ Полтавской губерніи въ царствованіе Александра I (1803 г.) Гадячь причисленъ къ повѣтовымъ городамъ сей же губерніи.

Ахтырка, 20 Іюля.

Вчера я оставилъ Гадячь въ три часа по полудни съ удовольствіемъ, ибо едва не задохся отъ зловонія и неопрятности постоялаго двора, содержимаго Ізраильтяниномъ. Дорога до мѣстечка Веприка песчаная лежитъ чрезъ лѣсъ, слѣдовательно медленная и скучная; встрѣчались только богомольцы, шедшіе изъ Ахтырки въ Кіевъ на поклоненіе. Веприкъ, въ 12 верстахъ отъ Гадяча, стоитъ нѣсколько на возвышенномъ мѣстѣ, имѣетъ красивую каменную церковь и огромный домъ, принадлежащій г. Подполковнику Масюкину. Видъ изъ сего мѣстечка со всѣхъ сторонъ открытъ; только со стороны Гадячской дороги заслоненъ лѣсомъ.

Въ первыхъ числахъ Января 1709 года сіе укрѣпленное селеніе было сожжено

Карломъ XII, который взялъ оное приступомъ съ величайшею для себя потерею. Веприкъ защищаемъ былъ подъ начальствомъ Полковника Фермора 1500 ч. гарнизона съ отчаяннымъ мужествомъ; недостатокъ въ порохѣ заставилъ сего витязя отдать себя, 1100 солдатъ, кромѣ крестьянъ, защищавшихъ земляныя укрѣпленія, и нѣсколько пушекъ въ руки побѣдителя. Говорятъ, что сіи столь незначительные трофеи стоили Карлу 20,000 солдатъ и многихъ искусныхъ Генераловъ, здѣсь погибшихъ. Высокіе курганы, близь мѣстечка стоящіе, служатъ памятниками безразсудности Шведскаго Героя и неустрашимости Русскихъ. Веприкъ знаменитъ еще посѣщеніемъ Императора Петра I, который пріѣзжалъ сюда (въ концѣ Ноября 1708) для осмотра войскъ своихъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ и ввѣренныхъ начальству Генералъ-Поручика Рена (*).

Въ глубокія сумерки добрался я до хутора, принадлежащаго г-ну М-ну, въ 15 верстахъ отъ Веприка. Неопрятность постоялаго двора и множество народа,

(*) М. И. Б. Кам. Ч. IV.

возвратившагося съ полевыхъ работъ, помѣшали мнѣ писать. Къ тому же недостатокъ въ жизненныхъ потребностяхъ, трудность въ приобрѣтеніи оныхъ за наличныя деньги, худой, даже невѣжливой приемъ хозяина постоялаго двора — все заставило меня раскаеваться, для чего непоѣхалъ я по Сумской дорогѣ, о которой хорошо въ Ромнѣ отзывались! Я спросилъ у хозяйки кувшинъ молока; она отвѣчала: „нѣколи; я невторопаю, що ты кажешь, Москалю." — Я думалъ было на Украйнѣ полакомиться сливками, кислымъ молокомъ и проч., какъ въ Аркадіи, богатой сими продуктами, по изустному и письменному описанію; но обманулся. Падежъ скота въ прошедшую зиму лишилъ возможности и жителей и проѣзжихъ освѣжаться молочной пищею. Чуть было и незабылъ сказать, что туземцы насмѣшливы и нелюбятъ ни Москалей, ни Задесенцевъ, или по ихъ названію Литвиновъ. Увидя проѣзжихъ, оставляютъ работу, затягиваютъ на счетъ ихъ ругательныя и сатирическія пѣсни, сопровождаемыя громкимъ смѣхомъ и продолжительными отголосками. По всему видно, что дорога здѣсь мало посѣщается проѣзжими.

Не стану говорить о селѣ Камышинѣ, лежащемъ при рѣкѣ Тошанѣ, ни о батареяхъ въ 5 верстахъ отъ онаго; спѣшу описать прелестную и обширную долину, на которой построена Ахтырка.

Лишь только прибылъ я къ крутому спуску Гадячской дороги, тотчасъ открылась ровная долина, средина которой орошается Ворклою; многія мѣста по обѣ стороны сей рѣки золотились отъ созрѣвшихъ колосьевъ жита. Вправо долина простирается безпредѣльно; а прямо лежатъ въ отдаленіи отлогія возвышенности, пестрѣющія длинными полосами хлѣбныхъ растѣній. Очарованіе увеличивается отъ высокаго кургана, Ахтырью называемаго, поверхность котораго равна поверхности горъ, составляющихъ лѣвой предѣлъ долины; на семъ курганѣ, или лучше сказать горѣ, имѣющей около версты окружности при основаніи, построенъ Троицкій монастырь, давно упраздненный и необитаемый; на сторонѣ противной влѣво на скатѣ хребта видѣнъ домъ помѣщика Воиновича, окруженный березовою рощей. Если бы счастіе человѣка всегда зависѣло единственно отъ созерцанія прекрасныхъ

и величественныхъ картинъ Природы; то пребываніе на краю сей долины должно бы составлять для него источникъ наслажденій постоянныхъ.

Упомянутый монастырь былъ построенъ Игуменомъ Іоанникіемъ въ 1671 году и названъ Благовѣщенскимъ по деревянной церкви; Командующій Слободскими полками Бригадиръ Ѳедоръ Осиповъ выстроилъ, вмѣсто прежней, церковь каменную. Въ 1721 году Тімоѳей Надаржинскій, придворный Протоіерей Петра I, своимъ иждивеніемъ соорудилъ другую каменную церковь соборную во имя Живоначальной Троицы и весь монастырь оградилъ каменною же стѣною, отъ чего и обитель именовалась Троицкою со временъ Епіфанія Тихорскаго, Епіскопа Бѣлогородской Епархіи. Сынъ Надаржинскаго соорудилъ каменную колокольню и храмъ во имя Преображенія Господня изъ того же матеріала. По штату положено Настоятелями сего монастыря быть всегда Игуменамъ (*).

Минуя гору, я увидѣлъ главы церквей Ахтырки, сверкающія отъ лучей солнеч-

(*) Ист. Росс. Іерархіи Ч. III, стр. 334 — 336.

ныхъ; другія зданія не видны, по причинѣ высокихъ вербъ, которыми окружается городъ. Переѣхавъ Ворсклу по мосту на луговую сторону, моя бричка едва не погрязла въ небольшомъ озерѣ. Жаль, что непозаботятся устранить сіи затрудненія. Я замѣтилъ, что, приближаясь къ хорошему городу, всегда находишь или горы, или болота, или пески: отъ рѣки Ворсклы до Ахтырки должно тащиться по глубокому песку почти двѣ версты.

Въ полдень очутился я на обширной площади, украшенной тремя церквами и окруженной каменными домами. Ахтырка принадлежитъ къ числу лучшихъ городовъ Слободско-Украинской губерніи. Благосостояніе онаго зависитъ сколько отъ промышленности жителей, столько и отъ множества богомольцевъ, приходящихъ на поклоненіе чудотворной Иконѣ Пречистыя Матери Божіей. Икона сія находится въ огромномъ, прекрасной архитектуры храмѣ Покрова Богородицы; вдѣлана въ богатый кивотъ съ колоннами. Самая внутренность церкви великолѣпна по обширности своей и хорошему расположенію колоннъ Коринѳскаго орде-

на, также по богатству золота и драгоцѣнныхъ камней. Высокая и красивая колокольня съ боевыми часами, равно и желѣзная рѣшетка, коею окружена церковь, служатъ къ немалому украшенію наружнаго вида. Въ нижнемъ ярусѣ колокольни устроена церковь во имя Введенія во Храмъ Богоматери, гдѣ ежедневно отправляется ранняя обѣдня.

Съ нетерпѣніемъ дожидался я благовѣста къ вечернѣ у перилъ, гдѣ давно уже сидѣло много богомольцевъ разнаго состоянія, которые пришли изъ дальнихъ мѣстъ на поклоненіе Иконѣ. Въ 5 часовъ по полудни отворился храмъ; толпа хлынула въ оный. Діаконъ отворилъ дверцы амвона, съ котораго прикладываются къ Иконѣ. Исполнивъ священную обязанность, я почувствовалъ въ душѣ своей порывы удовольствія великаго, которое во все время остальнаго путешествія меня не оставляло; должно еще присовокупить, что всѣ мои предположенія исполнились, безъ непріятностей, въ дорогѣ иногда случающихся. . .

Нынѣшняя Слободско - Украинская губернія, еще въ гетманство Богдана Хмѣль-

ницкаго, бывъ мало населенною, имѣла только небольшіе хуторы, конскіе и скотные заводы Гетманскіе, также табуны лошадей и стада воловъ для артиллеріи полковъ Полтавскаго и Гадячскаго. Равнины сіи назывались Булавинскими, потому что приписаны были къ булавѣ Гетманской, т. е. почти всѣми доходами съ нихъ пользовались Гетманы Малороссійскіе по своему званію. Богданъ Хмѣльницкій населилъ мѣста сіи жителями, потерпѣвшими за Днѣпромъ отъ Поляковъ разореніе весною 1651 года. Выходцы, построивъ на оныхъ слободы, положили основаніе тремъ Слободскимъ полкамъ, Сумскому, Ахтырскому и Харьковскому, и пользовались одинакими правами наравнѣ съ войскомъ Малороссійскимъ до временъ Гетмана Самуйловича. — Съ паденіемъ сего добраго начальника въ 1687 году по проискамъ сильнаго у Царевны Софіи Князя Голицына, Полковники Слободскихъ полковъ, не желая повиноваться Гетманамъ, отдѣлились отъ Малороссіи; они испросили у Правительства Русскаго особенныя для себя преимущества (*).

(*) Мал. Ист. рукоп. Конискаго.

Къ сему времени относится начало построенія Ахтырки, или лучше сказать улучшеніе сего города: ибо въ Грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, въ 1669 году жалованной Слободскимъ полкамъ, сказано, что Ахтырка построена въ 1641 г. подъ надзоромъ Кульчевскаго, урядника Польскаго Короля Жигомонда. Въ семъ городѣ первымъ урядникомъ былъ Якубовскій (*). Во время нашествія Шведовъ на Украину Императоръ Петръ I проживалъ около четырехъ дней въ Ахтыркѣ, прибывъ въ оную 4 Февраля 1709 года (**).

Хуторъ Веселый.

Выѣхалъ изъ Ахтырки въ 5½ часовъ, я имѣлъ дорогу гладкую, ровную и въ короткое время прибылъ въ хуторъ Веселый, совершивъ около 20 верстъ. Не знаю, почему сей хуторъ носитъ названіе Веселаго; мѣстоположеніе онаго довольно непривлекательно: стоитъ на краю долины значительной глубины. По лѣвую сторону Ахтырской дороги замѣчены мною слѣдующія военныя укрѣп-

---

(*) Г. Сл. Р. Г. *Щек.* и *Макс.* I Ч., стр. 295.

(**) Зап. о дѣян. Петра I, изд. *Тум.* Ч. 8, стр. 32.

денія: 1 е въ трехъ верстахъ, 2 е въ осьми, 3 е въ шестнадцати отъ Ахтырки; по правую же сторону оной, на высотахъ равнины, были расположены соотвѣтственныя симъ укрѣпленіямъ насыпи, на значительномъ разстояніи отъ дороги. И такъ сіи мѣста, нынѣ мирныя, изобильныя, обработанныя, нѣкогда упитывались кровію человѣческою, и громкое ехо отъ губительныхъ орудій, отъ криковъ сражавшихся и стоновъ умирающихъ терялось въ необозримомъ пространствѣ оныхъ.

Богодуховъ, 21 Іюля.

Приближась почти къ самому Богодухову, съ горы увидѣлъ я сей городъ, расположенный по наклоненности оной. Богодуховъ чрезвычайно бѣденъ и постройками и промышленностію: многіе домы покрыты соломою. Небольшая рѣка Мерло протекаетъ чрезъ сей городъ, образуя у береговъ своихъ мутныя лужи, которыя скоро могутъ превратиться въ топкую грязь. Не зная, гдѣ найти постоялый дворъ, я поспѣшилъ съ моими сопутниками въ домъ тамошняго г-на Штабъ-Лѣкаря А. Р. Червинскаго, моего земляка

и товарища юности: около 4 часовъ пробылъ я у него, будучи обласканъ какъ имъ, такъ умною и любезною его супругою. Отъ него я узналъ, что въ уѣздѣ много есть богатыхъ и воспитанныхъ помѣщиковъ, радушіемъ которыхъ онъ не можетъ довольно нахвалиться.

Богодуховъ построенъ въ 1667 году, а уѣзднымъ городомъ сталъ съ 1780 г. (*).

Ольшана.

Почти на срединѣ пути отъ Богодухова до Харькова Ольшана расположена нѣсколько на возвышенномъ мѣстѣ; имѣетъ обширную четвероугольную площадь съ красивой каменною церковью, стоящею въ срединѣ; сверхъ сего находятся еще три каменныя церкви, которыя построены въ тѣсныхъ мѣстахъ, менѣе удобныхъ. Хотя неоднократно свирѣпствовали здѣсь пожары, гибельные для домовъ, покрытыхъ соломою; но промышленность жителей не упала, и въ оборотахъ торговли находятся изрядные капиталы. Близость разстоянія отъ Харькова, частные пере-

(*) Г. С. *Макс. и Щекат.* Ч. I, стр. 463.

ѣзды чрезъ сіе мѣстечко — видимо содѣйствуютъ благосостоянію онаго.

Мысль, что завтра увижу Харьковъ, бывъ 9 лѣтъ въ удаленіи отъ онаго, преслѣдовала меня во всю ночь, увеселяя мое воображеніе — свиданіемъ съ друзьями моими и Профессорами Университета. Солнце застало меня еще на постояломъ дворѣ въ заботахъ и приуготовленіяхъ, которыя однако же не уменьшали трепета въ моемъ организмѣ, не утишали волненій въ чувствахъ и сильнаго нетерпѣнія. Отлагаю мои замѣчанія до Харькова: ибо тревожное состояніе души человѣка неспособно произвести мысль порядочную. . . .

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Спинелло.

(Повѣсть.)

Въ древней рукописной хроникѣ города Ареццо, донынѣ хранящейся въ церкви Св. Ангела, заключается чудная исторія о живописцѣ Спинеллѣ Аретинѣ, о которомъ упоминаетъ Лапци въ сочиненіи своемъ о Живописи Италіянской. Сіе происшествіе можетъ быть любопытно для всякаго, кто стремится проникать въ таинства нравственной природы нашей; между тѣмъ оно едва ли кѣмъ-либо описано. Во время пребыванія въ Ареццо, я не могъ буквально списать рукопись; но несчастія сего молодаго художника столь сильно подѣйствовали на меня, что невольно впечатлѣлись въ моей памяти: сколько я ни старался я истребить воспоминаніе объ нихъ, все было тщетно — печальныя мысли непрестававали тревожитъ мою душу. Наконецъ подумалъ я, что, написавъ исторію о

Спинеллѣ, сообщу ей прозаическія краски, и что, раздѣливъ съ другими свои впечатлѣнія, отниму у нихъ ту силу, которая меня безпокоитъ.

Прибывши въ первой разъ въ Ареццо, Спинелло остановился въ домѣ Бернарда Дадди — художника, имѣвшаго довольно значительное состояніе (сынъ сего Дадди, также по имени Бернардо, былъ въ послѣдствіи ученикомъ Спинелла и въ качествѣ живописца приобрѣлъ отличную славу). Кромѣ упомянутаго сына, у Бернарда были еще другія дѣти и въ числѣ ихъ прекрасная дочь, по имени Беатрикса. Можно бы тотчасъ подумать, что Спинелло незамедлилъ въ нее влюбиться — дѣло очень обыкновенное; однакоже сего на етотъ разъ не случилось: онъ оставилъ въ родномъ городѣ молодую прелестную дѣвушку, которой далъ вѣрное слово и свято хранилъ обѣтъ свой. Такимъ образомъ каждый день видѣлъ онъ Беатриксу, вовсе недумая замѣчать ея прелестей, хотя стоило одинъ только разъ увидѣть ее или въ церкви или на прогулкѣ, чтобы полюбить всею силою страсти.

Для всякаго отца, хороша ли его дочь или нѣтъ, пріятно сохранить образъ ея въ томъ возрастѣ, когда годы не уменьшаютъ красоты, а увеличиваютъ оную. Бернардо почиталъ очень важнымъ пріобрѣтеніемъ портретъ Беатриксы, и бывъ увѣренъ, что никто другой лучше не можетъ исполнить сего намѣренія, удѣлилъ на то не малую часть своего времени. Молодая дѣвушка скучала во время сихъ долгихъ засѣданій. Старанія отца развеселить ее своими разговорами были напрасны; какъ мало опытный въ искусствѣ словесномъ, онъ рѣдко находился въ состояніи говорить съ нею о чемъ нибудь занимательномъ. Выбрали для сего младшаго ея брата; но и онъ, вмѣсто того чтобы доставить удовольствіе, причинялъ ей только скуку. Наконецъ Бернардо рѣшился прибѣгнуть къ молодому своему постояльцу. Онъ просилъ у Спинелла, какъ одолженія, занимать дочь во время работы. Сей, желая оказать услугу своему учителю, согласился, хотя и желалъ бы употребить свое время совсѣмъ иначе.

На другой день Спинелло вступилъ въ новую свою должность. Беатрикса уже

сидѣла въ старинныхъ креслахъ, блѣдная, съ печальными взорами, съ лицемъ унылымъ; юноша не мало удивился, когда, услышавъ отъ него нѣсколько словъ, она вдругъ обнаружила живость въ глазахъ, въ цвѣтѣ лица и улыбкѣ. Каждый день надлежало возобновлять ето занятіе, до тѣхъ поръ доколѣ портретъ не былъ совершенно отдѣланъ. Кончилось тѣмъ, что молодой человѣкъ, будучи обязанъ, хотя издали, по цѣлымъ часамъ смотрѣть на Беатриксу, понялъ, какъ и древніе философы, для чего любовь изображается вооруженною стрѣлами.

После сего не разъ спрашивали у Спинелла мнѣнія о работѣ; въ одинъ изъ таковыхъ случаевъ, не умѣя объяснить, чего недоставало въ портретѣ, онъ до того забылся, что взялъ изъ рукъ своего учителя кисть и сказалъ съ нетерпѣніемъ: „Позвольте мнѣ самому работать." Будучи не въ силахъ противиться горячности Спинелла, старикъ безмолвно предоставилъ ему трудиться, и ентузіастъ принялся за работу, совсѣмъ не думая о томъ, что дѣлалъ. Опомнившись, сталъ онъ извиняться передъ старикомъ; но Бернардо,

восхищенный вѣрностію художника, просилъ его продолжать работу.

Занявшись внимательно дѣломъ, Спинелло увидѣлъ множество погрѣшностей, кои необходимо надлежало исправить, такъ что, по его мнѣнію, портретъ должно было начать снова. Дадди, любившій дочь свою болѣе даже своего искусства, позволилъ Спинеллу дѣлать, что̀ заблаго̀ разсудитъ.

Молодой человѣкъ принялся работать съ такимъ жаромъ, какого никогда еще не чувствовалъ, и образъ Беатриксы, прежде нежели напечатлѣлся на полотнѣ, проникъ до глубины душу его и распространилъ въ ней какой-то свѣтъ тихій, но сладостный для сердца. Такъ благоухаетъ дернъ, на коемъ въ часы усталости отдыхало животное — производящее мосхусъ.

Сколь ни славится въ Италіи и особенно въ Ареццо сія картина, я долго не буду заниматься описаніемъ оной. Впечатлѣніе, полученное мною, когда въ первый разъ я увидѣлъ ее, преимущественно должно отнести къ тому, что мнѣ была извѣстна исторія художника сего портрета и самаго оригинала. Беатрикса пред-

ставлена томною, въ положенiи задумчивомъ. Она слегка наклонилась на старинныя кресла; виноградное дерево съ плодами осѣняетъ мѣсто ея покоя. Исполненiе картины удивительно. Уже многiе превозносили похвалами сiе мастерское произведенiе, и память Беатриксы никогда не изгладится въ лѣтописяхъ искусствъ Италiи.

Трудно изобразить волны, воздымаемыя бурею на морѣ; столь же трудно уловить признаки, кои въ чертахъ физiономiи открываютъ душевныя движенiя: посему не скажу и я, какимъ образомъ, не слыхавъ отъ Беатриксы ни слова, Спинелло угадалъ, что любимъ ею. Ето открытiе опечалило его, ибо онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей обыкновенныхъ, которые такъ произвольно мѣняютъ предметъ своей страсти. Ему казалось, что женщина, которую полюбилъ прежде, имѣетъ священное право на его сердце; при всемъ томъ образъ Беатриксы день и ночь невольно занималъ его душу, и что бы ни писалъ онъ, черты сего образа болѣе или менѣе отражались въ каждомъ изъ его произведенiй.

Въ такомъ находился онъ расположеніи, когда поручили ему написать славную картину, Паденіе возмутившихся духовъ, для церкви Св. Ангела въ Ареццо. Планъ сего мастерскаго произведенія, описаннаго извѣстными Вазари, Модерни и другими историками комментаторами, отличается вмѣстѣ и важностію и оригинальностію; образъ Люцифера, особенно привлекающій вниманіе знатоковъ живописнаго искусства, по всей справедливости почитается твореніемъ генія. Отвергнувъ общее народное преданіе, по которому Властителя мрака обыкновенно изображаютъ въ видѣ отвратительномъ и безобразномъ, Спинелло облекъ въ красоту физіономію злаго духа, но въ красоту, внушающую какой-то непонятный ужасъ. Люциферъ Спинелловъ подобенъ тѣмъ блѣднымъ привидѣніямъ ночи, кои заблудившійся путникъ, мнится, видитъ при блескѣ молній, мгновенно озаряющихъ бурное море.

Съ той минуты, какъ началъ онъ трудиться надъ главнымъ лицемъ своей картины, сдѣлалась въ немъ какая-то чудная перемѣна. Подобно волнамъ, воз-

мущаемымъ вѣтрами, его воображенiе ни на минуту не было спокойно. Онъ досадовалъ, если какое нибудь занятiе отвлекало его отъ сего дѣла, и возвращаясь къ нему, уже не чувствовалъ того тихаго самодовольствiя, съ какимъ обыкновенно принимался за любимую работу. При хорошемъ здоровьѣ и крѣпкомъ сложенiи художника сiе насильственное состоянiе не было для него слишкомъ тягостно; не подозрѣвая никакой опасности, Спинелло находилъ даже удовольствiе въ безпрестанномъ занятiи своимъ дѣломъ. Но вскорѣ образъ падшаго Ангела измѣнился въ глазахъ его, и вмѣсто мечты, которою любило его воображенiе питаться, онъ увидѣлъ въ произведенiи своей кисти нѣчто существенное, наполнявшее ужасомъ его душу. Такъ человѣкъ, взявшiй львенка отъ матери, въ надеждѣ сдѣлать ручнымъ сего звѣря, съ ужасомъ видитъ постепенное раскрытiе грозной его природы.

Часто чувствовалъ Спинелло нужду бѣжать изъ мастерской своей: искалъ разсѣянiя, коего до сихъ поръ убѣгалъ всячески. Часто навѣщалъ общество молодыхъ художниковъ и бродилъ съ ними

по рощамъ зеленымъ, украшающимъ сію часть Етруріи; часто пробѣгалъ долину Арно и очаровательныя мѣста, гдѣ жилъ нѣкогда Плиній.

Однажды, возвратясь съ подобной прогулки, находитъ у себя письмо, коимъ извѣщали Спинелла, что предметъ первой любви его ему невѣренъ. Несчастный молодой человѣкъ, съ больнымъ сердцемъ и воображеніемъ, сталъ искать облегченія въ горести своей подлѣ Беатриксы. Ея обращеніе вмѣстѣ благородное и веселое, ея умъ глубокій и проницательный плѣнили Спинелла. Быстро текло для него время подлѣ любезной. Случалось правда, и даже въ ту минуту, какъ упоенный страстію, онъ съ необыкновеннымъ удивленіемъ смотрѣлъ на прекрасную свою собесѣдницу — случалось иногда, что какое-то странное чувство, подобно пламени, пробѣгало въ душѣ его и отравляло его наслажденіе. Сіе чувство казалось ему неизъяснимымъ, и онъ не зналъ, въ себѣ ли самомъ искать тому причины, или въ той, которая возбудила въ немъ оное.

Картина была окончена и поставлена надъ олтаремъ церкви Св. Ангела. Спинелло

почувствовалъ тогда нѣкоторое облегченіе; но тотчасъ образъ Люцифера представился его воображенію, подобно призраку, время отъ времени болѣе ужасному Онъ чувствовалъ иногда восторгъ неизъяснимый подлѣ Беатриксы, и прелесть красоты ея разгоняла мрачныя его мысли; иногда въ ея присутствіи лихорадочной знобъ обнималъ его члены. Наконецъ и при ней и безъ нея страшное порожденіе генія его было безпрестанно у него предъ глазами и, какъ ни чѣмъ неразгоняемый сумракъ, затемняло для него всю прелесть жизни. Настала осень и съ нею умножились его мученія. Несчастный художникъ ни днемъ, ни ночью не зналъ покоя: искалъ ли его на одрѣ своемъ — ему казалось, и Властитель мрака хочетъ раздѣлить съ нимъ ложе; сжималъ ли глаза — его страшный образъ, мечталось ему, затаивался между глазами его и рѣсницами.

Преслѣдуемый врагомъ, который, такъ сказать, слился съ бытіемъ его, Спинелло вскорѣ почувствовалъ перемѣну въ своемъ здоровьѣ. Крѣпость силъ тѣлесныхъ оставила его, а между тѣмъ воображеніе особенно усилилось предъ всѣми другими спо-

собностями душевными. Вспадаетъ наконецъ ему на мысль, что, можетъ быть, призракъ сей, представляемый въ мечтаніи, не имѣетъ сходства съ образомъ — произведеніемъ его кисти, и Спинелло захотѣлъ испытать, не удастся ли ему разсѣять сей мечты, когда взглянетъ на свою картину. Ета мысль представилась ему въ одну изъ ночей, проведенныхъ въ томительной безсонницѣ. Тотчасъ встаетъ онъ, схватываетъ фонарь, выходитъ изъ своего жилища и направляетъ путь къ церкви.

Сіе священное зданіе было окружено густымъ сосновымъ и сикоморовымъ лѣсомъ. Въ городѣ все было пусто, все безмолвно.

Когда Спинелло приближился къ церкви, вѣтеръ вдругъ зашевелилъ вѣтвями деревъ, и онѣ, подобно крыльямъ духовъ ночи, ударялись одна о другую; въ то же самое время жалобные звуки, ему казалось, выходили изъ мрачныхъ облаковъ, собравшихся надъ его головою. Онъ вступаетъ въ церковь, врата коей, подобно лону матери для дѣтей, днемъ и ночью отверсты для вѣрныхъ; стѣны храма были уставлены изображеніями Спасителя, грубо

изсѣченными изъ почернѣвшаго дуба, и большими задымленными картинами, представлявшими сцены изъ Библіи. Изображенныя на сихъ картинахъ фигуры, казалось, оживали, по мѣрѣ того какъ красноватый свѣтъ, выходившій изъ фонаря Спинеллова, упадалъ на нихъ. При каждомъ шагѣ біеніе сердца его ускорялось въ художникѣ; онъ почти задыхался, и все шелъ далѣе и далѣе. Достигши ступеней олтаря, подноситъ фонарь свой къ картинѣ. Полу-свѣтъ еще болѣе придалъ мрачной выразительности сонму возмутившихся духовъ, низверженныхъ въ бездну, и глава ихъ Люциферъ еще сопротивлялся, мнилось, перунамъ Всемогущ[illegible]. Чувство самодовольствія проникло моло[illegible] даго живописца при взглядѣ на свое произведеніе; но, по мѣрѣ того какъ онъ его разсматривалъ, воображеніе большую принимало силу, и тотчасъ ему представилось, что жизнь и движеніе одушевляютъ колоссальнаго демона. Не смотря на красоту Предводителя духовъ падшихъ, онъ видѣлъ сквозь сію обольстительную наружность волнованіе всѣхъ страстей ада. Глаза демона бросали неистовый пламень; его жилистые члены, казалось, усиливались

отделиться отъ полотна. Вѣтеръ, завывавшій въ отверстіяхъ храма, и эхо, вторившее печальнымъ его звукамъ, еще болѣе увеличили замѣшательство несчастнаго Спинелла. Онъ хотѣлъ бѣжать, и палъ на ступени олтаря. Когда, послѣ долгаго безпамятства, пришелъ въ себя, буря ужѐ прошла, и кроткое сіяніе луны замѣнило мѣсто слабаго свѣта фонаря его. Онъ повлекся вонъ изъ храма и слабыми шагами достигъ своего жилища.

На другой день Спинелло не могъ уже оставить своего ложа; безпокоясь о состояніи юноши, Бернардо съ семействомъ навѣстилъ его. Когда услышалъ онъ шаги Беатриксы, лучь радости проникъ въ его сердце, слезы затрепетали на его рѣсницахъ, и онъ благословилъ ее въ душѣ своей; но взглянулъ на нее — и всѣ ужасы предъидущей ночи ему представились. Не зная, что̀ происходило въ душѣ Спинелла, Беатрикса подошла къ нему съ сердечнымъ движеніемъ, склонилась на колѣна у постели, взяла его пламенную руку, упавшую въ безсиліи съ ложа. Онъ пожалъ руку Беатриксы, но, не говоря ни слова, отвращилъ отъ нея взоръ свой; потомъ,

будучи не въ силахъ преодолѣть внутреннее движеніе, скрылъ лице свое въ изголовье и тяжко зарыдалъ; между тѣмъ Беатрикса въ изумленіи и горести также плакала; а всѣ другіе молчали и отъ удивленія оставались неподвижными.

Мало помалу молодой человѣкъ успокоился, какъ бы получивъ облегченіе отъ внезапнаго плача. Тогда Бернардо, полагая любовь причиною горести его, остался съ нимъ одинъ; сказалъ, что если онъ любитъ дочь его, то весьма легко получитъ ея руку, какъ она отдала ему свое сердце. Чувство благодарности изобразилось при сихъ словахъ на лицѣ Спинелла. Лучь счастія разогналъ мракъ души его. Выраженія его признательности были живы и непритворны, и нѣсколько дней спустя, онъ былъ въ состояніи провожать прекрасную свою подругу въ поле.

Его здоровье оставалось однакожъ сомнительнымъ. Изъискивая средства поправить его, нашли, что пребываніе на берегу моря близъ Неаполя необходимо для его возстановленія, и Гаета предпочтена была въ семъ случаѣ всѣмъ другимъ

мѣстамъ. Чтобы сіе путешествіе было приятно для Спинелла, Бернардо съ дочерью рѣшились ему сопутствовать.

Достигши назначеннаго мѣста, они наняли домъ на берегу моря, и любовники часто бродили вмѣстѣ по берегу, омываемому съ ропотомъ зеленоватыми волнами Средиземнаго моря. На нѣсколько времени мрачныя мечты уступили мѣсто сладостнымъ надеждамъ любви для Спинелла; но спустя немного, Беатрикса должна была оставить Гаету и спѣшить къ умирающей матери; очень естественно, что Бернардо послѣдовалъ за нею, но отправляясь, требовалъ отъ Спинелла, чтобы онъ непремѣнно остался въ Гаетѣ. Молодой человѣкъ съ печальными предчувствіями проводилъ въ путь любезныхъ своему сердцу.

Не тщетны были опасенія Спинелла: съ одиночествомъ возвратились мрачныя привидѣнія, и его здоровье снова измѣнилось. При безпрерывной горячкѣ, при его чрезмѣрной слабости, ужасы, созидаемые воображеніемъ его, съ минуты на минуту находили къ нему свободный доступъ; нако-

нецъ весь его составъ нравственный былъ взволнованъ. Глаза его блистали свѣтомъ необыкновеннымъ, черты лица отличались чрезмѣрною сухостію и вся его наружность приводила въ страхъ всякаго, кто его видѣлъ. Между тѣмъ самъ онъ едва замѣчалъ, что происходило вокругъ его, ибо ему безпрестанно казалось, что онъ находится во власти привидѣній. Люди представлялись ему мечтаніями; въ цѣлой вселенной ничего не видѣлъ онъ кромѣ себя и Люцифера; и страшная борьба грозила уничтоженіемъ тому или другому.

Наконецъ онъ почувствовалъ близость своей кончины, и благословлялъ Бога, что недалекъ послѣдній часъ его страданій. Мысль о смерти принесла ему спокойствіе, ибо, кромѣ Беатриксы, ничего не оставалось для него на землѣ любезнаго. Въ одинъ вечеръ, погруженный въ благоговѣйныя размышленія, бродилъ онъ на берегу моря. Солнце скрывалось за небосклономъ, луна разливала свѣтъ печальный и море въ серебряныхъ лучахъ ея дремало. Спинелло сѣлъ на скалѣ, недоступной для самыхъ разъяренныхъ волнъ моря, и устремивши взоры къ небе-

самъ, погрузился въ размышленіе о вѣчности. Напослѣдокъ опускаетъ ихъ на землю — и видитъ образъ прелестной красоты, озаренный лучами мѣсяца: ето черты Властителя мрака, но черты, на коихъ отражалась нѣжная задумчивость.

Спинелло испускаетъ крикъ пронзительный и стремится на край утеса. Беатрикса — ибо ето была она — бѣжитъ, называя его по имени, чтобы удержать его. Ея голосъ, ея поступь разрушаютъ заблужденіе и вдругъ открываютъ ему тайну его несчастія. Онъ узнаѐтъ наконецъ, что воображеніе, полное образомъ Беатриксы, когда писалъ онъ картину, нечувствительно сообщило ея черты образу падшаго духа. Вотъ причина неизъяснимой грусти, которая иногда въ ея присутствіи его бременила. Между тѣмъ, какъ сія мысль занимала его, онъ терялъ равновѣсіе и готовъ былъ низвергнуться въ бездну; хватается за скалу, чтобы удержаться, Беатрикса также (ибо, стараясь удержать его, невольно и сама влеклась въ слѣдъ за нимъ) съ судорожнымъ движеніемъ ухватилась за кустъ травы. Минуту висѣли они надъ бездной; но быліе

мало помалу отрывалось . . . . оторвалось наконецъ — и волны морскія приняли въ свои нѣдра несчастныхъ любовниковъ.

(Съ Фр. В. Праховъ.)

СМѢСЬ.

Праздники, забавы, предразсудки и суевѣрные обряды простаго народа въ Новогрудскомъ повѣтѣ, Литовско-Гродненской губерніи.

(Окончаніе.)

3) Предразсудки.

Между простолюдинами сего повѣта господствуетъ всеобщее мнѣніе о волшебствѣ, а особливо простодушная увѣренность, что люди могутъ отгадывать будущее, толковать сны, дѣйствовать посредствомъ колдовства, что человѣкъ другъ другу можетъ вредить и помогать силою растѣній, что даже можетъ вызывать чертей нашептываніемъ и другими какими-то странными способами. Сіи мнѣнія основываются на оставшемся еще духѣ идолопоклонничества.

Существуютъ также и другіе предразсудки между чернію: въ понедѣльникъ ничего неначинаютъ, ибо все неудается; на первой день Пасхи или Рождества Христова ничего недаютъ въ займы; также на первой день Святокъ поутру дѣвушки слушаютъ лай собаки, и утверждаютъ, что съ которой стороны услышатъ, тамъ будутъ и замужемъ; наканунѣ передъ Ивановымъ днемъ, по мнѣнію простолюдиновъ, просушиваются сокровища, въ землѣ находящіяся. Таковые и подобные имъ предразсудки остаются у всѣхъ закоренѣлыми. Но въ повѣтѣ Новогрудскомъ есть повѣрье, исключительно принадлежащее тамошнимъ жителямъ: думаютъ, что на берегахъ *Свитези* появляются *ундины* или водяныя Нимфы, называемыя *Свитезянками*. Вотъ начало сего преданія. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города Новогрудка, въ Цырынской нарафіи, въ темномъ бору Плужинскомъ есть озеро *Свитезь*, большое, круглое, осѣненное густымъ лѣсомъ. По мнѣнію стариковъ, тамъ черти отправляютъ свои пляски, вѣдьмы толкутся, нерѣдко среди водъ раздается шумъ, подобный городскому, и будто бы тамъ видѣнъ бываетъ огонь съ густымъ дымомъ; тамъ, говорятъ они, слышны звуки сражающихся, раздаются вопли женщинъ, трескъ оружія, звонъ колокольный. Внезапно дымъ стелется по землѣ и шумъ умолкаетъ: тогда слышится изъ воды тихое чтеніе молитвъ и печальные голоса дѣвушекъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь

озеро, *Свитезь*, говорятъ, существовалъ прежде городъ, нѣкогда цвѣтущій, славный храбростію мущинъ своихъ и красотою женщинъ, управляемый въ продолженіе многихъ лѣтъ какими-то Князьями *Туганами*. Однажды Царь Русскій съ многочисленнымъ войскомъ внезапно окружилъ въ Новогрудкѣ, столицѣ Литвы, Князя Мендога, и вся Литва такъ перепугалась, что Мендогъ готовъ былъ сдаться. Вотъ Литва проситъ помощи у Князя Тугана, которой съ 5000 своихъ воиновъ освбобождаетъ городъ отъ осады. Но Русь все таки превозмогла; тогда дѣвицы, поелику не могли уйти отъ неприятеля, рѣшились лучше погибнуть. Богъ однакоже, сжалившись надъ ними, превратилъ ихъ въ разстѣнія, которыя и стали такимъ образомъ дочерями озера *Свитези*. А поелику онѣ въ жизни сохранили невинность; то и послѣ смерти носятъ на себѣ краску невинности, и ни одинъ смертный не можетъ къ нимъ дотронуться. Но еслибъ кто нибудь сорвалъ цвѣтокъ; то болѣзнь тотчасъ овладѣла бы дерзновеннымъ. Между черныю сіи цвѣты слывутъ *царями;* ибо Царь Руси сорвалъ ихъ и палъ жертвою своей неосторожности.

4) Суевѣрные обряды.

Безчисленное множество такихъ обрядовъ введено предками, и они строго соблюдаются потомствомъ, которое хранитъ оные, не вѣдая для чего. Обряды сіи столь различествуютъ между

собою, что описаніе оныхъ кажется невозможнымъ. Мы исчислимъ только совершаемые во время родовъ, свадебъ, похоронъ, также въ началѣ каждаго времени года.

Съ приближеніемъ времени родовъ посылаются нѣкоторыя, нарочно для того назначаемыя особы, ко всѣмъ тѣмъ, съ коими родильница была или еще находится во враждѣ; исходатайствованное ими прощеніе облегчаетъ муки и содѣйствуетъ скорому разрѣшенію отъ бремени. Если въ минуту рожденія младенца кто нибудь броситъ на него, на примѣръ, глиной, углемъ, землею; то дитя будетъ находить особенный вкусъ въ сихъ снадобьяхъ. — Передъ свадьбою бываетъ сговоръ, для котораго женихъ привозитъ съ собой водку. Какъ скоро объявлено согласіе со стороны невѣсты, родителей и другихъ особъ; то первая сыплетъ рожь въ посудину, изъ которой пили горѣлку, и обвертываетъ оную полотенцемъ. Передъ отъѣздомъ въ церковь для вѣнчанія, невѣста садится на скамейкѣ; тутъ ей убираютъ голову. Потомъ она падаетъ къ ногамъ отца и матери, которые даютъ ей свое благословеніе. При совершеніи обряда присутствующіе замѣчаютъ, ясно ли горятъ свѣчи; изъ сего выводятъ свои заключенія о будущей жизни новобрачныхъ, счастливой или злополучной. — Если умирающій кончается медленно или долго мучится;

снимають потолокъ надъ страдальцемъ, чтобы душѣ его открыть мѣсто для выхода. Вывозя покойника изъ дому, посыпаютъ рожью присутствующихъ, но съ осторожностію, чтобы зерно не упало въ гробъ. Когда же тушатъ свѣчи, горѣвшія при гробѣ, то обращаютъ вниманіе на дымъ — выходитъ ли онъ изъ комнаты, или внутри остается: въ первомъ случаѣ вѣрной знакъ, что никто въ етомъ домѣ не умретъ въ скоромъ времени; а во второмъ — противное. Послѣ похоронъ хозяинъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ на ужинъ, гдѣ изъ всякаго блюда кладутъ по ложкѣ кушанья подъ скатерть для души умершаго, и ето непремѣнно остается на столѣ черезъ всю ночь.

Времена года то же сопровождаются нѣкоторыми суевѣрными обрядами. Въ началѣ весны молодыя животныя, домашняя ли то птица, или скотина, содержатся нѣсколько дней въ заперти, чтобы въ послѣдствіи времени ихъ никто не сглазилъ. Въ случаѣ грозы и бури, особливо же града, бросаютъ лопату (употребляемую при печеніи хлѣбовъ) противъ опасной тучи, дабы такимъ образомъ прогнать ее въ другую сторону. Лѣтомъ же при подобныхъ обстоятельствахъ накрываютъ бѣлымъ платкомъ растѣніе, называемое Божьимъ деревомъ. Осенью обыкновенно торжествуютъ выше описаннымъ образомъ празднество *Дзядовъ* (Dziady).

Наконецъ зимою дѣвицы, разсказывая различныя повѣсти и побасенки, отправляютъ разные обряды, чтобъ узнать, когда именно и за кого достанется выдти замужъ. Вотъ все, что̀ можно было сказать о главнѣйшихъ суевѣрныхъ обрядахъ между жителями Новогрудскаго повѣта. Вообще они не столь многочисленны и не такъ чудовищны, какъ употребительные въ губерніяхъ Виленской и Минской, а и того болѣе въ Бѣлорусскихъ. Впрочемъ во всѣхъ видны слѣды идолопоклонства и суевѣрія первобытнаго, всячески искореняемаго ревностію Духовенства.

(Съ Польск. Х.)

Письмо П. С. Правдивина къ Н. А. Надоумку.

(О Второмъ Томѣ Исторіи Русскаго Народа.)

Долго ли же еще намъ васъ ждать, почтеннѣйшій и любезнѣйшій *Нікодимъ Арістарховичъ?* Запраздновались вы уже слишкомъ въ деревнѣ!... Да и добро бы время такое, что вамъ горько было бы разстаться съ сельской природой?... Я ни сколько не осуждалъ васъ тогда, когда душный Іюль висѣлъ надъ нами; и даже не рѣдко завидовалъ вамъ отъ всего сердца, когда, считая раскаленные камни Московскихъ тротуаровъ, представлялъ васъ въ то самое время покоющимся подъ прохладною тѣнію развѣсистой ивы, на

берегу хрустальнаго ручья, въ сладкой тишинѣ безмятежнаго самодовольствія. Но теперь — дѣло совсѣмъ другое! Ето смурое небо, застланное непродираемыми туманами; ета разбрюзгшая земля, пашущая непродыхаемою сыростью; етотъ неумолкаемо свистящій вѣтеръ; ета неистощимо сѣющаяся изморозь: что̀ за очаровательныя прелести — особенно для ревматика? . . . Соберитесь-ка попроворнѣе и пріѣзжайте къ намъ — въ бѣлокаменную! . . . Я запасся славнымъ табакомъ; а моя старуха — которая, мимоходомъ сказать, также ждетъ не дождется васъ — приготовила вамъ такой чубукъ, какому — не смотря на его *безъянтарность* — ни чуть не стыдно было бы *подымиться* даже *во устахъ Гирея*, при *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*.

Можетъ быть однако васъ позадерживаетъ мысль, что въ теперешнюю пору и Москва не представляетъ особенныхъ прелестей? Я охотно прощаю ето предубѣжденіе добрымъ провинціальнымъ помѣщикамъ и помѣщицамъ, пріѣзжающимъ обыкновенно по первому пути въ Москву — растрясать деревенскіе животы свои. Для нихъ теперь и вечера̀ слишкомъ еще коротки, и собранія слишкомъ пусты, и театры слишкомъ просторны. Но вамъ и до Ноября конечно не будетъ скучно! Правда — не льзя потаить, что теперешнее время и для Литтературы нашей обыкновенно бываетъ настоящею осенью. Журнальные листы, составляющіе пока единственную зелень литтературной нашей жизни, въ ету пору, подобно древеснымъ листкамъ, начинаютъ чахнуть

и — медленно опадають. Но — нашъ вѣкъ богатъ и на приключенія! У насъ въ Москвѣ и теперь . . . не безъ исторій — — — *Второй* Томъ *Исторіи Русскаго Народа* . . . недавно вышелъ!!!

Я уже вижу мысленно изумленіе и негодованіе, выступающія на лицѣ вашемъ. — »Какъ! послѣ *перваго* — уже *второй!* и вѣрно такой же!« — Да! любезнѣйшій *Нікодимъ Арістарховичъ!* Послѣ *перваго второй!* Но — едва ли еще не поплотнѣе и не подороднѣе *перваго!* Такъ по крайней мѣрѣ на взглядъ кажется! — Я нарочно предваряю васъ теперь о томъ, дабы вы имѣли время успокоиться и не завели бы опять такой же исторіи, какъ при появленіи *перваго* Тома. Мнѣ слишкомъ извѣстна ваша живость и нетерпѣливость тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ и чести отечественной Словесности. Но — повѣрьте опытности старика — на все, право, не пересердишься! . . . *Размышленіе* — какъ говоритъ *Гамлетъ* — *должно охлаждать горящія ланиты* раздраженія! . . . Что произвела ваша грозная армада противъ *перваго* Тома *Исторіи Русскаго Народа?* Вскипятила только желчь раздражительнаго Историка, остервенила противъ Московскаго Университета и противъ одного молодаго Докторанта, въ которомъ онъ думалъ вклепаться въ васъ! Чтожь изъ этаго толку? Въ другихъ крітиковъ, равно ожесточившихся на *первый томъ*, онъ погрозилъ только *бросить вторымъ томомъ:* и теперь — хотя поздненько, но — сдержалъ свое слово! . . . *Второй Томъ* брошенъ — на зло зубоскаламъ, сбиравшимся смотрѣть его, вмѣстѣ съ остальными

десятью братами, на будущей *выставкѣ издѣлій Русской промышленности!* И — пусть начнется по немъ новая пальба критикъ! *Историкъ Русскаго Народа* замахнется на нихъ заглавіемъ *третьяго тома* и — будетъ спокойно отсылать его для набора въ типографію! . . . Ето настоящій *Гораціанскій* герой, въ переводѣ блаженной памяти *В. К. Тредіаковскаго*:

Аще міръ сокрушенъ распадется,
Сей мужъ николиже содрогнется!

Да и въ самомъ дѣлѣ — почтеннѣйшій *Нікодимъ Арістарховичъ!* — я не знаю, чѣмъ бы можно было сколько нибудь привести въ трепетъ безтрепетнаго *Историка Русскаго Народа?* . . . Обыкновенно начинаютъ аттаки на него тѣмъ, что оспориваютъ у него право писать *Исторію*. Ето — явная несправедливость! Какъ будто для того чтобы писать, нужно предварительно заплатить акцизъ и получить свидѣтельство! Вѣдь ето — не торговля сельдями! Благодаря мудрой свободѣ, коею облагодѣтельствована наша Словесность, у насъ можно сочинять всякому — и не такія исторіи! . . Обвиняютъ потомъ новаго Историка въ самохвальствѣ и шарлатанствѣ. Боже милостивый! Да не суть ли ето слабости — такъ сказать — вросшія въ нашу дрянную человѣческую натуру? Кто изъ великихъ геніевъ древняго и новаго міра не имѣлъ своего дозіса самолюбія? Кто изъ нихъ не любилъ иногда похвастаться своимъ ясно сознаемымъ величіемъ? *Сократъ* и не издавалъ Телеграфа; а между тѣмъ не обинуясь предъявлялъ права на содержаніе въ Аѳин-

скомъ Пританеѣ. *Горацій* написалъ всего навсе *одинъ* только *маленькій томикъ*, да и то не Исторіи Римскаго народа; и однако имѣлъ гордость увѣрять торжественно, что онъ тѣмъ воздвигъ себѣ памятникъ, который якобы выше пирамідъ и тверже мѣди. Невѣжество, коимъ урекаютъ нашего Историка, еще болѣе извиняетъ въ немъ сіи слабости. Добродушный *Мѣщанинъ Мольеровъ* не ставилъ цѣны себѣ, когда узналъ, что онъ — *говоритъ прозою!* . . . Нападаютъ далѣе на дерзость, съ каковою *Историкъ Русскаго Народа* помыкаетъ славою великихъ мужей, въ коихъ дачахъ между тѣмъ самъ — незванымъ гостемъ — охотится. И ето — дѣло весьма естественное. Будто *Нибуръ*, коего имени посвящена *Исторія Русскаго Народа*, спускалъ *Титу Ливію* и *Діонисію Галикарнасскому*, изъ раболѣпнаго благоговѣнія къ ихъ славѣ, освященной не десятилѣтнею давностію, а тысячелѣтнею древностію! И ежели вы не забыли *Писемъ Авг. Тіерри объ Исторіи Франціи*, которыя прошлой зимой мы читали вмѣстѣ; то конечно вспомните, что *Историкъ Русскаго Народа*, для того чтобы обругать *Карамзина*, перевелъ только слово въ слово рѣзкія выходки, коими Французскій Критикъ подчуетъ *Аббата Велли* (*), замѣнивши, разумѣется, вездѣ имя *Велли* именемъ *Карамзина*, а имя *Исторіи Франціи* именемъ *Исторіи Русскаго Народа!* Правда — въ Русскомъ переводѣ подбавлено желчи

(*) Точно, точно! Етого не льзя не вспомнить! Любопытные могутъ увѣриться собственными глазами, раскрывъ III и V *Lettres sur l'Histoire de France*, *par Aug. Thierri.* *Изд.*

противъ Французскаго оригинала, и Русскому Исторіографу довелось вытерпѣть нападки болѣе жестокіе и грубые, чѣмъ Французскому Аббату: но ето указываетъ только на индивидуальное различіе между Историкомъ *Русскаго Народа* и Издателемъ *Писемъ объ Исторіи Франціи!* . . . Наконецъ вопли противъ нашего Историка — вершатся необыкновенно выраженіями болѣе или менѣе живаго негодованія на купеческія замашки, имъ употребляемыя — какъ унижающія благородное служеніе наукамъ и словесности до рядскаго барышничества. Кàкъ бы то ни было — етѣ замашки доставили *Исторіи Русскаго Народа* болѣе тысячи подписчиковъ. А ето развѣ не увеличиваетъ нѣсколькими нулями итога читающей публики въ статистической таблицѣ Русскаго просвѣщенія? Дай Богъ, чтобы число *потребителей* словеснаго издѣлія умножалось на Руси болѣе и болѣе! Нужды нѣтъ, что они бросаются сначала на *Выжигина* и на *Исторію Русскаго Народа!* Чтò бы ни читалось — лишь бы читалось! Ето умножитъ безъ сомнѣнія число — *производителей!* А изъ *многихъ* выберутся скорѣе — *немногіе.*

И такъ — нѣтъ никакихъ резоновъ сердиться и шумѣть на Историка *Русскаго Народа* за то, что онъ принялъ на себя сіе почтенное титло! Чтò до меня — я и самъ прежде негодовалъ на *Издателя Московскаго Телеграфа* за такое самозванство: и мнѣ помнится даже, что прошедшею зимой, вскорѣ по объявленіи о новой Исторіи, имѣлъ съ вами особенную, довольно длинную и жаркую бесѣду, въ коей не щадилъ нимало наре-

кающагося Историка (*). Но — *первый томъ* самой *Исторіи* меня уже довольно поуспокоилъ, а *второй* почти совершенно примирилъ съ нимъ. Теперь — понимаю я очень хорошо и Исторію и Историка; и отдавая должную справедливость творенію, творца извиняю всею душею. *Второй томъ* показалъ мнѣ особенно, что Издатель *Исторіи Русскаго Народа* совсѣмъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые дерзновенно тѣшатся легковѣріемъ толпы и забавляютъ простаковъ ничтожными фокус-покусами. Нѣтъ! Надъ *вторымъ томомъ* онъ дѣйствительно работалъ и — работалъ изъ всѣхъ силъ! Что̀ ни вышло изъ етой работы — n' importe! .. Усердія было много; а усердіе всегда похвально! . . .

Еслибъ вы читали уже *второй томъ*, то догадались бы конечно, что я, говоря ето, имѣю въ виду — *картину*, которою Историкъ хотѣлъ только начать *второй томъ*, но отъ избытка сердца чуть было даже и не кончилъ: ибо сія *картина*, по числу страницъ, занимаетъ почти *двѣ трети* всего *тома*, за исключеніемъ довольно длиннаго *Оглавленія* и еще длиннѣйшаго *Списка подписчиковъ*. На сію *картину* Издатель, кажется, не только положилъ весь свой собственный невещественный капиталъ, но и прихватилъ у чужихъ немало. Коротко сказать — ета *картина* есть полная и вѣрная картина всего умственнаго житьябытья новаго *Историка* — есть миніатюрная панорама всей новой *Исторіи Русскаго Народа*!

(*) Ето правда. Сія бесѣда была тогда же и напечатана *В. Е.* No 22, 1829. *Пр. Изд.*

Вѣроятно, вы горите уже нетерпѣнiемъ знать, что ето за *картина?* . . Ето, говоря словами самаго живописца — *картина Руси до XIII вѣка въ географическомъ, политическомъ, общественномъ и нравственномъ отношенiяхъ* (*). Одна надпись сiя показываетъ, что ето вовсе—не шутка. Пунктъ, съ котораго должна начинаться сiя *картина*, какъ вы видите, совсѣмъ не обозначенъ: слѣдовательно здѣсь предназначалось уже, въ умѣ Сочинителя, теряться въ сѣдыхъ облакахъ неопредѣнности. Такъ дѣйствительно и случилось! На первомъ планѣ ея опять мелькаютъ *Варяжскiе таборы, разбитые Рурикомъ* (**), уже получившимъ торжественно имя *миѳическаго* (***). Тамъ и здѣсь высовываются *дупликаты* фигуръ, уже являвшихся въ *первомъ томѣ: Аскольдъ* и *Диръ, Олегъ* и *Ольга, Святославъ* и *Владимiръ!* Ихъ славные подвиги повторены снова; и даже не однажды, а — нѣсколько разъ (****): вѣроятно для того, чтобы врѣзались они тверже и прочнѣе въ памяти читателей *Исторiи Русскаго Народа.* Такая любезная внимательность къ славѣ предковъ и къ забывчивости потомства, право — умилительна! . . . На васъ бы ето подѣйствовало конечно иначе: вы бы начали горячиться и доказывать, что пересказывать одно и то же нѣсколько разъ значитъ ругаться надъ зазываемымъ вниманiемъ; прибавили бы пожалуй пословицу, что *про одни дрожди, не говорится трожди:*

(*) *И. Р. Н. Т. II. Огл. I.*

(**) *И. Р. Н. Т. II, с. 37.*

(***) *И. Р. Н. Т. II, с. 7.*

(****) *И. Р. Н. Т. II, с.* 33 — 37; 267 — 274.

но — пословица не указъ; а *повторенie есть мать ученiя*, какъ говаривали бывало у насъ по латыни въ школахъ! . . . Я знаю вашу привязчивость, почтеннѣйшiй *Нiкодимъ Арiстарховичъ!* вы не опустили бы вѣрно безъ насмѣшливаго замѣчанiя и того, что, по предначертанiю Автора, сiя *картина* должна представлять Русь въ *политическомъ* и *общественномъ* отношенiяхъ. Не льзя спорить конечно, что, на обыкновенно употребляемомъ языкѣ, *политическое* и *общественное* значитъ одно и то же. Но ета маленькая обмолвка не должна подавать повода къ большему соблазну: тѣмъ болѣе, что въ самой *картинѣ* сiе различенiе вовсе не существуетъ. Вмѣсто бордюръ, *картина* сiя обставлена: спереди — *Исторiей Европы въ IX и X столѣтiяхъ и отношенiемъ Руси къ Европѣ* (*) — изъ чего однако совсѣмъ не должно заключать, какъ могли бы подумать зубоскалы, что *Историкъ Русскаго Народа* полагаетъ Русь *внѣ* Европы; сзади же — *выводами изъ сей картины для будущаго* (**) — которое, разумѣется, теперь есть уже *давнопрошедшее*. Вотъ вамъ главное понятiе объ етой *картинѣ!* . .

Вы конечно согласитесь, любезнѣйшiй *Нiкодимъ Арiстарховичъ!* что идея такой *картины* очень не дурна и ни сколько не неумѣстна въ Исторiи. Правда — чудакъ *Тiерри*, въ коего Историкъ *Русскаго Народа* представляется безусловно вѣрующимъ, ополчается противъ всѣхъ подобныхъ

(*) *Огл. с. I.*
(**) *Огл. с. I.*

картинъ и считаетъ ихъ несовмѣстными съ идеаломъ истинной Исторіи. »Я думаю« говоритъ онъ въ сочиненіи, которое нашъ Историкъ называетъ вездѣ *превосходнымъ*, какъ оно дѣйствительно и заслуживаетъ »я думаю, что Исторія не должна болѣе принимать въ составъ свой отдѣльныхъ трактатовъ для изображенія епохъ, точно также какъ и отдѣльныхъ портретовъ для вѣрнаго изображенія различныхъ лицъ. Люди и даже самые минувшіе вѣки должны, такъ сказать, выходить сами на позорище въ повѣствованіи; они должны являться какъ будто совершенно живые; и читатель не долженъ переворачивать сотню страницъ, для того чтобы наконецъ узнать, какой былъ настоящій ихъ характеръ« (*). Но *Историкъ Русскаго Народа* отнюдь не такой безусловный чтитель *Тіерри* на дѣлѣ, каковымъ на словахъ представляется. Вы пожалуй привязались бы и сказали, что онъ не читалъ вовсе етого замѣчанія въ *Тіерри*; но васъ можно бъ было тогда опровергнуть фактами. Съ той же самой страницы, на которой стоитъ ето замѣчаніе, Историкъ нашъ выписалъ подлинникомъ нѣсколько строкъ въ свою *картину*, для того

(*) Je crois que l'histoire ne doit pas plus servir de dissertations hors d'oeuvre pour peindre les différentes époqnes, que de portraits hors d'oeuvres pour représenter fidelement les differens personnages. Les hommes et même les siècles passés doivent entrer, pour ainsi dire, en scène dans le récit: ils doivent s'y montrer, en quelque sorte, tous vivans, et il ne faut pas que le lecteur ait besoin de tourner cent pages, pour apprendre après coup quel etait leur véritable caractère. *Let. sur l'Hist. de Fr. par Aug. Thierry. Edit. II, p. 77 et 78.*

чтобы, какъ признается самъ онъ въ томъ же мѣстѣ, *досадить безусловнымъ почитателямъ незабвеннаго Карамзина* (*); и мѣстное положеніе етой *картины* во *второмъ томѣ* показываетъ, что онъ не хотѣлъ подвергнуться по крайней мѣрѣ послѣднему упреку, коимъ *Тіерри* заключаетъ свое замѣчаніе. На зло *Гиччіардини* и *Давилѣ*, на зло *Юму* и *Карамзину*, кои обыкновенно заключали свои повѣствованія подобными *картинами*, нашъ Историкъ утвердилъ свою огромную *картину* въ началѣ разсказа, такъ что читатель, дабы добраться до ней, совсѣмъ не долженъ *переворочать сотню страницъ*, а только — *три заглавные листика втораго тома*. Найдутся конечно люди, которые, подобно вамъ, станутъ издѣваться надъ етою перестановкою; станутъ увѣрять, что она противна здравому смыслу, и начнутъ ссылаться на законы естественной Логики, въ силу коихъ результаты никогда не должны обгонять фактовъ, изъ которыхъ они выводятся. И дѣйствительно — для людей, принимающихся за *второй* томъ *Исторіи Русскаго Народа*, въ простотѣ сердца, съ желаніемъ научиться Русской Исторіи, трудно будетъ ловить высшіе взгляды Историка на происшествія, коихъ внутренняя связь и постепенность еще не объяснены имъ, и повторять имена *Святославовъ* и *Изяславовъ*, *Олеговъ* и *Давидовъ* (**), о которыхъ они ничего еще не слыхали. Но ета замашка, на которую могутъ жаловаться одни только Рус-

(*) *И. Р. Н. Т. II, с. 139 и 140.*

(**) *И. Р. Н. Т. II, с. 109 — 116.*

скіе простаки, есть замашка — *Гизотовская!* Въ своей *Исторіи Французской гражданственности* знаменитый Французскій Профессоръ, по собственному признанію, и не думалъ совсѣмъ »разсказывать происшествія, но — отъискивалъ одни только общіе результаты, связь причинъ и дѣйствій, постепенное развитіе гражданственности, сокрытое за наружными сценами Исторіи — предполагая, что сіи сцены уже извѣстны его слушателямъ (*)!« . . . Развѣ *Историкъ Русскаго Народа*, изъ патріотическаго снисхожденія къ своимъ соотечественникамъ, не могъ сдѣлать подобнаго же предположенія? . . . И то правда, что *Гизо* имѣлъ болѣе причинъ полагаться на предварительныя знанія своихъ слушателей, пригласивъ ихъ съ самаго начала читать со вниманіемъ *Французскую Исторію Сизмонди* (**); между тѣмъ какъ нашъ Историкъ заблаговременно предварилъ своихъ читателей, что у насъ на Руси нѣтъ еще Исторіи, которуюбъ можно было читать — даже для приготовленія къ уразумѣнію *Исторіи Русскаго Народа!* . . . Но онъ за то, не по примѣру *Гизо*, въ слѣдъ за *картиною* прилагаетъ самъ сію повѣствовательную Исторію, въ коей происшествія и имена — сбитыя на *картинѣ* въ кучу, вѣроятно по требованіямъ живописной перспективы — разбираются снова порознь

(*) Je ne vous ai point raconté les évenemens; je n'ai cherché que les résultats généraux, l'enchâinement des causes et des effets, le progrés de la civilisation, caché sous les scènes extérieures de l'histoire; quant aux scènes mêmes, j'ai supposé que vous les connaissiez. *Hist. de la civil. en Franc. T. II, p. 267.*

(**) *Ibid. T. I, p. 40.*

и проводятся длинными шеренгами, по обыкновенному порядку хронологическаго преемства. И какое приятное удовольствіе сберегъ онъ тѣмъ для своихъ читателей, когда они, продравшись кое-какъ сквозь эту незнакомую чащу, въ коей каждое слово было для нихъ пнемъ и каждое имя кочкою, доберутся наконецъ до проталинки, на которой найдутъ тотъ же самый лѣсъ, но только порѣже и посвѣтлѣе! . . . Такимъ-то образомъ *Историкъ Русскаго Народа*, поставивъ свою *картину* въ началѣ *Исторіи*, чрезъ небольшое нарушеніе логическаго порядка, умѣлъ сообщить стародавней вещи прелесть новости, и неизмѣняя въ сущности древнимъ обычаямъ, коихъ держался *Карамзинъ*, посредствомъ маленькаго оборота или выворота, показаться на манеръ *Гизо* и *Тіерри*, опередившимъ вѣкъ свой. Это истинно тотъ *мудрый мужъ*, о которомъ говорится, что онъ *отъ сокровища своего износитъ ветхое и новое!* . .

И такъ вы видите теперь, что *картина* сія, ежели не оригинальна по своей идеѣ, то по крайней мѣрѣ *оригинально поставлена*. Но *исполненіе* ея несравненно *оригинальнѣе*: и сія-то *оригинальность* можетъ служить для васъ, точно такъ же какъ и для меня, несомнѣннымъ доказательствомъ, что *Историкъ Русскаго Народа* дѣлаетъ свое дѣло не спустя рукава, какъ увѣряютъ нѣкоторые завистники, а въ потѣ лица своего. Много положилъ онъ трудовъ надъ этой *картиною*: и эти труды тѣмъ большую заслуживаютъ признательность, что они ни какъ невходятъ въ кругъ обязанностей *Историка Русскаго На-*

рода и обогащаютъ *второй томъ* его *Исторіи* цѣлыми *двумя третями* совершенно *gratis*. — Ибо при економіи, предписываемой однимъ здравымъ смысломъ — *Исторія Русскаго Народа*, какъ и всякая другая — согласно съ мнѣніемъ *Тіерри* — весьма бы легко могла обойтися безъ подобнаго *живописанія!* . . .

У васъ, я знаю, достанетъ недовѣрчивости на то, чтобы спросить съ насмѣшливою улыбкою: въ чемъ бы именно могли состоять труды сіи? Недовѣрчивость сія конечно имѣетъ свои основанія: вы слишкомъ озадачены были *первымъ томомъ!* .. Но — любезнѣйшій *Нікодимъ Арістарховичъ!* — *первый томъ* былъ собранъ кое-какъ на скорую руку . . . для почина! . . Здѣсь теперь — дѣло совсѣмъ другое! .. *Картина*, занимающая двѣ трети *втораго тома*, есть настоящій *мозаикъ*: она составлена изъ безчисленнаго множества разнородныхъ крупинокъ, для собиранія коихъ и оттуда и отсюда могло достать терпѣнія только у — *Историка Русскаго Народа!!* Голова кружится даже у читателя отъ удивительнаго ихъ разнообразія; каково же было собирателю? .. Читая сію *картину*, забываешь совершенно, что имѣешь предъ глазами *Исторію Русскаго Народа;* напротивъ легко можешь подумать, что перебираешь памятныя записки новаго *Пика де Мирандулы*, вознамѣрившагося торжественно диспутоваться — de omni re scibili (о всякой всячинѣ)! .. И въ самомъ дѣлѣ — я не знаю, чего не льзя найти въ ней: кажется, какъ будто новый нашъ Историкъ устроилъ здѣсь главное депо, въ которое сложилъ все, что

ни удалось ему гдѣ нибудь вычитать или у кого-нибудь подслушать. Само собою разумѣется, что сія попечительная ревность дѣлиться малѣйшими крохами съ любознательностію читателей, сообщаетъ новое достоинство трудамъ составителя сей *картины*. И не пріобрѣтаетъ ли онъ тѣмъ правъ на сугубую признательность? Благодаря сей ревности, читатели *Исторіи Русскаго Народа* знакомятся не только съ *Русскою Исторіею*, но и со множествомъ другихъ вещей, не имѣющихъ къ *Русской Исторіи* ни малѣйшаго отношенія. Они узнаютъ изъ *Исторіи Русскаго Народа*, что »Ромулъ, Нума, похищеніе Сабинокъ суть мѳѳы, въ которые облечены были древними историческія событія« (*). Новость, весьма занимательная для любителей *Русской Исторіи!* Съ статистическою вѣрностію, за которую ручаются таблицы Гизо (**), перечислено здѣсь въ назиданіе ихъ: »сколько разъ *Карлъ Великій*« — лице весьма интересное вообще для Исторіи — »ходилъ противъ Саксоновъ, сколько противъ Лонгобардовъ, сколько противъ Испанскихъ Саррациновъ, сколько противъ Саррациновъ въ Италію, сколько противъ Нордмановъ, сколько противъ Грековъ, сколько въ Аквитанію, Тюрингенъ и Баварію;« и даже не опущено: »сколько держалъ онъ народныхъ собраній, сколько издалъ капитуловъ и сколько въ нихъ статей заключается« (***). Съ діпломатическою точностію, кото-

---

(*) *И. Р. Н. Т. II*, *с*. 18.
(**) *Hist de la civil. en Fr. T. II*, *p*. 270 — 272.
(***) *И. Р. Н. Т. II*, *с*. 20.

рую можно всякому повѣрить въ *Тіерри* (*), выписаны сюда же длинныя витійственныя жалобы *Флора, Діакона Ліонскаго,* о раздробленіи Монархіи Карла Великаго (**), кои очень любопытно прочесть, если не для объясненія сѣтованій Русскихъ лѣтописцевъ, съ коими онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго сношенія, то по крайней мѣрѣ для того чтобы познакомиться со слогомъ и манерою западныхъ писателей вѣка Карлова. Не менѣе любопытна въ томъ же отношеніи выписка изъ рѣчи *Архіепіскопа Реймскаго* къ возмутившимся *Ліонцамъ* о повиновеніи рабовъ господамъ своимъ, заимствованная изъ того же неисчерпаемаго *Тіерри* (***); хотя между ею и поученіями добродушнаго *Луки Жидяты* — называемаго, въ предосужденіе освященнымъ Церковію правамъ *С. Іоакима, первымъ* Новогородскимъ *Епіскопомъ* — не существуетъ отнюдь сходства, примѣчаемаго нашимъ Историкомъ (****); ибо *Лука Жидята* проповѣдывалъ просто Хрістіанское повиновеніе предержащимъ властямъ; а *Архіепіскопъ Реймскій* хотѣлъ, силою слова Божія, упрочить раскаяніе несчастныхъ мятежниковъ, кои, вопреки увѣренію нашего Историка, совсѣмъ не были *свободные жители города Лаона* (*****), а законные *рабы* (serfs) *Лаонскаго Епіскопа.* Сходство однако между рѣчами обоихъ Святителей существуетъ

(*) *Lett. sur l'Hist. de Fr. p. 212.*
(**) *И. Р. Н. Т. II, с. 12, 13.*
(***) *Lett. sur. l'Hist. de Fr. p. 337.*
(****) *И. Р. Н. Т. II, с. 151.*
(*****) *Тамъ же.*

въ томъ, что они оба проповѣдывали одно и тоже ученіе о повиновеніи рабовъ господамъ, основывающееся — не въ осудъ нашего Историка — не на *духѣ среднихъ временъ* (*), какъ ему кажется, а на духѣ Хрістіанства, выражающемся весьма ясно въ словахъ Апостола, кои *взяты* не *въ текстѣ*, какъ говорится въ *Исторіи Русскаго Народа* (**), а — *въ текстъ* Французскимъ Первосвященникомъ: а посему снесеніе ихъ любопытно еще и — какъ доказательство единства духа, принесеннаго повсюду Хрістіанскою Религіею. Тѣмъ болѣе слѣдовательно благодарности Историку *Русскаго Народа* за сію — хотя и ненамѣренную — услугу любознательности читателей! Чрезвычайно занимательны также анекдоты: о раздѣлѣ сокровищь въ Суассонѣ при Хлодевихѣ, о возведеніи на престолъ Византійскій Михаила Заики въ нераскованныхъ еще цѣпяхъ, о убіеніи Императора Леона въ церкви — гдѣ, мимоходомъ сказать, Историкъ нашъ находитъ *емблему состоянія Греческихъ Императоровъ* (***) — объ удивленіи Фулька Шартрскаго и Жоффруа Вильгардуина при видѣ Константінополя (****) и о многихъ другихъ подобныхъ достопамятностяхъ, о коихъ знать — хотя и безполезно для желающаго заниматься собственно Русскою Исторіею, но — на всякой случай, все не дурно. Интересны и значенія варварскихъ словъ: *al-od* и *feh-od*, которыя Историкъ нашъ выписалъ опять у *Тіер*

(*) *Тамъ же*

(**) *Тамъ же.*

(***) *И. Р. Н. Т. II*, *с.* 26, 27.

(****) *И. Р. Н. Т. II*, *с.* 56, 57.

ри (*), съ небольшими ошибками въ правописаніи самыхъ словъ, изъ которыхъ послѣднее поставлено во множественномъ числѣ — *feh-ods* — потому что у *Тіерри* такъ требовалось по теченію рѣчи, просмотрѣнному нашимъ Историкомъ, а первое обогатилось лишнимъ звукомъ — *all-od* — не извѣстно уже по какимъ уваженіямъ (**); хотя должно опять признаться, что слова сіи — правильно или неправильно написанныя — совершенно не принадлежатъ къ Русской Исторіи. Всѣ сіи — равно какъ и другія подобныя безчисленныя указанія, намеки и объясненія, совершенно излишнія для *Исторіи* собственно *Русской* и между тѣмъ входящія въ *картину Руси* — доказывая съ одной стороны чрезвычайную любообщительность Сочинителя *Исторіи Русскаго Народа*, съ другой стороны суть несомнѣнныя свидѣтельства его любостяжательнаго трудолюбія: ибо надобно же было похлопотать, чтобы, говоря Русской пословицей, собрать ихъ и тамъ и сямъ, *какъ курочкѣ, по зернышку!* Недоброжелатели могутъ конечно возразить и на ето, что для собиранія сихъ крупицъ не могли быть употреблены труды слишкомъ большіе: поелику, судя по очевиднымъ примѣтамъ, всѣ онѣ забраны изъ историческихъ закромовъ *Гизо* и *Тіерри*, заключающихся въ *трехъ* или *четырехъ* небольшихъ книжкахъ. Ето, кажется, и правда! Но — пробѣжать *три* или *четыре* книжки, особенно на чужеземномъ языкѣ, все таки — не

(*) *Lett. sur l'Hist. de Fr. p. 172.*

(**) *И. Р. Н. Т. II, с. 62.*

бездѣлица! . . . Отъ одной выписки голова можетъ пойти кругомъ: и *Историкъ Русскаго Народа* — не смотря на дознанную крѣпость умственнаго своего сложенія — долженъ былъ заплатить дань слабости бѣдной нашей природѣ, не терпящей излишняго напряженія за слишкомъ дробною работой. Отъ етого и случились многія обмолвки, недомолвки и перемолвки, коими *картина* его, безъ ущерба своей полноты и занимательности, индѣ поизглажена. Такъ, увлекшись желаніемъ пріютить въ *картинѣ Руси* Латинское восклицаніе *Фердинанда и Изабеллы* въ стѣнахъ *Гренады: Non nobis, Domine, sed tibi sit gloria!* онъ не только, отъ излишней торопливости, написалъ въ началѣ слова: *Domine* (*Господи*) — строчную букву d, что для недальновидныхъ можетъ превратить *Господа* въ *господина*, но еще прибавилъ сначала нелѣпую мысль, яко бы »Исторія Испаніи рѣшительно присовокупляется къ общей Европейской западной съ половины XV вѣка, а послѣ паденія Рима до сего времени есть не что иное, какъ Исторія борьбы Испанцевъ за самобытность, рѣшенной Фердинандомъ и Изабеллою« (*). Мысль, надъ которою засмѣется вѣроятно онъ и самъ, когда прочтетъ на досугѣ о *Визиготахъ* и *Свевахъ*, кои, основавшись при паденіи Рима въ Испаніи, принимали столь дѣятельное участіе во всеобщемъ перерожденіи Европейскаго запада; о *Мархіи Испанской*, основанной *Карломъ Великимъ*, изъ которой образовалось потомъ Королевство *На-*

(*) *И. Р. Н. Т. II, с. 22.*

варрское, игравшее столь важную роль въ судьбахъ юго-западной Европы; объ участіи *Аррагоніи* въ кровавыхъ переворотахъ Королевства Неаполитанскаго, послѣ истребленія *Гоген-Штауфеновъ;* о вліяніи *Кастильскаго* Королевства, въ царствованіе *Транстамарской* династіи, на вѣковую вражду Франціи и Англіи. Та же самая торопливость, извинительная при столь ужасныхъ хлопотахъ, была причиною чуднаго произведенія слова *commune*, которое нашъ Историкъ весьма не дурно переводитъ *общиной* — отъ *conjuration* (клятва) (*) — произведенія, которое не хуже *Fotii Epistolis*, могло бы легко быть перетолковано въ доказательство совершеннаго незнанія нашего Историка пофранцузски. Это произошло не болѣе, какъ отъ — маленькой недоглядки! У *Тіерри*, котораго здѣсь хотѣлъ перевести нашъ Историкъ, говорится такъ: c' était ce serment ou cette *conjuration*, comme s' expriment les anciens documens, qui donnait naissance à la *commune*; tous ceux qui s' étaient liés de cette manière, prenaient dès-lors le nom de *communiers* ou de *jurés* (**). Нашъ Историкъ, вѣроятно на ту пору озабоченный какими-нибудь філологическими изысканіями, осуетившись, подумалъ, что здѣсь дѣло идетъ о *грамматическомъ рожденіи*, и написалъ, совершенно безъ всякаго умысла, что «имя *commune* произошло отъ клятвы (*conjuration*), какую давали горожане защищаться взаимно, называясь посему *communiers* или *jurés*« (***). Еще простѣе можно изъяснить,

(*) *И. Р. Н. Т. II, с. 64.*
(**) *Lett. sur l' Hist. de Fr. p. 257.*
(***) *И. Р. Н. Т. II, с. 64.*

а слѣдовательно и скорѣе извинить, хронологическую весьма грубую ошибку, по которой *дѣленіе Имперіи Карла Великаго* относится Историкомъ нашимъ *къ* 888 *году* (*). Иной кривотолкъ могъ бы пожалуй подумать, что ето *число* выбрано имъ, за незнаніемъ подлиннаго, по замѣчательной *круглотѣ* своей. Но ето была бы совершенная неправда! Ошибка произошла весьма просто — отъ того, что у *Гизо* сряду поставлены *двѣ* таблицы: *одна* — раздѣленіе Имперіи *Карла Великаго* въ 843 году, а *другая* — раздѣленіе Имперіи *Карла Толстаго*, которое именно случилось въ етотъ роковой 888 годъ (**). Вѣроятно *первая* таблица прилипла къ предшествовавшей страничкѣ; и нашъ Историкъ, водимый мерцаніемъ оглавленія, принялъ *послѣднюю* за *первую* и смѣшалъ *Карла Толстаго* съ *Карломъ Великимъ*. Смѣшеніе тѣмъ болѣе естественное, что *толстота* есть также родъ *величія*! То же самое было наконецъ причиною *сравненія Новогородской конституціи съ конституціею Французскихъ городскихъ общинъ*, которое вы, въ пылу вашей горячности, не умедлили бы назвать наинелѣпѣйшимъ. И дѣйствительно — читая рѣшительное увѣреніе, что будто »Князья окружные были то же въ отношеніи къ Новгороду, что Бароны Французскіе для Камбре, Нойона, Бове и Сенкентена, и Князь Кіевскій то же, что Короли Французскіе для сихъ городовъ« (***) — можно усумниться въ здраво-

(*) *И. Р. Н. Т. II, с.* 20.
(**) *Hist. de la civ. en Fr. T. II, p.* 427. *et* 924.
(***) *И. Р. Н. Т. II, с.* 73.

мыслiи нашего Историка. *Камбре*, *Нойонъ* и *Бове* не состояли ни въ какихъ *отношенiяхъ* съ *Баронами Французскими*, ибо были города *Епископскiе;* да и притомъ *первый* изъ нихъ принадлежалъ совсѣмъ не къ *Францiи*, а къ *Имперiи*, такъ что *Король Французскiй* былъ для него то же, что *Князь Кiевскiй* для *Гнѣзна* или для *Кракова* — не болѣе! Между тѣмъ ето опять не болѣе какъ — невинный промахъ! До Издателя *Исторiи Русскаго Народа*, вѣроятно, доходили слухи, разсѣеваемые учеными изыскателями нашихъ древностей, что *типъ конституцiи Новогородской* долженъ быть отыскиваемъ на *западѣ*. *Западъ* очень великъ; а слухи сiи были не ясны. Что же оставалось дѣлать нашему Историку въ такой неизвѣстности? Онъ обратился къ *Тiерри* — етой полной чашѣ, изъ которой почерпнулъ уже столько интересныхъ новостей — и, нашедши тамъ подробную исторiю освобожденiя упомянутыхъ городовъ, которые всѣ находятся на *западѣ*, весьма естественно могъ предаться мнѣнiю, что они-то именно и представляютъ етотъ сокровенный типъ, о которомъ онъ слышалъ невнятныя вѣсти. Радость о столь счастливой находкѣ воспрепятствовала ему видѣть враждебныя противорѣчiя: и — ошибка была сдѣлана! Но — велика ли ошибка? Не болѣе, какъ на — нѣсколько градусовъ! слишкомъ далеко уже махнулъ онъ на *западъ:* стоило бы только не переходить за *Рейнъ* и остановиться на *Ганзейскихъ городахъ* и на *Ломбардiи;* такъ и дѣло было бъ кончено, какъ не льзя лучше! *Новгородъ* былъ копiей *Любека* и *Бремена*, точно такъ какъ

Любекъ и *Бременъ* были копіями *Милана* и *Пизы!* . . . . Къ чести нашего Историка, должно однако сознаться, что и сія малая ошибка была допущена имъ — не безъ основаній. Французскіе вольные городà *производили союзы* между собою: и *Новгородъ былъ въ союзѣ со Псковомъ* (*). Ето — развѣ не сходство? У *Тіерри* приводится мѣсто изъ *Аббата Гиберта*, котораго нашъ Историкъ называетъ *благочестивымъ Аббатомъ Губертомъ* (**), гдѣ самое имя Французскихъ общинъ называется *словомъ новымъ и гнуснымъ* (pessimum) (***); а *Воскресенская Лѣтопись именуетъ Новогородцевъ — окаянными смердами и измѣнниками*, *другія* же *идутъ еще далѣе и называютъ ихъ — блядиными дѣтьми* (****). Какъ тутъ не обмануться! какъ тутъ не спутаться! . . . Строеніе Вавилонской башни кончилось всеобщимъ смѣшеніемъ языковъ: мудрено ли, что сія, не менѣе многотрудная работа должна была окончиться небольшимъ смѣшеніемъ понятій? . . . Смѣшеніе сіе есть только новое доказательство чрезмѣрнаго напряженія силъ Сочинителя *Исторіи Русскаго Народа* при составленіи своей мозаической *картины Руси*: а посему не можетъ быть никакого сомнѣнія, что сія *картина* стоила ему много . . . очень много!...

Такъ-то, другъ мой *Нікодимъ Арістарховичъ!* Ета *картина* обошлась не дешево Живописцу: и —

(*) *И. Р. Н. Т. II, с. 67.*
(**) *Тамъ же.*
(***) *Lett. sur l'Hist. de Fr. p. 277. И. И. Р. Т. II, с. 66.*
(****) *И. И. Р. Т. II, с. 67.*

тѣмъ болѣе для него чести! Одно обстоятельство однако моглобъ очень легко вскипятить снова ваше противъ него негодованіе. Обстоятельство ето — правду сказать — и меня сначала удивило. Нашъ Историкъ при указаніи источниковъ, изъ которыхъ онъ собралъ свою *мусію*, весьма не рѣдко цитуетъ со всею діпломатическою подробностію творенія и собранія, коихъ онъ, по всѣмъ признакамъ, не только не читывалъ, но и не видывалъ; и не цитуетъ даже именъ многихъ — преимущественно отечественныхъ — писателей, отъ которыхъ очевидно корыстовался *con amore!* Такъ — не говоря уже о *Scriptores rerum Francicarum*, коихъ многотомное изданіе здѣсь у насъ и достать трудно и на которыхъ ссылки, весьма нерѣдкія въ *Исторіи Русскаго Народа* (*), очевидно перешли туда невиннымъ образомъ изъ *Гизо* и *Тіерри*, попадаясь подъ руку вмѣстѣ съ переводимыми изъ нихъ мѣстами — довольно взглянуть на указаніе извѣстной *Исторіи закона Салическаго*, къ коей, какъ будто къ короткой знакомой, нашъ Историкъ отсылаетъ своихъ читателей. Ея Авторъ, знаменитый *Віарда*, у Историка нашего переименованъ въ *Віардосо* (**)!! Ето ясный признакъ, что не только сіе важное твореніе, но даже и самое имя знаменитаго изыскателя древностей Франкскихъ — Сочинителю *Исторіи Русскаго Народа* извѣстны только по слуху, да и то весьма невѣрному. Вы бы конечно загорячились здѣсь и заявили, какъ безпримѣрную отважность,

---

(*) *И. Р. Н. Т. II, с. 151. с. 12 и т. п.*
(**) *И. Р. Н. Т. II, с. 152.*

такую рѣшительную ссылку на нечитаннаго и невиданнаго Писателя. Но я, будучи постарѣе васъ, и сужу похладнокровнѣе. Мнѣ кажется ето слѣдствіемъ того же чрезмѣрнаго доброхотства къ читателямъ, которое вы уже видѣли отражающимся и въ прочихъ дѣйствіяхъ Историка *Русскаго Народа.* Что̀ нужды, что онъ не читалъ и не видалъ етой знаменитой Исторіи? Онъ слышалъ, что она хороша; и хочетъ, чтобы другіе прочли ее! Имя Автора не столько еще испорчено, чтобъ не льзя было добраться до настоящаго: и всякой, хотя нѣсколько знакомый съ Нѣмецкой Юридическою Литтературой, легко догадается, что подъ таинственнымъ именемъ *Віардосо* скрывается не другой кто, какъ — *Віарда!* . . . И такъ ета первая странность служитъ еще къ чести нашего Историка! — Не меньшую честь доставляетъ ему и другая, если изъяснить ее надлежащимъ образомъ. Въ *Исторіи Русскаго Народа* — точно не цитуются имена нѣкоторыхъ, коихъ мнѣнія поступили въ многосложный составъ ея; но — кто ети нѣкоторые? . . . Не цитуется имя *Каченовскаго,* коего новая и оригинальная ѵпоѳеза (*) *о Русской Правдѣ,* засеквестрованная уже крітиками въ *первомъ*

(*) *Для другихъ* ѵпоѳеза; для меня же она превратилась въ Историческую достовѣрность. Печатаніе моего разсужденія о *Русской Правдѣ* замедлилось отъ обстоятельствъ. Хорошо трудиться надъ разысканіями тѣмъ ученымъ, у которыхъ всѣ нужныя книги подъ руками! Надѣюсь однако же въ нынѣшнемъ году и свои *Опыты* представить на судъ просвѣщенныхъ любителей истины. *Изд.*

томѣ *Исторіи Русскаго Народа*, является опять во *второмъ*, вставленная въ *картину Руси*. Но єто опущеніе совсѣмъ не такъ злонамѣренно, какъ его хотѣли представить! Всѣмъ извѣстны журнальныя отношенія между Издателемъ *Вѣстника Европы* и Издателемъ *Московскаго Телеграфа*. Сей послѣдній, въ качествѣ *Историка Русскаго Народа*, очевидно позабылъ ихъ: и отсюда-то сіе, по видимому соблазнительное опущеніе: »Говоря о томъ« — такъ выражается онъ, выписывая разультатъ длинныхъ изслѣдованій *Каченовскаго* — »говоря о томъ, что *Русская Правда* не есть уложеніе, данное Новгороду Ярославомъ, а *сборъ законовъ, составленный въ разныя времена, изъ разныхъ источниковъ, разными людьми, мы (!!!)* доказали єто разностью списковъ Русской Правды, противорѣчіями въ одномъ и томъ же спискѣ и вообще образомъ составленія законовъ въ среднія времена« (*). Но єто: *мы* — совсѣмъ не значитъ того же, что: *мы пахали* — какъ по видимому кажется. Оно напротивъ есть выраженіе того, что Издатель *Исторіи Русскаго Народа*, такъ сказать, *отождетворяетъ* себя съ Профессоромъ Русской Исторіи, дабы показать, что онъ не дорожитъ никакими личными уваженіями, когда дѣло идетъ о присвоеніи мысли, столько важной для отечественной Исторіи. Въ другомъ случаѣ онъ позволяетъ себѣ подобное опущеніе, по другимъ неменѣе уважительнымъ причинамъ. Єто вразсужденіи мысли о вещественномъ основаніи раздѣленія древней Руси на *удѣлы*! »Что раздѣленные народы Сла-

(*) И. Р. Н. Т. II, с. 151, 152.

вянскіе« — говоритъ нашъ Историкъ — »были основаніемъ образовавшихся потомъ княжествъ Русскихъ: въ семъ нѣтъ сомнѣнія« (*). Ета мысль предложена уже была однимъ Соревнователемъ Общества Исторіи и Древностей Русскихъ — помнится, *Надеждинымъ* — во вступительной рѣчи, которая напечатана въ *Трудахъ Общества* (**). Но Издатель *Исторіи Русскаго Народа* не счелъ нужнымъ упоминать сіе — еще столь малоизвѣстное въ лѣтописяхъ нашей словесности — имя, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы не уменьшить тѣмъ важности, которую сія мысль можетъ имѣть для объясненія нашей Древней Исторіи. Предосторожность похвальная! Такъ обыкновенно поступаютъ великіе мастера̀ съ новичками, дабы пустить въ ходъ ихъ непримѣчаемыя преимущества: они выдаютъ ихъ произведенія за *свои* и тѣмъ предупреждаютъ недовѣрчивость, которою неизвѣстность всегда привѣтствуется! — Такимъ образомъ — никакое сомнѣніе, на счетъ искренности Историка *Русскаго Народа*, не должно имѣть мѣста: и вы — волею или неволею — должны наконецъ будете отдать полную и неукоризненную справедливость трудамъ, помощію коихъ собрана и составлена изъ столь разнородныхъ частей — *картина Руси!* . . .

Но! . . .

(Окончаніе слѣдуетъ.)

(*) *И. Р. Н. Т. II*, с. 43.

(**) *Тр. Общ. Ист. и Др. Рус. Ч.* V. Кн. I, стр. 102.

Нѣсколько замѣчаній на статью, помѣщенную въ В. Е. текущаго года (*).

Въ No 12 мъ Вѣстника Европы, сего года, на стр. 303 й сказано: »слово козакъ перешло отъ Татаръ въ смыслѣ военнаго человѣка; — такъ — но была и нынѣ есть *Казахія,* въ горахъ Кавказскихъ, а Осетины и теперь именуютъ Черкесовъ Касахами.« — И далѣе: »Черные Клобуки (т. е. народъ въ черныхъ шапкахъ), обитавшіе за Днѣпромъ по рѣкѣ Роси, заставляютъ насъ принять въ соображеніе сходство одежды казаковъ и горожанъ Малороссійскихъ съ одеждою Кавказскихъ народовъ: нельзя не замѣтить, что верхнее платье съ прорѣзными рукавами называется черкескою.« Почтенный издатель В. Е. проститъ намъ за сдѣланіе слѣдующихъ замѣчаній на сіи слова: 1) въ Кавказскихъ горахъ вовсе нѣтъ страны Казахіи, а на правомъ берегу Куры, на равнинѣ и частію въ горахъ не Кавказскихъ, а составляющихъ предгорія Арарата находится 63 селенія Армянскихъ и Татарскихъ, которыя составляютъ Казахскую дистанцію. — Татары сію дистанціею называютъ Казахъ, ибо обитатели оной всегда служили въ конницѣ Грузинскихъ Царей, и вообще словомъ Казахъ Татары означаютъ конно-вооруженнаго человѣка. 2) Часть жителей Казахскихъ въ концѣ прошлаго вѣка пере-

---

(*) *Изъ Тифлисскихъ Вѣдомостей.*

селилась въ Ериванскую провинцію, и поселясь около южнаго берега озера Гокчи, получила проименованіе: Карапапахъ, т. е. черныя шапки, ибо прежде здѣсь обиталъ народъ сего проименованія. Сіи Карапапахи почитаются народомъ храбрымъ, и всегда служили въ войскахъ СардаряЕриванскаго, избавляясь за сіе отъ всѣхъ податей. — 3) Одежда Русскихъ казаковъ, правда, сходствуетъ съ одеждою Черкесовъ, Тайгаурцевъ, Осетинъ, Лезгинъ, и другихъ народовъ, наполняющихъ нѣдра Кавказскихъ горъ; но одежда Малороссіянъ не имѣетъ никакого сходства съ ихъ одеждою; напротивъ она болѣе подходитъ къ одеждѣ Грузинъ, Армянъ и Татаръ. Замѣчательно, что стрижка волосъ простыхъ Грузинъ и Армянъ совершенно одинаковая съ Малороссійскою; нѣкоторые Грузины и Армяне, подобно симъ послѣднимъ, подбриваютъ высоко на головѣ волосы, оставляя на макушкѣ хохолъ. — Во время путешествія моего по Закавказскимъ провинціямъ я былъ пораженъ сходствомъ физіономій Сѣверныхъ Дагестанцевъ и Баязетскихъ Татаръ съ физіономіею нашихъ Малороссіянъ. Та же бѣлизна лица, тотъ же свѣтлорусый цвѣтъ волосъ, и пр. и пр. Изъ всѣхъ сихъ замѣчаній не льзя ли вывести заключенія, что народъ, извѣстный въ нашей Исторіи подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ — былъ родоначальникомъ Казаковъ, и что первобытное жилище ихъ было въ нынѣшней Казахской дистанціи или около озера Гокчи, сопредѣльнаго сей послѣдней? — *З — въ.*

3 Августа 1830 года. Тифлисъ.

Замѣчанія на Литтературныя привязки (*) къ статьѣ: Взглядъ на Россійскія Лѣтописи въ філологическомъ отношеніи.

Замѣчанія на статью: *Взглядъ на Россійскія Лѣтописи* и пр., имѣютъ такое заглавіе, которое прилично большей части крітикъ, между тѣмъ какъ онѣ, по своему духу, вполнѣ соотвѣтствуютъ понятію крітики дѣльной. Теперь крітика принимается за одно съ ругательствомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ охужденіемъ. Если скажутъ: сочиненіе такого-то окрітиковано; то при сихъ словахъ само собою представляется, что сочиненіе признано худымъ, да и самому Сочинителю досталось. Признаюсь, что я съ давняго времени избѣгалъ такой участи, и только, уступая убѣжденіямъ одного изъ моихъ пріятелей (Я. В. С . . л. скаго), рѣшился наконецъ сдѣлать первый опытъ; но поступилъ слишкомъ самонадѣянно: vade, sed inculta, были слова, съ которыми отпустилъ я свою статью гулять по бѣлому свѣту. Въ семъ случаѣ имѣлъ я свои виды: *окрітикуютъ?* Нежаль труда — небольшаго; пощадятъ? — Вѣрно живетъ; одобрятъ? — Значитъ и наша беретъ! — Вотъ что вмѣсто предисловія, а теперь приступаю къ самому дѣлу.

(*) В. Е. 1830, No 13, стр. 68 — 11.

Въ статьѣ сказано: »При составленіи особенныхъ словарей на Лѣтописи не безполезно прибѣгать и къ другимъ языкамъ.« Г. Критикъ замѣчаетъ, что вмѣсто сего можно было бы сказать рѣшительнѣе: *языки, и въ особенности родственные нашему нарѣчію, необходимо нужны*. А я на ето замѣчу, что мною сказано больше, но только не все выражено. Если *не безполезно* прибѣгать и къ другимъ языкамъ (а ето языки иностранные, какъ видно изъ представленныхъ примѣровъ, т. е. Греческій, Нѣмецкій, разумѣется, и другіе, ибо, въ семъ случаѣ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше); то уже само собою предполагается, что языки, родственные нашему, *необходимо нужны*. Причиною моей нерѣшительности въ выраженіи было то, что я, какъ новичекъ, ищущій мѣстечка въ литтературной лабораторіи, не осмѣлился говорить ex tripode. Умолчаніе же объ языкахъ родственныхъ нашему тогда, какъ я указалъ на языки иностранные, произошло отъ того, что, при сочиненіи оной статьи, я занимался сличеніемъ нѣкоторыхъ старинныхъ нашихъ выраженій и вообще словъ, принадлежащихъ къ одному корню, но имѣющихъ совершенно различныя значенія съ иностранными выраженіями и словами (*); а по пословицѣ: что на умѣ, то и на языкѣ, или, какъ въ семъ случаѣ, на письмѣ.

(*) Опытъ такого сличенія я намѣренъ представить на разсмотрѣніе ученому свѣту. *Соч.*

Далѣе: изъявленное мною желаніе, чтобы »опредѣлены были нарѣчія, на которыхъ написаны извѣстныя Лѣтописи,« Г. Крітикъ почитаетъ *требованіемъ едва ль исполнимымъ.* Представленныя отъ него причины *трудности* въ исполненіи сего желанія признаю справедливыми; не смотря на то, я увѣренъ, что и отъ *едва* можно отдѣлаться, только не вдругъ и не безъ труда. — Если нѣтъ у насъ, какъ утверждаетъ Г. Крітикъ, рукописныхъ екземпляровъ (разумѣется Лѣтописей) старѣе XIV вѣка (*); то мы можемъ принять въ пособіе для XI го вѣка Остромірово Евангеліе и два Сборника; для XII го, кромѣ Пѣсни о Полку Игоревѣ, особенное собраніе памятниковъ сего вѣка, изданное К. Калайдовичемъ; для XIII го древній переводъ Кормчей и многія Граматы; а о XIV мъ вѣкѣ не упоминаю, потому что отсюда начинаются самые списки Лѣтописей, доселѣ намъ извѣстные. Сличивъ разные списки Лѣтописей между собою и съ оными памятниками древней нашей письменности, мы могли бы въ новѣйшихъ спискахъ отличать слова, измѣненныя писцами и съ довольною вѣроятностію опредѣлить время ихъ написанія; ибо хотя языкъ нашъ измѣнялся, но не очень скоро, по причинѣ медленнаго образованія нашихъ предковъ. При опре-

---

(*) Подождемъ: можетъ быть, ревностному нашему Археологу, *Строеву*, удастся найти списки, если не самые подлинники, Лѣтописей и старѣе XIV го вѣка. *Соч.*

дѣленіи времени, къ которому принадлежитъ языкъ извѣстной Лѣтописи, могутъ служить хорошимъ пособіемъ замѣчанія о Славянскомъ языкѣ, изложенныя почтеннымъ нашимъ Філологомъ Востоковымъ (*). Я отличаю здѣсь, какъ и въ прежней статьѣ, время написанія отъ времени списыванія Лѣтописей, такъ впрочемъ, чтобы новость списка не отнимала у него права на древность по языку; ибо могло статься, что списыватель оставилъ неприкосновенными подлинныя слова (textus) Лѣтописи. — Опредѣляя время написанія Лѣтописей, мы не должны оставлять безъ вниманія ихъ мѣстнаго языка. Образцы главныхъ нарѣчій: Волынскаго, Кіевскаго, Московскаго и Новогородскаго, у насъ имѣются; недостаетъ только правилъ, по которымъ можно было бы отличать ихъ одно отъ другаго. Чтобы составить такія правила, не нужно сочинять цѣлой Грамматики для каждаго нарѣчія; довольно показать тѣ черты, которыми отличаются главныя древнія нарѣчія отъ новаго книжнаго Славянскаго языка. Прочія нарѣчія болѣе или менѣе должны быть сходны съ тѣмъ или другимъ главнымъ нарѣчіемъ, смотря по мѣстной близости. — Примѣсь книжнаго Славянскаго языка, часто встрѣчающагося въ Лѣтописяхъ между областнымъ нарѣчіемъ, отдѣлить

(*) *Труд. Общ. Любит. Росс. Слов. Часть XVII.*

очень не трудно; внимательный читатель замѣтитъ, какъ рѣзко оттѣняется книжный языкъ простореѣчіемъ, когда приводятся самыя слова̀ дѣйствующихъ лицъ.

Не останавливаясь на другихъ замѣчаніяхъ, обращаю мое вниманіе на слово *вѣче.* Г. Крітикъ не только не соглашается признать родства между словами *вѣче* и *вѣщать*, но даже лишаетъ первое изъ нихъ туземства. Онъ говоритъ, что скорѣе слѣдовало бы породнить *вѣче* съ Богемскимъ *вѣцъ* (вещь); —« и я на ето согласенъ. Но основываясь на семъ родствѣ, заключаю въ пользу слова *вѣче* такимъ образомъ: *вѣче* въ родствѣ съ Богемскимъ *вѣцъ*; а *вѣцъ* не льзя отчуждить отъ нашего слова *вещь* (сего не позволятъ ихъ созвучіе и тождество значеній); а какъ слово *вещь*, по Добровскому (*), принадлежитъ къ одному корню *вѣт* съ словомъ *вѣщаю*; слѣд. и слову *вѣче* не льзя отказать въ родствѣ съ словомъ *вѣщаю*. То же выйдетъ, если Богемское *вѣцъ* и близкое къ *вѣче* по значенію Польское wiec (которое между прочимъ значитъ и *совѣтъ*), слѣдуя Линде, отнесемъ къ одному корню съ словами *совѣтъ*, *совѣщатъ*. Кромѣ сего, я нахожу во многихъ языкахъ родство между понятіями *слово* и *вещь*; на пр. Евр. (dabar) Греч. *ῥῆμα*, Слав. *глаголъ* и Пол. rzecz означаютъ *слово* и *вещь*. Даже Нѣм. Sache,

(*) Instit. Linguae Slavicae dialicti veter. Vindobonae. 1822. pag. 87, cн. 274.

вѣроятно происходящее отъ sagen, въ обоихъ значеніяхъ, соотвѣтствуетъ онымъ (*). Притомъ въ Россіи, не такъ какъ въ Польшѣ, собирались на *вѣче* не столько для судопроизводства, сколько для *совѣщанія* о дѣлахъ общественныхъ (**). Если можно породнить наше *вѣче* съ Нѣм. wette; то сіе легче сдѣлать можно съ Латышскимъ veeta (мѣсто) (***); но я отказываюсь отъ сего труда, предоставляя оный какому нибудь Броссу. Чтожъ касается до слова *перевѣсище*; то воспользовавшись указаніями г. Критика, я нашелъ его изъясненіе основательнымъ. Въ подтвержденіе онаго я указываю на одно мѣсто изъ Царственного Лѣтописца (****); тамъ говорится, что В. К. Василій Васильевичь, отправляясь въ Орду, »обѣдалъ на своемъ лузѣ противу Симонова подъ *перевѣсіемъ*.« Сіе слово въ Акад. Словарѣ (*****) изъяснено словами: *наметъ*, *шатеръ*, нужно бы прибавить, для птицелововъ. Сверхъ сего въ Уложеніи (******) между угодьями, именно на ряду съ бортными ухожь-

(*) Втор. XIX. 15.
(**) Опытъ о посад. Новогор. стр. 9 — 13.
(***) Lettisch. Lexik. von Stender. Mitau.
(****) Стр. 177.
(*****) Почему не помѣщено въ семъ Словарѣ *перевѣсище*, а при словѣ *перевѣсъ* не прибавлено значеніе, сходное съ значеніемъ перевѣсища? — По моему мнѣнію, что здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ, произошло отъ того, что сей Словарь по частямъ составлялся многими лицами, которые пользовались неодинакими пособіями. *Соч.*
(******) Глава XVII, ст. 23.

ями, рыбными ловлями, бобровыми гонями и вспудами упоминается и о *перевѣсьяхъ*. Принявъ все сіе въ соображеніе, я полагаю, что *перевѣсищемъ* (перевѣсомъ или перевѣсьемъ) называлось угодье, находившееся внѣ города или селенія и заключавшее въ себѣ нужные снаряды для птицеловства. Въ прежней статьѣ, при опредѣленіи слова *перевѣсище*, я послѣдовалъ Шлецеру; но, не слагая вины на него, признаюсь въ своей погрѣшности. Впрочемъ по моей цѣли не было надобности входить въ дальнѣйшій разборъ.

Не-Філологи будутъ удивляться, что о двухъ словахъ столько было толку; но имъ можно напомнить, что часто отъ сбивчиваго понятія словъ происходитъ такое же познаніе и самыхъ вещей. — Наконецъ, поблагодаривъ неизвѣстнаго Крітика за вниманіе къ первому моему опыту, не столько по взаимности, сколько по достоинству самыхъ замѣчаній, прилагаю къ нимъ первую мысль изъ оныхъ. За справедливость оной мысли, въ отношеніи къ г. Крітику, можетъ ручаться сія статья. Желалъ бы я прочитать обѣщанное продолженіе (*); а съ моей стороны, если откроется надобность — продолженіе будетъ.

Θеодоръ Косцѣша.

Кіевъ. 14 *Сентября* 1830.

(*) Сочинитель, нынѣ отсутствующій, далъ мнѣ слово, по возвращеніи въ Москву, доставить окончаніе своей статейки. *Изд.*

Политическія и другія происшествія.

Франція.

Скоро по принятіи верховной власти съ титломъ Короля Французовъ, прежній Дюкъ Орлеанскій, Лудовикъ Филиппъ, учредилъ новое министерство (11 го Авг. н. с.), назначивъ: г-на Дюпона Хранителемъ Печати и Министромъ Юстиціи; Генералъ-Лейтенанта Графа Жерара Военнымъ; Дюка Броліо Министромъ Народнаго просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ и Президентомъ Государственнаго Совѣта; г-на Гизо Министромъ Внутреннихъ дѣлъ; Барона Луи Министромъ Финансовъ; Графа Моле Министромъ Иностранныхъ дѣлъ; Генералъ - Лейтенанта Графа Себастіани Морскимъ.

— Новый Главнокомандующій Африканской експедиціи, Генералъ Клозель, назначилъ для себя многочисленный Штабъ, въ коемъ находятся Генералы Делоръ и Ройе. Самъ онъ уже отправился изъ Тулона, 28 Августа.

— Арестованные въ Турѣ бывшіе Министры, Гг. Перонне, Шантелозъ и Гернонъ-Ранвиль, привезены въ Парижъ въ дилижансѣ. Вскорѣ за тѣмъ прибылъ и Князь Полиньякъ, схваченный въ Гранвиллѣ. Всѣ они отправлены въ Венсенскій замокъ, гдѣ содержатся не строго. Имъ позволено видѣться съ своими семействами.

— Августа 30 го происходилъ на Марсовомъ полѣ смотръ двѣнадцати легіонамъ пѣхоты и одной дивизіи конницы Парижской Національной Гвардіи, состоящей изъ 60 тысячь человѣкъ. При семъ случаѣ розданы были ей знамена съ изображеніемъ на древкѣ пѣтуха (Gallus).

— Въ ночи на 28е Августа скончался скоропостижно въ помѣстьѣ Сенъ-Ле Дюкъ Бурбонскій, Принцъ де Конде, на 75 году отъ рожденія.

— Арабы заняли Сиди-Ферручъ и Стаонели. Французскіе офицеры и солдаты не смѣютъ выходить изъ Алжира далѣе одной мили. Бедуины захватили многихъ неосторожныхъ. Гарнизоны Орана и Боны оставили сіи мѣста, и воротились въ Алжиръ, неизвѣстно по какой причинѣ.

— Тунисское Правительство заключило съ Французскимъ 10-го Августа трактатъ, коимъ, между прочимъ, уступаетъ Франціи Табарку, прекращаетъ морское разбойничество, и освобождаетъ всѣхъ невольниковъ.

— Городъ Триполи сдался Французамъ. Съ Беемъ заключенъ договоръ, въ слѣдствіе коего прекращается морское разбойничество и рабство Христіанъ; не Европейскія націи не будутъ платить Бею ни какой дани; но Бей обязывается заплатить Французскому Правительству 800,000 франковъ.

— Король наименовалъ Князя Талейрана Чрезвычайнымъ Посломъ и Полномочнымъ Министромъ при Лондонскомъ Дворѣ. Онъ долженъ былъ отправиться не прежде 25-го числа Сентября, прямо въ Брейтонъ, гдѣ находится нынѣ Король Англійскій.

Великобританнія.

Е. В. Карлъ X, съ Фамиліею своею, отправился 23-го Августа (н. с.) на казенномъ пароходѣ изъ Ковеса въ Пуль, а оттуда сухимъ путемъ поѣхалъ въ Лульвортъ, что близъ Веймута. Здѣсь намѣренъ провести все время пребыванія своего въ Англіи.

Нидерландское Королевство.

Въ слѣдствіе происходившихъ въ Брюсселѣ безпокойныхъ явленій съ 25 числа Августа (н. с.), прекращенныхъ 27-го, въ Гагѣ обнародована, 7-го Сентября, Королевская прокламація, въ которой Е. В. приглашаетъ своихъ вѣрноподданныхъ въ тишинѣ и съ довѣренностію ожидать рѣшенія созванныхъ имъ Генеральныхъ Штатовъ, коимъ поручено будетъ заняться разсужденіемъ о мѣрахъ для успокоенія умовъ и водворенія спокойствія.

— Дюкъ Рагузскій (Маршалъ Мармонъ) прибылъ изъ Англіи 29-го Августа въ Гагу, а 1-го Сентября въ Амстердамъ.

Германія.

Императоръ Австрійскій повелѣлъ, чтобы Генералъ отъ Кавалеріи Баронъ Фримонъ, сдавъ на время дѣла Военной Коммиссіи, принялъ снова главное начальство надъ военными дѣлами въ Ломбардіи и Венеціи.

— Мятежническій духъ, обнаружившійся въ разныхъ мѣстахъ въ Белгіи, также и въ Ахенѣ 30-го Авг. (н. с.), понудилъ на безпорядки фабричныхъ работниковъ. Туда немедленно послана была часть войскъ, собранныхъ при Кобленцѣ для маневровъ. Въ то же время войска выступили изъ Кобленца въ Кельнъ, гдѣ жители, встревоженные безъименными мятежническими объявленіями, убѣдительно просили о присылкѣ къ нимъ гарнизона.

— Спокойствіе на короткое время было нарушено не только въ Ахенѣ, въ Кельнѣ, но и въ Лейпцигѣ. Вездѣ благомыслящіе граждане соединялись съ военною силою для прекращенія или предупрежденія безпорядковъ. Въ Брауншвейгѣ 7-го Сентября, по отъѣздѣ Герцога, чернь сожгла дворецъ его. Жители Гамбурга то же встревожены были скопищами черни, которая однако немедленно была разогнана и укрощена выступившею противъ нее гражданскою милиціею. Въ Дрезденѣ многіе нарушители спокойствія были

взяты вооруженными жителями подъ стражу и посажены въ крѣпость Кенигштейнъ.

— Въ Альтенбургѣ, Гильдесгеймѣ, Готѣ и Хемницѣ происходили безпокойныя явленія между народомъ; но онѣ не имѣли ни какихъ важныхъ послѣдствій.

Неаполитанское Королевство.

Дей Алжирскій 3го Августа (н. с.) въ 12 часу до полудня, въ сопровожденіи своего зятя и четырехъ принадлежащихъ къ свитѣ его особъ, прибылъ въ Неаполитанскій карантинъ. Для него нанята квартира въ гостинницѣ, куда и переѣхалъ онъ со всѣмъ своимъ гаремомъ и съ охранителями онаго.

— По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, бывшій Дей Алжирскій положилъ въ Неапольскій Банкъ 80,000 червонцевъ, и послалъ въ монетный дворъ 300 фунт. золота въ слиткахъ для чеканенія изъ онаго денегъ.

Турція.

Верховный Визирь, подъ предлогомъ готовности выслушать жалобы Албанцевъ, заманилъ въ Битолію значительное число ихъ старшинъ, и на ученьи, къ коему были приглашены Визиремъ, всѣ по данному сигналу были изрублены. 12 го Августа у воротъ Сераля выставлены были головы трехъ

главныхъ предводителей, присланныя изъ Албаніи Верховнымъ Визиремъ.

— Паша Травникскій, усмиривъ Босняковъ, прекратилъ ихъ набѣги на Австрійско-Кроатскую границу. Посему полагаютъ, что Австрійскія войска уже не будутъ занимать Боснійскихъ владѣній.

— Греческій Патріархъ Агаѳангелъ отрѣшенъ отъ сей должности. Преемникомъ его, по общему избранію, назначенъ и утвержденъ Портою извѣстный многими учеными сочиненіями бывшій Митрополітъ на горѣ Синаѣ, Діонисій.

— Султанъ приказалъ вновь выстроить Греческій монастырь на островѣ Халки; туда уже посланъ Архитекторъ и Мулла Скутарійскій, для составленія плановъ и смѣтъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Проза.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІЯ.

Стран.

СМѢСЬ.